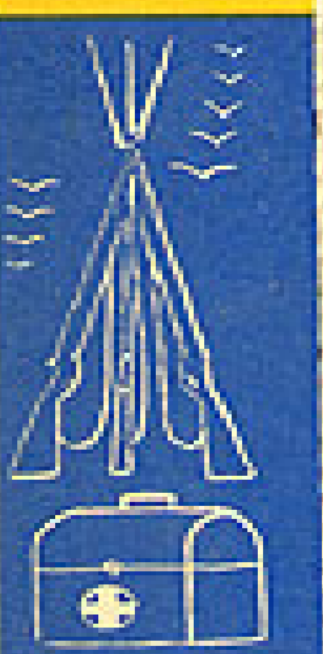
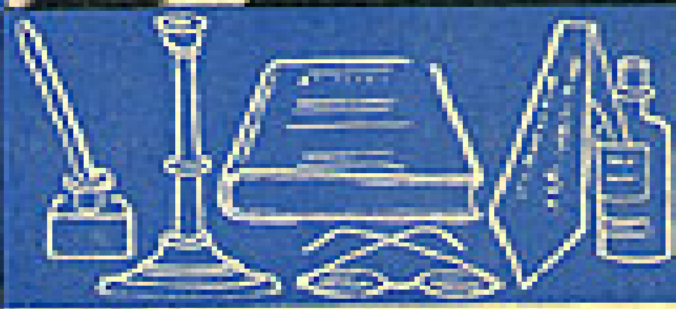
БОТКИН





Е. Нилов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

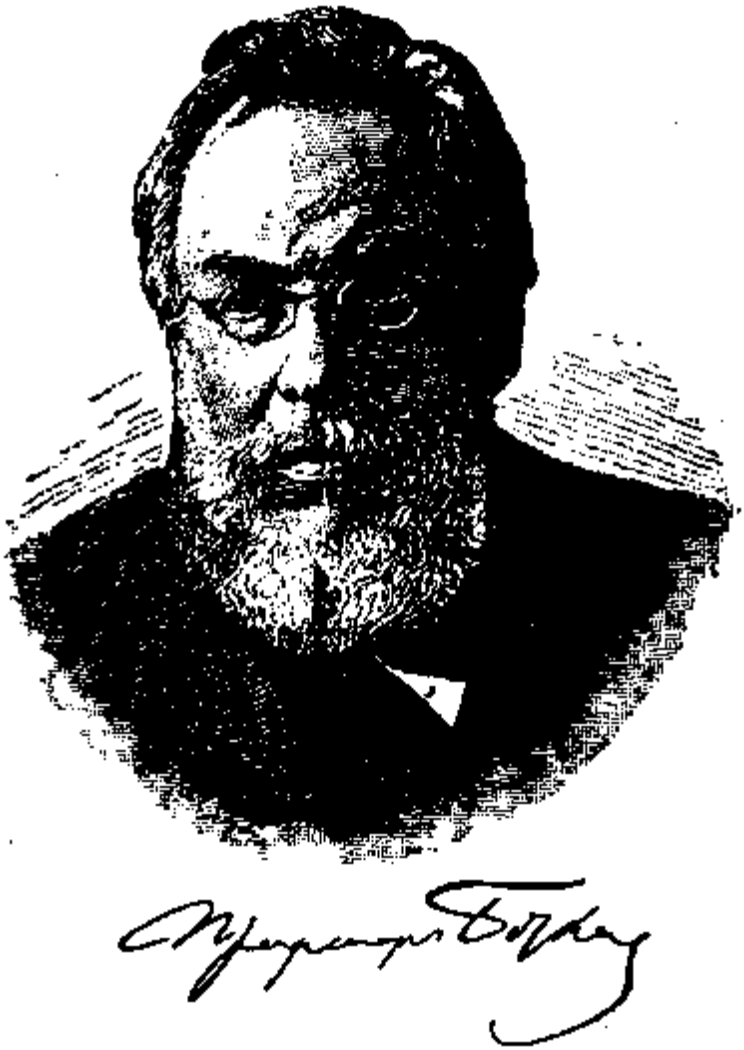
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данная книга является биографией выдающегося русского ученого С.П. Боткина.

- Е. Нилов
  -
  - Наследство
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Основные даты жизни и деятельности С. П. Боткина
  - Краткая библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Е. Нилов
Боткин



Наследство

«…Во имя святыя троицы. Аминь!»

«Понеже, соизволением всемогущаго бога, тяжкою телесного слабостию посещен есмь, которая так привилася, что повидимому живот мой скончаю и сие временное житие в вечное применю, к чему Всемогущий своею милостью мне да поможет…»

Четверо студентов с интересом читали копию духовного завещания первого русского архиятера[1] и лейб-медика Эрскина, составленного В 1718 году.

«Понеже по обыкновению христианскому и для очищения совести, свои пожитки движимые и недвижимые… определить намерен… Всемилостивейшей государыне царице Екатерине Алексеевне не употребленные полотна н кружева и всю порцелиновую посуду…

…Все курьезные вещи… никому кроме царского величества моего Всемилостивейшего государя не представлять…»

Далее шло перечисление «пожиток» и лиц, которым они завещаны были: «…Госпоже матеря моей… ближайшим наследникам… камердинеру моему… аптекарю…»

Против каждого пункта завещания — рукою Петра I: «Быть так».

Один из студентов, читая этот документ, сказал:

— А нам, своим прямым наследникам — русским медикам, первый российский архиятер так ничего и не завещал…

Студент был не прав — доктор философии и медицины Р. К. Эрскин, как и другие первые ученые-лекари, оставил большое наследство; это были накопленные за прошедшее столетие наблюдения, факты, методы лечения, научное мировоззрение.

Во всем этом молодому поколению медиков надо было еще разобраться, надо было, отбросив старое, отжившее, отобрать все нужное, полезное, ведущее науку вперед.

Четверо студентов учились на первом курсе медицинского факультета Московского университета — Боткин, Белоголовый, Кнерцер и Шор. Из них только Шор поступил на медицинский факультет по призванию. Еще мальчиком он восторженно мечтал о деятельности врача. Белоголовый, воспитанный в Иркутске ссыльными декабристами, стремился стать юристом и на этом благородном поприще служить бескорыстно отечеству, защищая невиновных и наказывая преступников. Боткин и Кнерцер хотели изучать высшую математику. Математические дисциплины привлекали их строгой последовательностью, логикой мышления.

Трем юношам из этой дружеской четверки — Белоголовому,

Кнерцеру и Боткину пришлось расстаться со своими мечтами. Правительственный указ 1849 года временно прекращал, прием в университет на все факультеты, кроме медицинского. Итак, медицина! Трое вошли в двери факультета с досадой и разочарованием, один Шор с радостью.

Прошли годы — Боткин, Белоголовый и Кнерцер полюбили медицину и отдали ей свою жизнь, Шор, этот единственный «медик по призвании», вскоре разочаровался в своей профессии и стал… акцизным чиновником.

Глава I
В доме на Маросейке

«Не от прилавка чайной торговли идут первые впечатления раннего детства сергей Петровича Боткина, а от самого главного очага передовой культуры — тогдашнего московского общества».

М. П. Кончаловский

Кнерцер, Белоголовый и Шор приходили по субботам к своему другу Сергею Боткину, в Петроверигский переулок, в собственный дом купца первой гильдии чаеторговца Петра Кононовича Боткина, в знаменитый «дом на Маросейке».

Слава боткинского дома началась еще в тридцатые годы, когда студенческий кружок Московского университета, названный «Литературным обществом 11-го нумера», перекочевал с Моховой на Маросейку. Это случилось потому, что казеннокоштный студент Виссарион Григорьевич Белинский, живший в 11-м нумере, был исключен из университета.

Белинский стал душой этого общества, честью и совестью лучших людей Москвы, а потом к всей России. Белинский был другом Василия Петровича Боткина, купца и литератора.

Половину бельэтажа боткинского дома занимали парадные комнаты. Здесь и собирались друзья и знакомые старшего сына Боткина — Василия Петровича: молодые писатели, художники, профессора.

В дон на Маросейке стремились попасть приезжие из столицы и других городов. Здесь бывали Герцен, Огарев, Тургенев, Некрасов, Панаевы.

Здесь за длинным столом после традиционного чан говорили о книгах, журнальных статьях. Здесь Виссарион Белинский впервые прочитал свою запрещенную цензурой драму «Дмитрий Калинин».

Интерес членов кружка к философии пробудил Николай Владимирович Станкевич, тоже студент Московского университета. Предметом изучения стала главным образом новейшая немецкая философия, и прежде всего Гегель.

И. С. Тургенев в романе «Рудин» описал подобный кружок. В образе Покорского — юноши с ясным умом, горячим сердцем — современники узнавали Станкевича. То, что приписывает автор романа Демосфену кружка — Рудину, можно отнести к Василию Петровичу Боткину, который, по многочисленным свидетельствам современников, был большим знатоком философии Гегеля и истолкователем ее в кружке.

Не знать учения Гегеля в обществе молодых московских философов считалось недопустимым. Но находились критические умы, не пошедшие слепо за ним. Таким был Л. И. Герцен. Вокруг Герцена группировалась молодежь, интересовавшаяся политическими вопросами. Властителями их дум были Сен-Симон и Фурье.

В 1835 году Герцен и Огарев «как опасные для общества вольнодумцы и фанатики» были отправлены в ссылку. Через два года больной туберкулезом Станкевич уехал за границу, где и умер. В 1839 году Белинский уехал в Петербург. Но кружок не распался.

Герцен по возвращении из ссылки особенно близко сошелся с В. П. Боткиным. В книге «Былое и думы», вспоминая о боткинском кружке. Герцен писал: «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде, ни в высших вершинах политического мира, ни на последних маковках литературного и аристократического».

П. В. Анненков в своей книге «Замечательное десятилетие» тан описывает Василия Петровича Боткина: «Я нашел в Боткине молодого человека в красивом парике, с чрезвычайно умными и выразительными глазами, в которых меланхолический оттенок постоянно сменился огоньками и вспышками,

свидетельствовавшими о физических силах, далеко не покоренных умственными занятиями. Он был бледен, очень строен, и на губах его мелькала добродушная, но какая-то осторожная улыбка, — словно врожденный его скептицизм по отношению к людям сохранял над ним свои права и в области безграничного идеализма, в котором он тогда находился».

В сороковых гадал Петр Кононович Боткин сдал половину бельэтажа своего дома Тимофею Николаевичу Грановскому. Грановский, профессор истории, был славой Московского университета. Влияние его на молодое поколение было огромным. «Грановский был доступен во всякое время, не отталкивая никого, никогда, проникнутый весь наукой, посвятив себя всего делу просвещения и образования… — он считал самого себя как бы общественным достоянием, как бы принадлежностью всякого… к нему, как к роднику близ дороги, всякий подходил и черпал живительную влагу…» — писал о нем И. С. Тургенев, а Герцен утверждал:

«Его сила — была не в резкой полемике, в смелом отрицании, а именно в положительном нравственном влиянии, в безусловном доверии, которое он вселял…»

Вокруг Грановского группировались лучшие, передовые люди. Для них он как бы заменил своего умершего друга Станкевича. Скоро оба кружка на Маросейке слились.

По описанию поэта Л. Л. Фета-Шеншина, часто бывавшего у Боткиных на Маросейке, дом походил на большой комод с бесчисленными ящиками и отделениями. В каждом ящике-закоулке шла своя обособленная жизнь.

В то время, когда в бельэтаже у Василия Петровича и Грановского собирались лучшие умы России, на антресолях в небольших душных комнатушках, где помещались детские комнаты и спальни взрослых, перед темными ликами угодников тонко позванивали золоченые цепи, желтели, колеблясь, язычки лампад; перед старинными иконами молились женщины большого боткинского гнезда. Здесь же на жестких диванах укладывала спать младших мальчиков. В одной из этих комнатушек вместе с братьями Петром и Дмитрием жил Сережа Боткин.

Он родился 5 сентября 1832 года.

Петр Кононович от двух браков имел 25 детей, в живых осталось 14: 9 сыновей, 5 дочерей. Сергей был одиннадцатым ребенком из живых. Мать его Анна Ивановна, из рода купцов Постниковых, пошла за многодетного вдовца, на сирот, которые и росли вместе с рожденными ею детьми.

Из неопубликованной «Семейной хроники», написанной

женой С. П. Боткина — Е. А. Боткиной, мы узнаем, что раннее детство Сергея Петровича протекало в обычных по тому времени условиях быта московского купечества. «Домашняя обстановка, особенно в отношении детей, была суровая. Отца боялись. Он был, в сущности, добрым человеком, но никогда не баловал детей, считая это вредным. Он хотел, чтобы они добивались своего места к жизни, как он сам — настойчивым трудом. Человек, плохо выполняющий свои обязанности, в рассуждении Петра Кононовича выглядел человеком бесчестным, пропащим, на которого жаль было тратить деньги, слова н время. От детей своих он требовал не только трудолюбия, но и уважения к чужому труду. Если кто-нибудь из младших детей проливал суп на скатерть, отец очень сердился и со словами: „Уважай чужой труд!“ — отсылал виновного от стола, безжалостно оставляя его без обеда. При отце младшие дети никогда рта не раскрывали, да н некоторые из старших робкого характера держали себя с ним приниженно».

Но, видимо, эта «родительская строгость» проявлялась лишь в первые годы жизни Сережи, так как друг его школьных лет Белоголовый уже так описывает семью Боткиных: «…все многочисленные члены этой семьи поражали своей редкой сплоченностью; их соединяла между собой самая искренняя дружба и самое тесное единодушие. На фамильных обедах этой семьи… нередко за стол садилось более 30 человек, и все своих чад и домочадцев; и нельзя было не увлечься той заразительной и добродушной веселостью, какая царила на этих обедах; шуткам и остротам не было конца; братья трунили и подсмеивались друг над другом, но все это делалось в таких симпатичных и благодушных формах, что ничье самолюбие не уязвлялось и все эти нападки друг на друга только еще яснее выставляли нежные отношения братьев. Друзья каждого из братьев с самым теплым радушием принимались всеми остальными и вскоре делались своими людьми в этом почтенном доме».

Первая учительница Сережи Боткина никак не могла научить его читать. Старик отец держал за это сына в черном теле, не любил за нерадивость и часто говорил: «Что с этим дураком делать? Одно остается — сдать в солдаты!»

«Нерадивость» мальчика объяснялась просто — он увлекался библиотекой брата. Лишившись в семилетнем возрасте матери, Сережа все больше привязывался к старшему брату Василию. Тот жил отдельно от семьи, и мальчик, удирая из «большого дома» к брату во флигель, целыми днями просиживал, рассматривая богато иллюстрированные издания, перелистывая страницы книг.

Еще больше нравилось ему, примостившись где-нибудь,

смотреть и слушать, когда у Василия Петровича собирались друзья и кто-нибудь из них разворачивал прошнурованную тетрадь н читал прозу, пьесу или стихи. Слушать взрослых маленькому Сереже было интересно, а вот складывать буквы в слова на уроках с учительницей скучно до зевоты. Его детский ум отказывался признать связь между чтением букваря и теми чудесными книгами, которые он так полюбил в библиотеке брата. Это привело к тому, что Сережа к девяти годам едва читал по складам.

В результате большого семейного разговора все заботы по воспитанию Сережи и других маленьких Боткиных легли на Василия Петровича. К своим новым обязанностям он отнесся серьезно и с увлечением.

Сереже была нанята хорошая учительница, он быстро одолел грамоту и пристрастился к чтению. Полюбил он и уроки арифметики, причем больше всего ему нравилось решать задачи не по известным правилам, а по-своему. Тогда же в его жизнь вошла музыка. Как-то, забежав в квартиру Грановских, Сережа услыхал игру на рояле. До сих пор музыкальные упражнения сестер не производили на него никакого впечатления, им было так же далеко до игры Елизаветы Богдановны Грановской, как букварю до тех чудесных книг, которые Сережа рассматривал в библиотеке старшего брата.

С этих пор младший Боткин постоянно приходил к Грановской, и она. заметив в нем интерес к музыке, охотно играла для него, рассказывала о композиторах, объясняла законы гармонии. Перед Сережей открывался неизвестный ему ранее мир звуков. Музыка стала увлечением Боткина на всю жизнь.

Как-то Василий Петрович подарил младшему брату сочинение Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Вечера» нравились. Вскоре Сережа увидел любимого писателя. Случилось это так. В один из своих приездов в Москву Белинский, как всегда, остановился во флигеле у Василия Петровича, Узнав о приезде Белинского, Сережа побежал во флигель. В полутемных сенях он увидел незнакомого человека в крылатке — заостренный нос, черные блестящие волосы и пронзительный взгляд. Сергей почему-то испугался и убежал. Потом он узнал, что это был Гоголь, приходивший к Белинскому.

Не раз позднее слышал Сережа рассказ о том, как его другой брат, Николай, нашел в Вене Гоголя, страдающего приступами жесточайшей лихорадки и близкого к смерти. Он вывез Гоголя из гостиничных номеров, устроил у себя, лечил, выхаживал, а потом поехал с ним в Рим. Еще в дороге Гоголь стал шутить и уже

совсем здоровым приехал в Рим, о чем тут же были уведомлены депешей обитатели дома на Маросейке.

Не. выезжая никуда далее пригородов и окрестностей Москвы, Сергей Боткин, как и его младший брат и сестры, познакомился еще ребенком с европейскими государствами не только по книгам и на уроках географии. Старшие Боткины часто уезжали в Париж, Лондон, к берегам Средиземного моря; из всех этих мест в родную семью шли письма. Дети находили в конвертах почтовые открытки с видами, что было тогда новостью для России. Иногда братья присылали собственные зарисовки, дагерротипы, Далекий Запад приближался к Москве.

В 1845 году к тринадцатилетни) Сережи Василий Петрович наглел ему учителя — Аркадия Францевича Мерчинского, воспитанника Московского университета. Это был талантливый педагог, умный, разносторонний человек.

Под влиянием Мерчинского у Сергея созрело желание изучать математические науки и поступить на физико-математический факультет.

Однако ни увлечение математикой, ни любовь к музыке не могли отвлечь Сергея Боткина от общения с друзьями Василия Петровича. По-прежнему стремился он присутствовать на всех сборищах за «большим столом», по-прежнему слушал затаив дыхание чтение рукописей, книг, потом критику прочитанного — отзывы, часто восторженные или безжалостные, уничтожающие, но всегда искренние.

О спорах в кружке Герцен вспоминал: «Наши теоретические несогласия вносят жизненный интерес. Они рождаются из потребности деятельного обмена мысли, держат умы бодрее, мы растем в этом трении друг о друга».

Но с каждым годом споры делались все ожесточеннее. Становясь старше, Сергей старался разобраться в сущности их, понять, почему люди, которые были для него высшими авторитетами, — брат Василий, Белинский, Грановский, Герцен не могут прийти к общему мнению.

Как-то в его присутствии на подмосковной даче в Соколове неожиданно разгорелся между друзьями Спор. Сергей не заметил, с чего и нак начался разговор. Белинский, обращаясь к сидящему в плетеном кресле Грановскому, говорил взволнованно, убеждающе:

— Вы, конечно, цените в человеке чувства. Прекрасно! Так цените же и этот кусок мяса, который трепещет в его груди, который вы называете его сердцем и которого замедленное и ускоренное биение верно соответствует каждому движению вашей

души. Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? Прекрасно! Так остановитесь же в благоговейном изумлении и перед массой его мозга, где происходят все умственные отправления, откуда по всему организму распространяются через позвоночный хребет нити нервов, которые суть органы ощущений и чувств. Надо отбросить все прежние заблуждения и понять, что природа человека не двойственна, а едина.

Грановский возразил скорбно:

— Я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тела и духа. В ней исчезает бессмертие души. — И добавил еще тише: — Личное бессмертие мне необходимо.

В семье Боткиных никто не подвергал сомнению существование души. О душах умерших молились так же, как о здравии живых. То, что услышал Сергей в Соколове, было для него н ново и непонятно. Сергей заговорил о своих сомнениях с Аркадием Францевичем. Мерчинский посоветовал почитать сочинения Герцена и принес ему статью, напечатанную в «Современнике», — «О месте человека в природе».

Сергей прочел: «Человек не вышел готовым из рук творца. Палеонтология, сравнительная анатомия н физиология говорят о том, что человек лишь звено в великой цепи природы. Человека и природу должно не противопоставлять друг другу, а рассматривать как две главы одного романа, две фазы одного процесса». И дальше: «Поскольку человек фаза природы, а природа материальна, это значит прежде всего, что человек сам материален, следовательно в нем нет ничего непознаваемого. Открыт путь к изучению всех видов деятельности человека, включая самую таинственную из них — жизнь».

Сказанное Герценом было интересно. Но Грановский — столь же светлый и оригинальный ум — думает иначе. Иное мнение и у брата Василия…

Так споры взрослых будили в подростке Боткине новые мысли, заставляли искать свой путь к истине.

Глава II
В пансионе Эннеса

«Будучи еще в пансионе Эннеса он поражал Белинского и меня своей огромной любознательностью».

Т. Н. Грановский

В тихом Успенском переулке стоял двухэтажный особняк. К нему примыкали просторный двор, большой тенистый парк с вязами, дубами и березами.

Дом арендовал эльзасец Эннес, содержатель пансиона для мальчиков. Учебное заведение было открыто для богатого купечества; преимущественно сюда отдавали детей жившие в Москве иностранцы.

В один из августовских дней в гостиной господина Эннеса ожидали результатов приемных испытаний. Отцы экзаменующихся — московские купцы, иностранные коммерсанты — терпеливо сидели на шведских стульях, изредка перебрасываясь между собой двумя-тремя фразами.

Среди модного европейского платья и московских длиннополых сюртуков виднелись студенческие мундиры, но их владельцы — гувернеры, домашние учителя — стояли отдельной группой. Тут был и Аркадий Францевич Мерчинский, воспитатель Сергея Боткина.

Пока шли экзамены, Аркадий Францевич переговорил насчет дополнительных уроков по латинскому языку для Боткина. Господин Эннес любезно разрешил, сказав, что у него есть воспитанник из Сибири, родители которого просят о том же: мальчики могут заниматься вместе.

И вот в кабинете Эннеса произошла встреча. Один из них, высокий, худощавый, красивый юноша, с улыбкой доброго юмора посмотрев в глаза другому, шепнул, растягивая по складам:

— Скажут сво-е пра-ви-ло.

Второй не успел ничего ответить. Он только посмотрел на нового товарища, прищурясь, как смотрят все близорукие. Он был меньше ростом, широкоплеч, коренаст, с льняными волосами и удивляющими при них темными густыми бровями.

Господин Эннес был сух, но безукоризненно вежлив. Поздравив новых воспитанников с поступлением в пансион, он объяснил, что им разрешено приватно брать уроки латинского языка, и предложил познакомиться. Пансионеры подали друг другу руки.

— Николай Белоголовый!

— Сергей Боткин!

Их определили в разные классы: Белоголового в четвертый, Боткина в пятый — и только для латыни соединили вместе.

Сдружившись с Белоголовым, Боткин решил заниматься с ним в одном классе, В четвертом классе некоторые предметы читались на французском языке, Сергей же знал его недостаточно. Он стал усиленно готовиться и после рождественских каникул перешел из пятого в четвертый класс. В пансионе было шесть классов. Самый младший — шестой, а выпускной — первый.

Восемь часов. Звонок. По классам расходятся воспитанники частного московского пансиона. Одни под наблюдением надзирателя спускаются из внутреннего помещения, среди них Белоголовый. Другие приходят из дому. Среди приходящих воспитанников Сергей Боткин. Он садится рядом с пансионером Белоголовым.

В четвертом классе идет урок русского языка. На кафедре учитель Афанасьев. Он держится неуверенно, говорит тихим голосом, явно конфузясь.

Афанасьева не любят: он часто задает ученикам сочинения, предлагает записывать предания, сказки, какие им довелось услышать от бабушек, нянь. Это раздражает мальчиков. Все они дети города. Многие из них иностранцы, приехали из Гамбурга,

Ливерпуля, Парижа. Москвичи тоже не знают сказок. Они не барчуки из дворянских гнезд, у них нет патриархальных нянь, их бабушки берегут ключи от сундуков и кладовых, а не рассказывают сказки. Кроме того, им уже по четырнадцать-пятнадцать лет. Сказки их не интересуют. Назло учителю воспитанники пансиона пишут бессмысленный набор фраз или подают чистый листок бумаги. Сергей Боткин выбирает тему сочинения — «Исследование о происхождении Ерофеича». Он пишет о пьянстве. Неожиданно в класс входит правительственный инспектор частных училищ профессор ботаники Фишер. Фишер берет тетрадь Боткина н долго читает. Звонок. Профессор возвращает тетрадь.

— Изложено прекрасно, ошибок нет! Только жаль, что вы избрали такой неподходящий сюжет. — Он брезгливо вытирает руки белоснежным платком, словно запачкал их о сочинение Боткина.

Боткин чувствует неловкость. Потом как-то Афанасьев рассказывает, что он по деревням собирал сказки и легенды, говорит о богатстве русского языка, о его истоках, о талантах простого народа. Это нравится Боткину и Белоголовому. Оба делаются друзьями молодого учителя, впоследствии знаменитого собирателя русского фольклора Александра Афанасьева.

Эльзасец Эннес славился умением подбирать учителей среди молодых кандидатов, только что окончивших курс в Московском университете. «В описываемое время учителя пансиона были молодые люди, не заезженные рутиной, с юношеской горячностью относящиеся к преподаванию, а потому легко зажигали страсти к своим предметам в ученических головах», — писал Белоголовый в своих воспоминаниях.

Больше всего Сергея Боткина привлекала математика, которая «наиболее соответствовала логическому складу его ума, искавшему уже и тогда в приобретаемых знаниях наибольшей точности и ясности», как писал впоследствии Белоголовый.

В пансионе Боткин находился с восьми часов утра до семи вечера, приготовляя уроки вместе с Белоголовым. Но продолжал занятия еще и дома. Он читал в подлиннике французскую литературу, сидел над учебниками латыни.

В доме выписывались московские и петербургские журналы. На полках лежали свежие и старые номера: «Телескоп» с приложением «Молва». В ней в тридцатых годах начал сотрудничать Белинский. Теперь Сережа сам прочел «Литературные мечтания» и другие его статьи.

В «Отечественных записках» и в «Современнике» тоже писали знакомые Боткиных — друзья брата Василия. В первом номере

«Современника» за 1847 год был напечатан очерк Тургенева «Хорь и Калиныч» из «Записок охотника». До сих пор споры и разговоры о крепостном праве, которые велись а купеческом доме, имели для Сергея скорее отвлеченный характер, теперь же в решении этого вопроса приняло участие сердце, горячее воображение, разбуженное художественным словом.

Сергей знал, что под псевдонимом «Искандер» в «Современнике» пишет Александр Иванович Герцен. Сергей прочел уже повесть «Доктор Крупов», а через год он встретился с этим же персонажем в романе «Кто виноват?». Молодого Боткина в обоих этих произведениях больше всего заинтересовала личность Семена Ивановича Крупова. Как-то раз Сергей сунул Белоголовому книгу, ткнув в то место, где Крупов отстаивал свое право оказывать помощь нуждающейся в нем кухарке и не спешить к истеричной барыне, болезнь которой была вызвана семейной сценой.

— Вот это стоящий человек, — сказал Боткин и снова углубился в книгу.

Они учились во втором классе. А в третьем по-мальчишески тиранили и изводили слабого, беззащитного сироту Филаретова. Узнав об этом, Сергей зашел в третий класс, стал убеждать ребят оставить мальчика в покое. Уговоры не помогли. Тогда второй класс во главе с Боткиным дал третьему бой и выиграл сражение. Филаретова больше не трогали.

В середине учебного года Боткин предложил своему другу начать изучение программы первого класса, с тем чтобы весною окончить пансион и осенью этого же года поступить в университет.

Белоголовый заколебался.

— У меня свое правило — не торопиться.

Но Боткин стал доказывать, что не стоит терять год, напомнил, как он при поступлении в пансион из пятого перешел в четвертый класс.

— Так то ты! — отвечал Белоголовый. — Вы, Боткины, все гениальны.

Спор продолжался несколько дней. В конце концов Белоголовый сдался.

Эннес был недоволен затеей, но неожиданно двое учеников из первого класса тоже решили осенью поступать в университет. Это уже становилось вопросом престижа, придавая еще больше веса частному пансиону господина Эннеса.

а с ними еще Шор и Кнерцер начали готовиться в

университет. Заниматься приходилось много, особенно по физике. Программы частных пансионов в те годы не согласовывались с университет сними.

Пансионерам помог учитель Давидов. Он порекомендовал им в репетиторы студента пятого курса Рубинштейна.

О посещениях Рубинштейна Белоголовый через многие годы писал: «…Ходить к нему составляло для нас целое путешествие через всю Москву и я с наслаждением вспоминаю об этих длинных походах в нашей вечно весело настроенной компании; часто, утомленные длинным путем по знойным улицам н проголодавшись, мы дорогой покупали у разносчика печеные яйца и ситный хлеб и, сделавши привал на лавочке у ворот какого-нибудь дома, с великим аппетитом, тут же на улице уничтожали свои незатейливый завтрак».

Рубинштейн старательно занимался со своими учениками. Боткин все усваивал быстро. Его молодой репетитор относился к физике с той же страстностью, с какой два его брата — Антон и Николай — к музыке.

Теперь, когда Боткин и Белоголовый усердно готовились к вступительным университетским экзаменам, в доме на Маросейке среди старших стали часто вспоминать Московский университет: рассказывали о холерном годе, о том, как студенты при общем паническом страхе в городе не робели и самоотверженно работали в трудных условиях. И не только медики, а и словесники.

Рассказывались и забавные истории. Павел Петрович Боткин, большой весельчак и шутник, любил прихвастнуть перед молодежью своей студенческой удалью.

— Как-то, — рассказал он, — я надел поверх форменного костюма красные панталоны и вышел на площадку лестницы. Заметьте, что в то время был у нас субинспектором некто Понтов, человек придирчивый и мелочный, мы же таких не терпели, и я порешил ему досадить. Понтов, находясь в нижнем этаже, заметил вопиющее нарушение — студента в красных штанах. Гром и молния! Он побежал по лестнице вверх, ко я успел снять свои красные штаны… Походил он по площадке, заглянул в аудиторию. Вот-вот поймает того, кто в красном, а я как ни в чем не бывало верчусь около. Понтов, верно, решил, что ему привиделось, спустился вниз, а я опять штаны на форму — И на лестницу. Верите ли, пять раз гонял субинспектора вверх и вниз! Так и не попался.

Василий Петрович тоже рассказывал брату и его товарищам разные эпизоды из университетской жизни тридцатых годов — о студентах Герцене, Огареве. Станкевиче.

— В те же годы учился и Лермонтов, — сказал он как-то И вдруг прочел не слыханные никем раньше стихи поэта:

Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром…

Наконец была прочтена последняя глава последнего учебника, и «в первых числах июля мы всей нашей компанией отправились в университет подавать прощение о допущении нас к экзаменам… все шли весело…» — вспоминает Белоголовый.

Экзамены прошли хорошо. В протоколе Совета Московского университета от 6 сентября 1850 года п. 110 появилась запись: «Присутствию Совета г-н ректор объявил, что из числа лиц, державших в августе месячные устные испытания на звание студента по медицинскому факультету, приняты по оному нижеследующие…»

Под номером седьмым значилось: Боткин Сергей.

Глава III
В университете

«Имена крупнейших, знаменитых русских ученых, пользующихся широкой известностью. — Пирогова. Боткина. Сеченова… и других — неразрывно связаны с Московским университетом».

Проф. П. А. Зайончковский

Поступившие на первый курс собрались в актовом зале. Боткин, Белоголовый, Шор и Кнерцер встали рядом. Инспектор Иван Абрамович Шпейер, невысокий, шарообразный толстяк в золотых очках, из-под которых метали молнии маленькие черные глазки, пискливым, постоянно срывающимся голосом прочел студентам наставления:

— Вы обязаны неукоснительно отдавать честь своему университетскому начальству и генералам при встрече на улицах, для чего, не доходя трех шагов, долины становиться во фрунт и прикладывать руку к шляпе.

Началось наглядное обучение.

Новички выходили из строя и приветствовали Шпейера по университетскому уставу.

— Это наша первая лекция, — не разжимая губ, шепнул

Белоголовый Боткину.

Тянулась эта лекция довольно долго. Шпейер безжалостно гонял тех, кто отдавал честь, по его мнению, без достаточной ловкости и грации.

Вскоре Боткину пришлось испытать на себе тяжесть шпейеровской дисциплины. Задумавшись, он шел по двору университета. Был душный сентябрьский день, и крючок на воротнике мундира был у него расстегнут. Вдруг он услышал пискливый голос на высокой ноте:

— В карцер! Я научу вас порядку! Разгильдяйство, фанфаронство!

Через несколько минут Сергей уже был под замком.

Этот случай научил Сергея осторожности, больше он не попадался…

Годы учения Боткина совпали с периодом особенно тяжелой реакции. В преподавании они сказались в том, что всякое проявление свободной мысли, всякая попытка развить в слушателях пытливость, стремление к поиску считались опасными.

Впоследствии С. П. Боткин отмечал в своей статье в «Еженедельной клинической газете» (1881 г.): «Учившись в Московском университете с 1850 по 1855 г., я был свидетелем тогдашнего направления целой медицинской школы. Большая часть наших профессоров училась в Германии и более или менее талантливо передавала нам приобретенные ими знания; мы прилежно их слушали и по окончании курса считали себя готовыми врачами, с готовыми ответами на каждый вопрос, представляющийся в практической жизни. Нет сомнения, что при таком направлении оканчивающих курс трудно было ждать будущих исследователей. Будущность наша уничтожалась нашей школой, которая, преподавая нам знание в форме катехизисных истин, не возбуждала в нас той пытливости, которая обусловливает дальнейшее развитие». По отзыву Белоголового, отсталость преподавания в то время придавала «живой науке вид такой мертвой и законченной схоластики, что казалось, все доступное человеческому уму уже достигнуто и завершено и что свежим силам дальше идти некуда и работать не над чем».

Юноши, выросшие н атмосфере горячих споров самых выдающихся умов России, восприняли, конечно, такие методы преподавания отрицательно. Но в то время как Белоголового на первых порах они привели к полному охлаждению к занятиям, Боткин, напротив, набросился на науку с «жадностью голодного волка».[2] Внимательно перенимает Боткин у Пинулина новые

методы обследования больного. Перкуссия — выстукивание, пальпация — прощупывание и аускультация — прослушивание — эти три способа осмотра вызывали в то время разное отношение врачей: одни совсем не применяли их, считая «выдумкой для пускания пыли в глаза больному», другие, недостаточно освоив методы, не умелн извлечь из них нужных показаний. Боткин вспоминал впоследствии: «Еще на моей памяти, когда я начал только учиться практической медицине, ныне принятые методы объективного исследования больного, а также аускультация и перкуссия еще не составляли такого общего достояния, как теперь, когда.

можно сказать, почти нет врача, не владеющего с большим или меньшим искусством техникой этого способа исследования».

Но мере того как будущий медик осваивал новые методы, он все больше понимал их значение — они вооружали его, давали как бы второе зрение. Вот врач выстукивает, выслушивает, ощупывает — и тело больного подает ему знаки, непонятные другим, но ясные ему. Вот там глухой тон, а тут. наоборот, слишком громкий, там звук трения, шум. тут он замечает ненормальное увеличение объема.

И каждый день он выстукивал, слушал и запоминал, сопоставляя свои ежедневные наблюдения. И каждый день приносил что-нибудь новое, обогащал опытом. Так приходило мастерство. Уже студенты стали обращаться к нему в отсутствие Пикулина. Уже без труда разбирался он во всей сложной гамме шумов н стуков. Как когда-то Елизавета Богдановна Грановская научила его в сложной симфонии звуков узнавать мелодию, так теперь в этом хаосе шумов он научился узнавать знакомые тоны и обертоны. Иногда попадался новый, неизвестный симптом, и он запоминал его и долго потом думал, с чем же, с каким болезненным изменением в организме он может быть связан.

Однокурсники считали, что Боткин обладает клиническим мышлением и лучше других разбирается в диагностике запутанных случаев. Они часто обращались к нему как к авторитету и просили его консультации в сложных случаях.

Белоголовый отмечает, что «характерной чертой Боткина было то, что обращение товарищей к его помощи он принимал не только без всякого самолюбивого чувства, а напротив — с величайшей охотой и удовольствием, потому что его пытливый ум постоянно требовал работы и искал самых хитрых и запутанных патологических случаев, с которыми он мог бы потрудиться и решать их, как математические задачи, путем логики и установленных медицинских законов, и до тех пор не

успокаивался, пока ему не удавалось решить предложенный на его суд „спорный вопрос“».

Сергей Боткин с головой ушел в ученье. Для него не существовало теперь ничего, кроме медицинских книг, прозекторской, клиники…

Что же касается Белоголового, то его интересы развивались в совершенно ином направлении. Он писал об этом впоследствии: «Я же на первом курсе сильно отбился от Боткина и своих пансионных товарищей, не стесняемый обязательным посещением университета, проводил я часы лекций, в трактире за чтением литературных журналов…

…Студенческим трактиром был тогда трактир Гробостова; мы ежедневно эа парой чая я десятикопеечным пирогом, выкуривая бесчисленное количество трубок жуковского табака, читали вслух, не обращая внимания на стоящий кругом нас гомон трактирной жизни, вновь вышедшие книжки „Современника“ и „Отечественных записок“, толковали, спорили о прочитанном… Среди немногих любителей обращалось и переписывалось ими несколько запретных стихотворений Пушкина, Рылеева, Полежаева, письмо Чаадаева и т. п. Вся эта скудная по количеству потайная литература… будила в молодежи мысли о далекой и малодоступной для них сфере понятий об ином, более совершенном порядке вещей, но… едва ли в самых чутких натурах свободолюбие шло дальше каких-то смутных, неопределенных желаний и скорее инстинктивных потребностей лучшего…»

С этими неопределенными желаниями Белоголовый прибегал первое время к Боткину. Но он не встретил в друге сочувствия. Сергей был увлечен своими занятиями, покорен открывшимся ему миром фактов. Странным, ненужным казались ему рассказы Белоголового о прочитанных романах, восхищения по поводу стихов, разговоры о несовершенстве жизни. А Белоголовый обижался, возмущался равнодушием друга, осуждал его за «индифферентность». Друзья охладели друг к другу и почти не встречались.

Глава IV
По пути Пирогова

«Боткин… и Пирогов… верят в медицину как в бога, потому что выросли до понятия „медицина“».

А. П. Чехов

В июне 1853 года началась война с Турцией, в ноябре к Турции присоединились связанные с ней договором западные страны. Англо-французский флот вошел в Черное море.

Итоги первого года войны для союзников были малоутешительными, решающих побед англо-французские морские силы не одержали. Это радовало москвичей. Но доходили тревожные слухи. Приезжали из Крыма офицеры, рассказывали о полной непригодности главнокомандующего Меньшикова, о его бездеятельности, нерешительности, о плохом оснащении армии.

В Москве по рукам ходило донесение адмирала Корнилова, в котором указывалось, что ни госпиталей, ни перевязочных пунктов, ни даже достаточного количества носилок в Севастополе нет, и этим объясняется огромное количество раненых, оставляемых на поле сражения.

В один из январских дней 1854 года в аудиторию

медицинского факультета явился субинспектор и объявил, что ректор Альфонский и декан Анке просят студентов сейчас же подняться в операционный зал.

«…Как только мы были в сборе, — вспоминает Белоголовый, — ректор обратился к нам с короткой речью о том, что начавшаяся война показала большой недостаток во врачах и что вчера получено из Петербурга предписание предложить студентам 4-го курса держать немедленно выпускные экзамены на получение звания врача».

Начался опрос студентов. Когда очередь дошла до Боткина, он, не колеблясь, ответил «да». Белоголовый же категорически отказался.

После ухода ректора Белоголовый бросился к Боткину:

— Почему ты так быстро решился? Ведь это вздор, что пятого курса не будет, куда же денут нас, желающих получить полное медицинское образование? Да и какие же врачи без пятого курса?

— А я, брат, удивляюсь, что ты уперся как баран, — отвечал Боткин, — ну что же за беда, что мы кончим годом раньше, зато мы на войне сразу будем иметь огромную практическую деятельность, которой никакой пятый курс не может дать.

— Ну, а как ты сделаешь с такими крайне необходимыми предметами, которые предстоят на пятом курсе, как патологическая анатомия, операционное акушерство, глазная клиника, судебная медицина?

— Да это я и без тебя знаю, что необходимо, и придется восполнять эти пробелы потом, по окончании войны. Конечно, и мне самому очень досадно, что не кончу курс как следует, да делать нечего; нельзя же, чтобы все делалось по нашему желанию. А сказать тебе, почему я так быстро согласился? Еще на днях у нас зашел разговор с Грановским о недостатке врачей в наших войсках, и он мне сказал, что если бы он был на моем месте, то есть студентом четвертого курса, то сейчас же бросил бы университет и ушел бы фельдшером в действующую армию. «Время ли теперь учиться, — говорил он, — вы только представьте себе, что тысячи раненых солдат лежат теперь на полях сражения, стонут, и мучаются, и гибнут от недостатка ухода; и скольким бы из них вы могли помочь; ведь вы им можете принести гораздо больше пользы, чем хороший фельдшер, а там и фельдшеров даже не хватает». Эти слова Грановского вспомнились мне как раз в ту минуту, когда меня вызвал декан, я и согласился.

Белоголовый заколебался. «Меня, тогда пылкого 19-летнего юношу, — вспоминал он впоследствии, — как и Боткина, тянуло в водоворот войны, с которой для нас связывались и помощь

больным и раненым, и удовлетворение патриотическому чувству, и масса разнообразных, незнакомых доселе впечатлений… К тому же Боткин мне говорил: „Ведь мы с тобой отлично можем устроиться в какой-нибудь полк вместе; первое время нам будет трудно, но зато мы станем поддерживать друг друга и помогать одни другому“».

Мнение Грановского в университете разделял профессор Иноземцев, он говорил Боткину:

— Правда, хирург из вас не получится, но и терапевты нужны в военных госпиталях.

Однако большинство профессоров считало более полезным дать возможность студентам закончить университет. Противоречивое мнение руководителей смущало.

Белоголовый обратился к ректору Альфонскому с просьбой помочь ему получить разрешение родителей уйти из университета. Тот, выслушав его, сказал:

— Не только не возьмусь писать вашим родителям, а совершенно напротив, как человек, заменяющий вам здесь отца, могу вам дать единственный и самый разумный совет — ни под каким видом не прерывать вашего медицинского воспитания, не кончив полного курса. Иначе из вас выйдет врач-недоучка, и вы потом всю жизнь будете чувствовать эту незаконченность своего образования и горько сожалеть о ней.

Пикулин говорил Сергею Боткину о том же:

— Что сможете сделать вы, студент, без знаний даже пятого курса? Все, что вы приобретете еще за год в университете, будет полезно и вам и раненым. Ведь в Крыму надобно отвечать за жизнь людей не так, как в клинике, где есть над вами старшие, у кого можно спросить совета, — там вы один будете решать, что делать.

В семействе Боткиных заявление Сергея о том, что он через шесть недель выходит из университета, было встречено отрицательно. Старик Боткин вспомнил свою былую строгость:

— Раз за что взялся, должен кончить, недоучкой негоже быть, не позволю.

После долгих колебаний Боткин и Белоголовый остались продолжать учение в университете и весною перешли на последний, пятый курс. В этом году молодым медикам пришлось не по-ученически заняться врачеванием, причем в условиях, почти равных военным. Летом в Москве вспыхнула эпидемия холеры. На борьбу с ней университет в помощь врачам выделил студентов пятого курса. Среди них был Сергей Боткин. Принятыми мерами удалось к осени ликвидировать эпидемию, занятия в университете начались своевременно.

В зиму 1854/55 года было снова много волнений в связи с предложением попечителя, генерала Назимова, о досрочном выпуске медиков и посылке их в действующую армию. На этот раз не нашлось ни одного охотника прервать занятия за несколько месяцев до окончания, и, наконец, было решено ускорить весь выпуск, перенеся экзамены с мая на март. Медики засели за подготовку.

В Московском университете в то время существовало правило, по которому оканчивающие медики получали звание лекаря. Для получения же звания доктора медицины надо было сдать дополнительные экзамены, на которые студенты обычно не решались, так как большинство проваливалось у профессора Глебова. Белоголовый вспоминает, что Глебов обычно говорил при этом: «…все различие между доктором и лекарем только в количестве и объеме познаний, а я по личному опыту н по наблюдению над товарищами знаю, что как бы способен и прилежен ни был студент, а ему только что в пору управиться с изучением обязательных лекций и учебников и решительно не хватает времени расширить свои познания чтением более специализирующих предмет научных сочинений».

Все же обычно несколько смельчаков решались сдавать экзамены. Среди них в этот раз был и Боткин. Он благополучно прошел все дополнительные экзамены, но у Глебова, как и следовало ожидать, срезался. В первый раз за все годы занятий в университете Боткин не смог ответить на вопросы преподавателя. «Что делаешь — умей делать хорошо» — эти слова, не раз слышанные в детстве от отца, крепко вошли в сознание Сергея, и он остро переживал свою неудачу. В то же время со свойственной ему добросовестностью он признал, что Глебов прав и многое, что казалось ему простым и ясным, значительно сложнее и еще далеко не уложилось у него в голове. Пришлось снова засесть за книги. Боткин уехал в село Архангельское, где жили Пикулины, прихватив с собой чемодан книг по физиологии. Через три месяца он сдал Глебову экзамен. Но теперь, получив диплом доктора медицины, Боткин чувствовал себя значительно менее уверенным, чем три месяца назад. Немедленно по получении документов Боткин отправился в действующую армию.

В Крым Сергей ехал со вторым пироговским отрядом сестер милосердия.

Отправки первого отряда Пирогову удалось добиться с великим трудом. Когда были испробованы все официальные пути, он обратился в сферу благотворительности. Великая княгиня Елена Павловна лично приняла знаменитого хирурга, о котором

слышала как о человеке неуживчивом, неприятном, но враче замечательном. Ей льстило, что Пирогов обратился к ней, помимо ее августейшего брата и императрицы, и она сделала все, чтобы удовлетворить его просьбу.

Летом 1855 года Пирогов приехал из Крыма в столицу, пытаясь добиться помощи осажденному Севастополю. Весть о падении крепости застала его на обратном пути. Хлопоты Пирогова не были совсем безуспешными. С помощью той же Елены Павловны был сформирован второй отряд сестер милосердия. С этим-то отрядом 5 сентября 1855 года и выехал Сергей Боткин в Крым. Василий Петрович писал Н. А. Некрасову: «Брат Сергей завтра отправляется в Севастополь. Он будет состоять при Пирогове и в ведении Е, И. В. Елены Павловны, у которой он был сегодня. Она посылает с ним суммы для раздачи сестрам милосердия… Он едет по своей воле, по предложению Пирогова. Сергей — малый дельный и вполне оправдает доверенность, которую оказывают ему».

Боткин застал Пирогова в Симферополе, куда Николай Иванович перебрался со своими помощниками после падения Севастополя. Из письма Пирогова можно представить себе, в каких условиях работал он сам и в какие условия сразу же по приезде попал Боткин: «Я решился жить не раздеваясь. Каждый день приходится осмотреть до 800 и до 1000 раненых, рассеянных по городу, в пятидесяти различных домах».

Боткин был назначен Пироговым ординатором Симферопольского госпиталя. В тот год выдалась холодная погода. Дули ветры. В госпитале были выбиты стекла. Раненые мерзли в палатах, лежа под тонкими одеялами. У хирурга коченели пальцы во время операций. Глаза были воспалены от ветров и бессонных ночей.

Боткин не отставал от опытных пироговских помощников. Он не отдыхал днем, а если и уходил из операционной, то для того, чтобы пройти в палату, чтобы лишний раз посмотреть раненых и больных. Ночью Сергей Петрович спал не более трех-четырех часов, как и Пирогов, не раздеваясь. Отдохнув, он возвращался в операционную и, видя усталость хирургов, становился у операционного стола и помогал им, хотя у самого теперь тоже были воспалены глаза то ли от ветра, то ли от бессонницы. Во время операций Боткин работал спокойно, его движения были быстры. Он научился производить ампутации. Но бывали случаи, когда сжималось сердце, горячий пот выступал на лбу: он не мог найти, он не видел мелких кровоточащих сосудов, которые надо было с молниеносной быстротой перевязать. Состояние молодого врача замечали оперировавший рядом доктор и операционная

сестра. Ему тут же помогали. Все сходило благополучно. Боткин овладевал собой, но. выйдя из операционной, в отчаянии валился на свою койку: правы были Иноземцев и Пикулин — он не может быть хирургом.

Сергей Петрович познакомился с системой сортировки раненых, созданной впервые Пироговым. Она состояла в том, что раненых делили на четыре главные группы. Первая — смертельно раненные, безнадежные поручались сестрам милосердия: им врач уже ничем не мог помочь. Во вторую группу входили раненые, требующие безотлагательных операций тут же, на перевязочном пункте. Третья категория охватывала раненых, которые могли быть оперируемы на следующий день или позднее. Их отправляли в близлежащие госпитали. Наконец, четвертая группа состояла из легко раненных, которых перевязывали и возвращали обратно в часть.

Познакомился Сергей Петрович на практике с дезинфекцией при госпитальном содержании раненых, введенной в военную медицину Пироговым.

«Кто знает только по слухам, — писал Пирогов, — что значит отделение гангренозных и безнадежных больных в военное время, тот не может себе представить всех ужасов бедственного положения страдальцев. Огромные вонючке раны, заражающие воздух вредными испарениями; стоны умирающих; смерть на каждом шагу в разнообразных ее видах: отвратительном, страшном и мучительном, — все это тревожит душу самых опытных врачей, поседевших при исполнении своих обязанностей…»

Еще недавно все, с чем столкнулись врачи из пироговских отрядов в условиях войны, было действительностью больниц и госпиталей.

Трагическая тайна послеоперационной смертности ставила в тупик хирургов. После блестяще выполненной операции у больных нередко поднималась температура, появлялись все признаки гангрены, гноекровия, и больной погибал. Хирурги в своем большинстве примирялись с этим явлением и смотрели на него, как на неизбежное зло. Другие приходили в отчаяние, бросали нож и давали клятву никогда не прикасаться к человеческому телу.

Н. И. Пирогов осуждал и тех и других.

— Малодушие так же вредно, как и равнодушие, — говорил он и принялся пытливо изучать подобные случаи.

Пирогов понял, что больные с чистыми ранами заражаются от больных с гнойными, нечистыми ранами.

В мирной обстановке в своей петербургской клинике Пирогов

достиг исчезновения госпитального заражения больных.

Здесь же он снова встретился с ним я снова вступил в борьбу.

Сергей Петрович, высоко оценив сделанное Пироговым в этой области, стал яростным защитником новых методов дезинфекции.

Во время своих ночных обходов Боткин подолгу говорил с дежурными сестрами милосердия. Его удивляли и радовали ловкость и быстрота, с которой женщины выполняли распоряжения врачей, и та чуткость, с которой они относились к больным. А как ценят их уход солдаты! Боткин вспоминал клиники, фельдшеров и санитаров, обслуживавших больных, и думал о том, как там не хватало женских рук.

По системе Пирогова, медицинские сестры имели три специальности: операционной сестры, аптекаря и сестры-хозяйки. Но им приходилось брать на себя и другие заботы — бороться с ворами, мародерами, расхитителями казенного имущества. Николай Иванович писал: «Наши сестры в Севастополе довели нескольких чиновников до самоубийства, вскрыв их мошеннические проделки. Если бы не женщины медицинских отрядов, так больные бы вместо сытного супа ели помои, лежали бы в грязи. Истинные сестры милосердия! Они в одном госпитале совершили героический поступок — застрелили аптекаря-вора. Одним мошенником на свете стало меньше!»

Воровство чиновников возмущало Боткина. «Когда мне в первый раз пришлось подписывать требование в аптеку на бинты, корпию, хинин и др. и когда я заявил удивление перед теми громадными количествами требуемых предметов, фельдшер мне объяснил, что это всегда так делается, потому что аптекарь все равно не отпустит и третьей части назначенного в требовании, которое, между прочим, остается в аптеке значением подписанного врачом счета».

И Боткину, как и каждому из отряда Пирогова, приходилось не только лечить больных, но и бороться с ворами. Каждое утро после бессонной ночи молодой врач шел смотреть, как дежурные принимают со склада мясо, овощи, хлеб. Теми же пальцами, которые недавно дрожали, зажимая кровоточащие сосуды, Сергей теперь закрывал на замок котлы, в которых варился суп для больных.

Боткин, описывая впоследствии порядки в Крыму, говорил: «Нужно было иметь энергию Николая Ивановича, чтобы продолжать эту борьбу с лихоимством, начало которого лежало, конечно, не в отдельных личностях, а в целой системе и в нашей общей степени нравственного развития».

Сергей Петрович восхищался Пироговым как изумительным хирургом и организатором медицинского дела в военных

условиях.

Молодой лекарь учился у старшего объективному исследованию больного и индивидуальному подходу к наждому, а главное — справедливому и заботливому отношению к солдатам.

Восхищение Боткина Пироговым было безгранично, он считал, что пребывание Пирогова в Севастополе «дало ему право встать рядом с нашими народными героями».

Впоследствии Боткин писал:

«Вся беда лежала по-видимому в том, что Пирогов был значительно выше того времени, в котором ему приходилось действовать. Опередив свой век в науке, он опередил его и в общественной деятельности».

В своем походном дневнике Боткин отметил: «Особенность военной медицины состоит в особенности быта солдат, представляющегося как предмет попечения…

…и в особенности положения медика, которому поручается попечение о здоровье войска».

Теперь он сам стал тем медиком, который заботился о защитниках Крыма. Военный врач должен быть настоящим хирургом, думал Сергей Петрович, ассистируя при сложных операциях, а потом, совершая обход палат, приходил к заключению: военный врач должен быть знаком с хирургией, но не менее и с внутренними болезнями.

Через два месяца Боткин перестал мучиться сознанием, что из-за своей близорукости он не может стать хирургом. Он нашел свое место в полевой медицине: принял на себя послеоперационное лечение. Кроме того, в госпиталь поступали солдаты с простудами и желудочными заболеваниями. Как неизбежное следствие войны, в Симферополе вспыхнула эпидемия сыпного тифа.

Как-то ночью, оставшись около тяжелобольных, Боткин при свете коптящего огарка записал и своей книжке: «Замечено, что в условиях военного времени хорошо известные заболевания могут протекать не так, как это обычно наблюдается в мирной обстановке…»

Пройдет много лет, и Сергей Петрович вернется к этим записям. Он разовьет их в стройную систему военно-полевой терапии.

Глава V
В поисках знаний

«…Германия набросилась с совершенно исключительной энергией на естественные науки…»

К. Маркс

В 1856 году умер Петр Кононович Боткин.

Дела фирмы требовали немедленного вскрытия завещания, что и было совершено в присутствии родственников. Управление фирмой по торговле чаем было завещано четырем сыновьям, двум от первого, двум от второго брака. Василий Петрович был одним из них. Так смерть отца вернула литератора и философа Боткина в область коммерция. Отец возложил на него также заботу о всей семье.

Большая часть капитала была завещана братьям, оставшимся в «фирме», а остальным, в том числе и Сергею Петровичу, — по 20 тысяч рублей. «…Следует отдать должную справедливость этой почтенной семье. — писал Белоголовый, — что такое неравномерное распределение наследства нисколько не нарушило искренности дружеских отношений между братьями».

После возвращения Сергея с фронта родные советовали ему заняться частной практикой, друзья — поступить в госпиталь. Но молодой врач искал для себя другого. Все яснее понимал он

недостаточность знаний, полученных в университете. Иноземцев посоветовал Боткину ехать за границу, чтобы ознакомиться с западноевропейской медициной. Отцовское наследство давало возможность выполнить это — лучшего применения полученным деньгам Сергей не видел.

«Решив главное, — вспоминал потом Боткин, — я ни от кого не мог получить указаний и советов, где, как и у кого можно было заниматься с пользой в Европе».

По примеру большинства отправляющихся в то время для усовершенствования за границу Боткин решил ехать в Германию. Кенигсберг был первым немецким городом на его пути. Здесь он надеялся поработать в терапевтической клинике профессора Гирша. Но руководитель клиники в момент его приезда отсутствовал, и Боткин не мог начать работу. Разговорившись с одним из ассистентов, он узнал, что в Германии лучшим учителем считается вюрцбургский профессор патологической анатомии Рудольф Вирхов.

О Вирхове говорили как о создателе новой школы, выступающей с резкой критикой гуморального направления.

Боткин решил немедленно ехать в Вюрцбург.

Первые лекции Вирхова разочаровали Боткина. Где же громовые слова, сокрушающие мистику гуморальной теории, где гениальные обобщения, в чем сущность нового учения?

«Он читал о кровяном сегменте, распространяясь со свойственной ему обстоятельностью, о различных морфологических видах, — вспоминал Боткин. — Все эти мелкие подробности до такой степени казались мне скучивши и ненужными, что я понять не мог, как можно терять время на такие пустяки».

Но скоро он начал понимать, что в этих пустяках и заключена основная взрывная сила учения Вирхова. Избегая умозрительных построений, столь характерных для гуморалистов, Вирхов в основу научного исследования положил точный опыт, эксперимент. Целлюлярная патология Вирхова представляла широкую теоретическую систему, охватывающую все основные стороны жизнедеятельности организма в нормальных и патологических условиях. Вирхов исходил из учения о клеточном строении организма.

Клеточная теория, сформулированная в 1838–1839 годах Т. Шваном и М. Шлейденом, устанавливала единый принцип строения всех многоклеточных организмов и тем самым стала основой учения о живой природе.

Вирхов в своей патологии назвал клетку краеугольным камнем в твердыне научной медицины, он трактовал живой

организм как сумму независимых клеток и утверждал, что «врач не может разумно мыслить о болезненных явлениях, если не находит для них точно определенного места в теле».

Главным орудием в его работах был микроскоп. Микроскоп открывал новые, неведомые стороны жизни организма, показывал жизнь клетки.

Боткин был знаком с клеточной теорией Швана и Шлейдена, умел обращаться с микроскопом. Но эти сведения оставались для него мертвым капиталом. Теперь каждое микроскопическое исследование связывалось с патологическими изменениями в человеческом организме, оно проливало новый свет на те тайны природы, к постижению которых стремился молодой ученый. Боткин писал в Москву братьям и Белоголовому; «Я должен много работать, много учиться, от многого отказаться, чтобы понять все значение и богатство нового учения».

Целлюлярная патология строго основывалась на опыте, и это главное, что покорило в ней Боткина. Уж очень соблазнительной была та конкретность и доказательность экспериментами, которая лежала в ее основе. Сергей Петрович стал горячим приверженцем нового учения.

Осенью 1856 года профессор Вирхов был переведен в Берлин. Боткин отправился туда же.

Первое время он восторженно относился ко всему, что увидел в Германии. Белоголовый вспоминает: «Боткин в письмах с любовью, с увлечением говорил о Вирхове, о клиниках, ярко описывал богатые и для всех открытые сокровища Берлинского университета…»

Делился своими впечатлениями Сергей Петрович и со старшим братом. Василий Петрович писал Анненкову: «На днях получил письмо от Сергея. Боже мой, какая кипит страшная работа в европейском научном мире! И посмотрите, на какой путь пробирается медицина: микроскопическая анатомия и химия кладутся теперь в основу ее; все стремится проверить опытом и наблюдением, абсолютные теории предаются осмеянию… Сергей, который был здесь дельный малый и выдержал экзамен на доктора, с ужасом пишет, до какой степени отстало наше медицинское образование от того, что теперь делается в Германии. Вообще замечательно в последнее время страшное движение Германии на поприще естественных наук, от которых так долго удерживало ее исключительное преобладание философии. Представьте же, философские аудитории положительно пусты, едва находится по 2, по 3 слушателя, уж истинно „последних могикан“. Аудитории наук естественных, напротив, переполнены».

Большую часть времени Боткин отдавал занятиям в лаборатории медицинской химии института Вирхова. Одновременно с Боткиным в лаборатории работали также Сеченов и еще несколько русских. Заведовал этой лабораторией адъюнкт Гоппе-Зейлер, читавший в институте гистологию. Это был еще молодой, но Очень добросовестный, доброжелательный и опытный учитель. Русским практикантам нравилось то, что он не делал никакой разницы между ними и немцами.

В лаборатории Гоппе-Зейлера Боткин осваивал новые методы физико-химических исследований. Физическая химия в ту пору была еще в периоде своего зарождения. Привлечение методов физики для раскрытия законов управления физико-химическими явлениями открывало новые возможности глубокого проникновения во внутренние процессы, происходящие в живом организме. Не удивительно, что эти методы чрезвычайно интересовали Боткина. Одновременно он вел и исследовательскую работу. Боткин изучал вопросы осмоса — проникновения веществ из растворов через животную перепонку.

Последователи гуморальной теории утверждали, что этот процесс в живом организме может происходить только благодаря действию особой «жизненной силы». В 1828 году француз Дютроше покавал, что жидкость может проходить не только через живую, но и через мертвую перегородку. Это опровергало утверждения гуморалистов, но опыт остался без внимания. Теперь вопрос был вновь поднят последователями целлюлярной теории в борьбе со взглядами «венской школы» Рокитанского. В лаборатории Гоппе-Зейлера были поставлены широкие исследования.

Боткин выбрал себе задачу — выяснить причины венозного застоя в сосудах.

Авторы, проводившие опыты в этом направлении, указывали, что если стенку капиллярного сосуда смочить концентрированным раствором какой-либо соли, то этот раствор притянет к себе, как бы высосет через стенку сосуда плазму крови, кровяные тельца лишатся жидкой среды — и получится застой. Таким образом, причиной застоя считали проникновение жидкой части крови через стенку сосуда вследствие известного явления — экзоосмоса. Боткин задумался над этим толкованием. «Каким образом несколько капель соляного раствора могут произвести застой в сосудах, отняв некоторое количество воды из крови, находящейся в постоянном движении и, следовательно, беспрестанно приносящей новые количества жидкости?» — думал он.

Сергей Петрович начал проверять опыты немецких авторов.

Прежде всего он усовершенствовал методику опыта. Его предшественники изучали движение крови в капиллярах плавательной перепонки лягушки, где пигмент мешает точному наблюдению; он же решил взять капилляры брыжейки, которая пигмента не содержит. Ему удалось ясно разглядеть всю картину процесса. В широких капиллярах кровяные тельца плывут, сохраняя свою обычную круглую форму, попадая же в узкий капилляр, они вытягиваются в длину и активно сокращаются. Так они проходят через узкое место, а затем, попав снова в широкий сосуд, принимают прежнюю форму.

Когда же стенка капилляра смочена каплей раствора поваренной соли, картина совершенно другая. Просвет капилляра действительно суживается, как это описано у прежних исследователей, но вместе с тем происходит другое явление, которое осталось ими не замеченным: кровяные тельца сморщиваются, приобретают форму тутовой ягоды, они уже не могут протиснуться через узкие места. Они останавливаются и закупоривают просвет капилляра, начинается венозный застой.

Эти наблюдения заставили Боткина сделать совершенно новый вывод: хотя выход жидкой части крови из просвета капилляра действительно происходит, основная причина застоя в том, что кровяные тельца утрачивают способность активно сокращаться. И Боткин ставит вопрос: не следует ли из этого заключить, что главная причина застоя состоит не в экзоосмосе, а в совершенно другом обстоятельстве — утрате кровяными тельцами своей эластичности?

Такое толкование процесса противоречило взглядам Гоппе-Зейлера и вызвало ожесточенные споры в лаборатории. До сих пор процесс этот рассматривался как чисто физико-химический, Боткин же дал ему новое, физиологическое толкование.

Несмотря на возражения Гоппе-Зейлера, Боткин стоял за свои выводы, и в конце концов Гоппе со свойственной ему добросовестностью признал его правоту. Это была первая научная работа Боткина, показавшая его склонность к самостоятельному решению вопроса. Работа была напечатана в вирхонском «Архиве».

Кроме лаборатории Гоппе-Зейлера, Боткин стал посещать клинику профессора Траубе. Ему нравилось то строго научное и всестороннее изучение больных, которое проводил Траубе. Особенно нравилось ему, как Траубе строил гипотезу диагноза, как он подбирал и систематизировал отдельные наблюдения. Еще в университете Боткин упражнялся в построении таких гипотез, это было его любимейшим занятием.

В Берлине русские медики создали маленькую колонию.

Здесь встретились бывшие студенты, связанные дружбой еще в пору своего ученичества в Московском университете.

«Душой кружка и запевалой был жизнерадостный Боткин, — вспоминает Сеченов, — его любили даже старые немки, а о молодых и говорить нечего».

Большой любитель музыки. Боткин часто ходил с друзьями на концерты. Оркестр Либиха составлял тогда одну из достопримечательностей Берлина. Либиховская капелла играла в разных локалиях (так называлось нечто среднее между трактиром н пивной), где слушали музыку, сидя за столиками и попивая холодное пенистое пиво. Посещения этих концертов друзья называли «сбегать к Либиху».

«За этот год, — писал в своих автобиографических записках И. М. Сеченов, — побывали мы, думаю, во всех увеселительных заведениях Берлина, не исключая и так называемых шпицбалов, где оставались, однако, зрителями, не принимая участия в танцах».

Время вакаций Боткин проводил в Москве.

В 1857 году во время своего приезда домой Сергей Петрович внезапно заболел. Непонятные, бурные припадки врачи приняли за воспаление брюшины. Впоследствии припадки стали повторяться часто, и он убедился, что это «колики желчных камней» — болезнь, продолжавшаяся в течение всей его жизни, которую он изучил на себе до мельчайших деталей.

Увлечение научной работой все больше охватывало Боткина. Он писал Белоголовому:

«…На меня напал такой дух деятельности, что едва с ним справлялся. Работал с 8-ми утра до 12 часов ночи почти постоянно и никуда не выходил, кроме как по медицинским надобностям… Работы мои шли как по маслу и почти каждые две недели давали мне результаты».

В ноябре 1858 года в Берлин, соблазненный письмами Боткина, приехал Белоголовый. Друзья поселились вместе. Вспоминая это время, Белоголовый писал: «Он стал чистым жрецом науки еще больше, чем прежде, и совсем замкнулся в ее пределах; его обширный аналитический ум совершенно удовлетворялся безграничным полем исследования, какое раскрывалось перед ним по мере того, как его знания делались точнее, глубже и шире, и это поглощение всего его существа наукой было в нем совсем бескорыстно, без всякой примеси каких-либо честолюбивых расчетов и эгоистических целей…»

Тут же вспоминает Белоголовый и о том, что «жрец науки» любил поспать. Нередко, засиживаясь за интересной медицинской

книгой до трех-четырех часов ночи, Сергей Петрович никак не мог проснуться утром, и приходилось «чуть не насильно стаскивать его с постели».

Но вместе друзья жили недолго.

Сергей Петрович уже почти два года провел в Берлине и решил покинуть своих учителей. Он в совершенстве овладел микроскопией и химическим анализом. Им было проведено уже несколько серьезных самостоятельных работ. В ежемесячном вирховском «Архиве» регулярно появлялись статьи Боткина на немецком языке. К этому же времени относится и первое его сообщение на русском языке в «Медицинской газете», знакомившее с устройством аппарата для определения белка и сахара. Теперь это уже не был восторженный студент, безоговорочно восхищавшийся немецкой наукой. Он мог уже как равный говорить со своими учителями, умел критически подойти к тому, что видел в заграничных клиниках. К концу 1858 года Сергей Петрович решил объехать наиболее известные европейские клиники. Начал он с Вены.

В Вене встретились Сеченов, Беккерс и Боткин. Сеченов, раньше своих друзей освоившийся на новом месте, уже работал над диссертацией в лаборатории физиолога Карла Людвига. Было решено просить профессора Людвига прочесть русским медикам цикл лекций по кровообращению и иннервации кровеносных сосудов, на что тот охотно согласился. «Людвиг принадлежал к числу профессоров, любящих процедуру чтения… С вивисекторской стороны лекции были обставлены роскошно», — вспоминал потом Сеченов, высоко ценивший немецкого физиолога.

Боткин писал: «До сих пор я вполне удовлетворен только лекциями Людвига, превосходящими всякое ожидание ясностью и полнотою изложения; лучшего физиолога мне еще не приходилось слышать; личность Людвига — самая милейшая, простота и любезность в обращении поразительны».

Со своей стороны Карл Людвиг, учитель целого поколения физиологов всех стран Европы, очень ценил своих русских учеников и стал для них не только руководителем, но и другом.

Основной задачей Боткина было ознакомиться с Венской терапевтической клиникой, где он и начал работать с присущим ему интересом к новому, настойчивостью и трудолюбием. Центральной фигурой Венского университета пятидесятых годов, после Рокитанского, стал Оппольцер, терапевт с европейским именем, автор широко распространенного руководства по внутренним болезням. Однако ни клиника, ни профессор не

понравились Боткину, он писал в Берлин Белоголовому: «Оппольцер — прекрасный наблюдатель, сметливый диагност, вообще тип хорошего практического врача… Но так часто грешит против науки, что все же нельзя его назвать хорошим клиницистом в полном смысле этого слова. Соврать против химии, против патологической анатомии, даже против физиологии ему случается нередко».

Конечно, клиника, которой руководит профессор, являющий собой только «тип хорошего практического врача», не могла удовлетворить Боткина.

Он понимает, что наблюдательность и сметливость — это еще далеко не все, что от него требуется. Понимает, что для того, чтобы избавиться от эмпиризма, чтобы превратить медицину из искусства в науку, необходимо широко привлечь химию, патологическую анатомию, физиологию. Этот путь указал ему Вирхов. Впоследствии Боткин писал:

«…Вирхов, ища истину путем исследования, уничтожил авторитеты школ и гипотез, дал способ оценки фактов и указал нам истинный путь исследования».

«…Только те, которым выпало на долю быть очевидцами произведенного Вирховым переворота в медицине, — те, которым пришлось начать изучение медицины, не слышав еще имени Вирхова, — только они могут вполне сознать всю важность и все значение Вирхова в развитии медицины, как науки».

Боткина снова тянет в Берлин, в лабораторию Гоппе-Зейлера. Там теперь занимается Белоголовый. Боткин пишет Белоголовому: «Веной совершенно недоволен… Здесь многому не выучишься. Порядочному человеку в Вене больше трех месяцев быть грех».

В свой последний приезд в Москву Боткин познакомился с Анастасией Александровной Крыловой. Дочь небогатого московского чиновника, она получила серьезное образование, знала языки, музыку, литературу. В январе 1859 года Сергей Петрович стал женихом Крыловой. Он писал Белоголовому: «… Последняя почта принесла мне желанную весточку, которую я получил накануне нового года, и весь вечер ходил как пьяный. Поздравить меня ты можешь. Но я до сих пор еще не могу сказать, когда и где будет свадьба».

В другом письме он пишет: «…Свадьба моя отложилась до последнего числа апреля, Невеста выезжает в половине марта. Это известие получил по телеграфу тогда, когда начинал считать оставшиеся часы до счастливого дня моей жизни. Оно меня так озадачило, что я почти до сих пор не приду в себя. Вскоре после

телеграммы я захворал снова своими болями со стороны печени и почти целую неделю не мор выходить из комнаты и до сих пор нахожусь в самом отвратительном состояния духа…»

Переутомление от работы, болезнь, необходимость отложить свадьбу — все это неблагоприятно подействовало на Боткина. Он стал раздражителен, и это скоро почувствовали его друзья.

«И в это-то злополучное время понесла нас нелегкая затеять спор о Сути жизненных явлений», — вспоминал потом Сеченов. Боткин, естественно, утверждал, что теория целлюлярной патологии самая прогрессивная. Сеченов же доказывал, что теория Вирхова, ставившая во главу угла изучение изменений в клетках, недостаточна, что надо изучать процессы, приводящие к этим изменениям, и исходить при этом из целостности живого организма. Сеченов горячился: «…клеточная патология, в основе которой лежит физиологическая самостоятельность клеточки, или по крайней мере гегемония ее над окружающей средой, как принцип ложна… При настоящем состоянии естественных наук единственный возможный принцип патологии есть молекулярный». «При других условиях, — вспоминал потом Сеченов, — спор мог бы кончиться благотворно — поправками и уступками с той и другой стороны, но в данном случае их не последовало, и он кончился со стороны Боткина… поговоркой: „Кто мешает конец и начало, у того в голове мочало“, которая меня настолько обидела, что в Вене мы уже не виделись более и я уехал в Гейдельберг».

Сеченов считал основной причиной вспышки Боткина его болезнь. Но только ли в этом дело? Известно же, что Боткин был по характеру мягким, уступчивым человеком. Может быть, он действительно думал, что в голове Сеченова «мочало», что он просто не понимает значения теории Вирхова? Писал же он впоследствии: «…В те времена Вирхов был доступен немногим, учение его далеко не было общим достоянием, как теперь, а метод его исследования и мышления был доступен только исключительным лицам».

Нет, такое предположение маловероятно. Боткин всегда преклонялся перед «гениальным взмахом Сеченовской мысли». Скорее можно предположить обратное: от Сеченова он впервые услышал серьезную критику учения Вирхова и, чувствуя, что не хватает аргументов, и не желая себе признаться в этом, неожиданно для себя нагрубил другу. Не с этого ли времени начала подтачиваться его вера в непреложность взглядов Вирхова? Пройдет много лет, и Боткин скажет: «Вирхов выучил целые поколения врачей не ограничиваться одними гипотезами, а путем исследования искать истины. В этом, по моему мнению, и

заключается истинная заслуга Вирхова. Его окончательные выводы могут изменяться, целлюлярная теория, может быть, заменится новою, но путь исследования, указанный Вирховым, останется надолго открытым, с богатыми плодами в будущем».

Вскоре после ссоры с Сеченовым Боткин получил письмо от Глебова, который к этому времени был переведен из Московского университета в Петербург и назначен вице-президентом Военно-медицинской академии. Он писал, что есть возможность определить Сеченова на кафедру в академии и что для этого нужно получить от Сеченова письмо с описанием его работ в области физиологии.

Встревоженный и огорченный тем, что Иван Михайлович уехал обиженный, Боткин рассказал о ссоре Людвигу. Тот взялся уведомить Сеченова о письме Глебова, что н выполнил. «Любезный Сеченов, — писал Людвиг, — в одно из наших частных свиданий Боткин сообщил мне, что получил письмо от господина Глебова, некоего высокопоставленного чиновника нз Петербурга, в котором говорится, чтобы вы написали ему, как и где занимались физиологией, а он, имея в руках такой документ, мог бы похлопотать за вас. Исполните же это. Я просил Боткина, чтобы он написал вам об этом сам, и я надеюсь, что он сделает это, так как его жена очень его уговаривала. Как она жаловалась на излишнюю обидчивость Боткина, так и он на вашу. Простите, что говорю об этом, но мне бы так хотелось водворить согласие между двумя людьми, каждый из которых на свой лад может сделать много хорошего…»

Свадьба Боткина состоялась в Вене в первых числах мая.

Белоголовый, приехав в Вену к началу летнего семестра, в тот же день попал к Сергею Петровичу на свадьбу. Он вспоминает: «В небольшом боткинском салоне собрались все приехавшие с разных сторон для участия в торжестве; тут была н мать невесты из Москвы, и сестра ее с мужем из Гамбурга, и брат жениха. — художник, и его кузен, и еще не помню кто, все эти гости с трудом разместились в комнате, потому что большая часть мебели была завалена дамскими нарядами, картонками из магазина и пр., на диване бережно раскинулось эфирное подвенечное платье; медицинские книги и другие атрибуты ученой профессии отодвинуты были в задний угол.

откуда они, и особенно среди них микроскоп, подняв свою металлическую блестящую голову, словно удивленно посматривали на вторжение в их пределы таких легкомысленных предметов».

Сам же Сергей Петрович, замечает Белоголовый, «бесновался и шалил, как школьник», так как «был без памяти влюблен» в свою невесту.

Через две недели Боткины отправились в свадебное путешествие. Сначала заехали в Гейдельберг специально с целью повидать Сеченова. «…Дело было, по-видимому, в какой-то праздничный день, — вспоминал Сеченов. — Я пошел гулять… в парк около замка и там (неожиданно для себя) встретился с счастливым, добрым Боткиным и его красавицей женой». Увидя друг друга, мужчины обнялись и расхохотались. «С тех пор мы уже никогда не спорили с Сергеем Петровичем о клеточках и молекулах», — заключил свои воспоминания Сеченов.

Путешествие продолжалось. К Белоголовому приходили письма от молодоженов из Эмса, Швальбаха, Висбадена, Баден-Бадена… И наконец, из Лондона.

В Лондоне Боткины посетили Герцена.

Об этом визите имеется воспоминание Н. А. Тучковой-Огаревой. «…Приезжал Сергей Петрович… с женой: это было вскоре после их свадьбы. Сергей Петрович желал видеть Герцена… и хотя был в то время весьма застенчив, однако был и тогда очень симпатичен. Он много рассказывал Герцену о Пирогове, о Крымской войне, о баснословных злоупотреблениях, о краже, простиравшейся до корпии, которую продавали тайно французам и англичанам».

Вернувшись на континент, Боткины поселились в Париже. Для Сергея Петровича снова началась пора неустанной, напряженной деятельности. Всю зиму и часть лета он посещал лекции Клода Бернара, клиники Труссо. Бартезо, Бушю и др.

В те годы физиолог Клод Бернар, знаменитый мыслитель и экспериментатор, начинал чтение курса своих лекций в Коллеж де Франс словами: «Мне поручено преподавание научной медицины. Таковой не существует!» Но следующей его фразой было: «Я верю, что придет время, когда ее научное состояние достигнет той точности, какую мы видим в науках, изучающих неорганическую природу… Экспериментальная медицина есть движущаяся вперед наука, есть медицина развивающаяся, наука будущего».

Клод Бернар доказывал, что «знания одной патологической анатомии не достаточно для уяснения сущности болезни, параллельно надо производить опыты над животными», что «только в сочетании клиники и физиологии заключается прогресс медицины, как положительной науки. Клиника… ставит вопросы, физиолог объясняет явления, не отрываясь от наблюдения у

постели больного. Экспериментальная медицина не должна отрываться от клинического наблюдения, но должна возвращаться к нему вооруженная».

Учение Клода Бернара давало возможность не только констатировать патологические изменения, чем обычно ограничивались последователи Вирхова, но и проверять способы их устранения. Это новое физиологическое направление было следующим шагом в науке.

Казалось бы, Сергей Петрович должен был сразу безоговорочно увлечься новыми перспективами, открываемыми Клодом Бернаром. Но курс экспериментальной патологии ему не понравился. Лишь позднее он осознал значение экспериментальной патологии.

В Париже Сергей Петрович продолжал свои лабораторные исследования; о них он писал Белоголовому:

«Не удовлетворяясь чтением и посещением клиник и лекций, я устроил у себя дома маленькую лабораторию и принялся за работу с жадностью голодного волка… Окончил работу с кровью и получил много новых и хороших результатов, которые дали мне возможность объяснять многие фанты, приобретенные мною еще в Вене…

Вместе с этим у меня вышла коротенькая работа о диффузии хемитина и железного пигмента; эту последнюю работу отдал Бернару, который принял в ней большой интерес и поместил.

Как видишь, душа моя, работы было не мало…»

Одновременно Боткин заканчивал свою докторскую диссертацию, экспериментальную часть которой провел еще в лаборатории Гоппе-Зейлера.

Тема ее: всасывание жира в кишках. Выяснить детально процессы пищеварения и обмена в человеческом организме было очень важно для медицины, ведь многие болезни ссяэаны с нарушением этих процессов.

Клодом Бернаром были сделаны особенно важные открытия в этой области. Его работы по физиология пищеварения и обмена веществ, вышедшие в 1849 и 1853 годах, были награждены премией Французской академии наук. Для ознакомления с ними Боткин и приехал в Париж.

Суть исследований самого Боткина заключалась в следующем.

Экспериментальная физика доказывала, что нейтральные жиры не могут проникать через перепонки, что до того как жир проникает через животную перегородку (кишки), должен произойти процесс омыления его, то есть жир должен перейти в состояние, растворимое в воде.

Так ли происходит этот процесс в живом организме?

В результате детального изучения Боткин показал, что стенки кишок в организме приобретают способность пропускать жиры и придает им эту способность желчь. Удалось Боткину подметить и еще одну очень важную деталь: кишки покрыты эластичным слоем эпителия, и, если этот слой разрушен, расстраивается весь процесс всасывания жира.

Окончив диссертационную работу, Сергей Петрович направил ее на рассмотрение в Медико-хирургическую академию, куда он был приглашен к тому времени на кафедру терапии.

Пожалуй, не менее, чем Клод Бернар, привлекал Сергея Петровича в Париж Арманд Труссо, считавшийся лучшим терапевтом Франции. Труссо был противником целлюлярной теории, он писал о ней: «Смотря на живой организм как на небольшой мирок, состоящий из разнородных и независимых один от другого элементов, она, естественно, отвергает общее лечение, которое не может оказать влияние на элементы, несходные и до некоторой степени противодействующие один другому, она забывает о человеке и думает лишь о клеточках и теряется, таким образом, в бездне бесконечно малых величин».

Он сетовал на то, что с возникновением в медицине новых наук «терапия осталась в полном пренебрежении» и никто ке думает о том, «как облегчить страдания больных или исцелить их…». Болезнь стала предметом отвлеченных занятий: ее изучают так, как изучали бы, например, растение, животное или какое-нибудь простое явление природы. Патология стала «простой естественной историей болезней».

Эти высказывания Труссо взволновали Сергея Петровича, ои всегда был особенно чуток н вопросам врачебного долга. Быть может, действительно пристрастие к новым методам, помогающим определить болезнь, отвлекает от основного — лечения больного? В тот период в Западной Европе имели успех взгляды некоторых медиков, отрицавших возможность лечить больного существующими терапевтическими средствами. Блестящее развитие патологической анатомии н диагностики, сумевшей к этому времени завоевать положение «точных наук», н сравнение с ними терапии, остающейся еще в состоянии «искусства», служило основанием этому модному учению, названному «врачебным, или терапевтическим нигилизмом». «Научно образованный врач не придает никакого значения врачеванию», — утверждали эти горе-новаторы. «Фармакология — это наука о действии на организм веществ, с помощью которых болезнь вылечить нельзя», — острили они.

Сергей Петрович отрицательно относился к таким мнениям. Понимал он и то, что интуиция врача не потеряла своего значения в практической медицине, что она остается в ней как неизбежный фактор гам, где точное знание еще бессильно. Но он твердо верил — наука победит эмпирию, надо всемерно обогащать медицину точными знаниями. «Клиницист обязан применять к больному все, что дает современная научная медицина». И чем глубже будут его знания, тем скорее удастся превратить медицину из искусства в науку.

А Труссо, талантливый терапевт, имевший европейскую славу, поднявший собственное «искусство лечить» на небывалую высоту, с настойчивостью защищает «свою медицину» от втор жения новых идей. Нет, Сергей. Петрович не согласен с Труссо.

Посетив клинику Труссо, Боткин был разочарован, он писал Белоголовому: «Клинику Труссо держит довольно рутинно; удовлетворившись госпитальной диагностикой больного, он назначает совершенно эмпирическое лечение… Труссо здесь считается одним из лучших терапевтов; аудитория его всегда полна. По моему мнению, одна из главных причин его успеха есть его ораторская способность, сильно подкупающая французов…»

Боткина поразило и разочаровало общее состояние медицины в Париже. В урологической клинике Кодемона врачи, как заметил Боткин, не придавали значения микроскопическим исследованиям. Сергей Петрович писал: «…В двух случаях камня почек и последовательного затем страдания пузыря, несмотря на все положительные данные в моче, диагностика и, конечно, лечение были неправильны. Ошибка была сделана при мне и лучшими авторитетами города».

С огорчением рассказывает Боткин в письме Белоголовому о том, что он нашел во французских клиниках детских болезней. «Смертность детей жесточайшая, что, кажется, отчасти зависит от не совсем хорошего ухода, скверно топленных комнат и пр. Здесь эпидемия круппа, и почти все они отправляются на тот свет с прорезанным или целым горлом».

Из своих наблюдений над работой европейских знаменитостей Боткин сделал для себя еще раз все тот же вывод! «…врач должен быть клинически образовав; клинику нельзя доверять даже очень хорошему врачу-практику; у подобного руководителя диагностика всегда будет носить лишь госпитальный характер[3] и лечение больного, не имеющее экспериментального обоснования, неизбежно сведется к эмпирическим назначениям…» Боткин считал подобное лечение «недобросовестным», «рутинным», «недобрым делом».

В 1860 году у Боткиных родился сын, названный по желанию

Анастасии Александровны в честь отца Сергеем.

«Паренек наш кричит и ест так много, что даже мало спит, но это не мешает ему расти… Игрушка презанятная, жаль только, что слишком мала в нельзя ею поиграть так, как бы хотелось», — делится счастливый отец своей радостью с Белоголовым.

Обучение за границей подходило к концу. Сергей Петрович стремился на родину, хотел скорее применить полученные знания. Задерживало болезненное состояние жены, которая, «как тропическое растение, без солнца тотчас же свертывается. Если бы можно было в Питер привезти, хоть в бутылке, итальянского солнышка, кажется, тотчас же полетел бы домой… В начале, августа надеюсь увидеться с тобой…» — писал он Белоголовому.

10 августа 1860 года Боткин приехал в Петербург и сразу начал работу в академии. 17 сентября он блестяще защитил диссертацию.

Глава VI
На родине

«В высшем учебном заведении преподавателями могут и должны быть только достойные представители науки».

П. А. Дубовицкий

За время отсутствия С. П. Боткина в Россия многое изменилось.

Поражение в Крымской войне, показавшее гнилость самодержавного крепостнического строя, смерть Николая I и воцарение нового императора с его политикой либеральных реформ, появление на арене общественной жизни разночинной интеллигенции — все это вызвало широкую волну общественного движения за переустройство всей русской жизни.

Начавшиеся реформы коснулись и высшей школы.

В 1857 году президентом Медико-хирургической академии стал П. А. Дубовицкий, человек передовых взглядов, неподкупный, честный, энергичный.

Впоследствии С. П. Боткин писал о нем: «Дубовицкий — человек с громадным желанием принести пользу: он много способствовал тому, что новые, свежие силы не пропали бесследно я принесли свою посильную пользу русскому

обществу».

Президентскую деятельность Дубовицкий начал строительством новых и перестройкой старых зданий академии, улучшением внутреннего оборудования лабораторий, клиник, кафедр и обновлением преподавательского штата.

На Выборгской стороне — на территории, отведенной под Медико-хирургическую академию, — с весны началась работа.

Ломались ветхие деревянные здания, а на их месте воздвигались каменные корпуса.

Не менее энергична была деятельность нового президента но обновлению профессорского персонала. Из Казани в качестве ученого секретаря был приглашен известный всей России химик Николай Николаевич Зинин. Он со своей стороны посоветовал Дубовицкому пригласить в качестве вице-президента, на которого возлагалось заведование педагогической частью, Ивана Тимофеевича Глебова. Эти два профессора вместе с Дубовицким составили «триумвират», который занялся подбором на кафедры молодых профессоров. Привлекали научную молодежь, зарекомендовавшую себя работами в области медицины. Намечены были кандидатуры Сеченова, Боткина, Юнге, Беккерса.

В 1859 году всем кандидатам послали предложения заканчивать свои учебные и научные занятия за границей и готовиться к работе в академии.

Сергей Петрович Боткин был приглашен адъюнктом на кафедру терапии. Между стариком Шипулинским. руководителем кафедры, в свое время крупным терапевтом, и «триумвиратом» было условлено, что после его отставки, а это должно было произойти через год-два, его должность займет Боткин.

Еще находясь за границей. Сергей Петрович продумал, с чего начнет свою деятельность в академии. Прежде всего должна быть создана лаборатория, ни один диагноз не будет ставиться без подкрепления всесторонними анализами. Введет он также и специальные научные исследования. С организации лаборатории и начал молодой адъюнкт. Это сразу насторожило весь синклит старых профессоров. В академии в тот период большинство составляла группа профессоров, которую называли «немецкой партией», хотя в нее входили не только иностранцы, но и русские профессора. Именно эта группа отрицательно отнеслась к введению новых методов, привезенных Боткиным из Германии.

— Все это модничание ни к чему, оно только отвлекает слушателей от освоения основных курсов.

— Стремление все проверять анализами от врачебного бессилия, от неумения самостоятельно поставить диагноз.

— Этот безвестный московский купчик, который еще и к

больному-то не знает, как подойти, хочет учить нас!

Такие или примерно такие разговоры шли в кулуарах академии. Они, конечно, доходили до Боткина, но мало его трогали.

Беспокоило другое. Где найти оборудование, реактивы, сотрудников? Микроскоп у Боткина был свой — он приобрел его еще в Германии. Зинин поделился кое-чем из запасов химической лаборатории. Хуже с людьми — подготовленных лаборантов не было, приходилось все делать самому.

Все же лаборатория скоро начала работу. Были налажены микроскопические и физико-химические исследования, анализы мочи, крови и другие. Сразу же Боткин начал н исследовательскую работу. Через семь месяцев Сергей Петрович писал брату Михаилу: «Под моим руководством много и очень охотно работают, так что теперь публикуется 5 работ самостоятельных, сделанных студентами… Это меня ужасно утешает, и я внутренно горжусь таким блестящим началом, в России такого рода работы новая новинка…» В письме через месяц он пишет о том же: «12 работ выйдут напечатанными за нынешний год… каждая работа может занять достойное место в любом журнале». Белоголовому он пишет: «Теперь в ходу мои научные работы в лаборатории, которую я сам создал и которой любуюсь, как собственным ребенком; под моим руководством делаются работы, которые я задал, и некоторые дают отличные результаты».

Под руководством Боткина в основном исследовалось действие лекарственных веществ. Сергей Петрович очень интересовался народными средствами, изучал лекарственные свойства различных растений. Многие из изученных в лаборатории веществ вошли в практику медицины и применяются до сих пор. Таковы, например, препараты горицвета, ландыша, наперстянки.

Исследование лекарственных препаратов Сергей Петрович производил на животных. Эти опыты интересовали его даже больше, чем клинические анализы. Только эксперименты над животными, как понимал Боткин, могли существенно продвинуть вперед научную медицину. В то же время он постоянно помнил, что переносить закономерности, установленные на животных, в клинику можно лишь с большой осторожностью:

«Вы должны искать… специфические средства и имеете право идти также путем и теоретических соображений, но только для применения последних должна быть лаборатория, а не клиника. Нельзя себе позволять экспериментировать без громадной осторожности на живом человеке; вы должны помнить, что

медицина наша далеко еще не стоит на почве точной науки, и всегда иметь в виду тот спасительный страх, чтоб не повредить больному, не ухудшить чем-либо его состояние».

В этих высказываниях Боткина мы видим мысли его учителя Рудольфа Вирхова, который называл проведение опытов над человеком «преступлением против логики и морали» и горячо восставал против царившего в то время «безудержного, спекулятивного терапевтического эмпиризма». Но одновременно во взглядах Боткина на эксперимент уже видно и полное принятие мыслей Клода Бернара: «Клиника ставит… вопросы… — писал К. Бернар, — экспериментальная медицина не должна отрываться от клинического наблюдения». Боткин утверждал: «Клинический эксперимент руководствуется идеей, выработанной путем клинических наблюдений».

Заменяя профессора Шипулинского в терапевтической клинике четвертого курса, Сергей Петрович старался перестроить принятые там старые методы работы.

«Наблюдения врача в клинике должны быть научно обоснованы и подтверждены экспериментом, данные патологии должны быть увязаны с данными физиологии»… «…Приемы, употребляемые в практике для исследования, наблюдения и лечения больного, должны быть приемами естествоиспытателя, основывающего свое заключение на возможно большем количестве строго и научно наблюдаемых фактов».

«Успех и прочное развитие практической медицины будут обусловливаться уменьшением значения в ней инстинкта и большего подчинения науке».

Если мы припомним, что в то время преподавание клинической медицины в основном базировалось на описании болезней, без проникновения в их сущность, будет ясно, что подход Боткина был принципиально новым. Он писал: «Представляющийся больной есть предмет вашего научного исследования, обогащенного всеми современными методами: собравши сумму анатомических, физиологических и патологических фактов данного субъекта, группируя эти факты, на основании ваших теоретических знаний, вы делаете заключение, представляющее уже не диагностику болезни, а диагностику больного, ибо, собирая факты, представляющиеся в исследуемом субъекте, путем естествоиспытателя, вы получите не только патологические явления того или другого органа, на основании которых дадите название болезни, но вместе с этим вы увидите состояние всех остальных органов, находящихся в большей или меньшей связи с заболеванием и видоизменяющихся у каждого субъекта. Вот эта-то индивидуализация каждого

случая, основанная на осязательных научных данных, и составляет задачу клинической медицины и вместе с тем самое твердое основание лечения, направленного не против болезни. а против страдания больного».

Обследования больных под руководством Боткина стали походить на диагностические турниры.

Профессор Шипулинский растерялся. Он не ожидал такой глубокой и такой обширной деятельности от своего адъюнкта. Ему казалось, что это подрывает его авторитет.

Дубовицкий, Зинин и Глебов были довольны Боткиным, В терапевтическую клинику пришел тот, кого они и ждали, — настоящий врач-клиницист. Довольны были и студенты. Они внимательно слушали каждое слово нового руководителя. С интересом проводили лабораторные исследования, при обследовании больных применяли методы, которым их обучал Боткин.

Но вскоре начались неприятности. Сергей Петрович получил назначение только «исполняющего должность» адъюнкта, потому что по тогдашним правилам полагалось сдать еще соответствующие экзамены и провести публичную лекцию. Однако его допустили к занятиям со студентами до выполнения этих требований, потому что Шипулинский часто болел и клиника фактически оставалась без руководителя.

Увлеченный своими начинаниями, Сергей Петрович затягивал сдачу экзаменов н чтение публичной лекции, считая это пустой формальностью.

Между тем Шипулинский, чувствуя свою отсталость от требований современной медицины и не имея сил на коренную перестройку, подал в отставку. Его должность оказывалась вакантной раньше, чем этого ожидал академический «триумвират».

— Ну что же1 Тем лучше! — сказал Глебов. — Надо проводить через конференцию на ординарного профессора Боткина, которому эта должность давно обещана.

Зинин и Дубовицкий были согласны с вице-президентом. Но неожиданно возникло препятствие: часть профессоров заявила, что Сергей Петрович не имеет права занять профессорскую должность, так как он до сих пор не сдал требуемых экзаменов и не прочел публичную лекцию перед конференцией.

Не это, конечно, было истинной причиной протеста. Назначение на профессорскую должность молодого ученого рассматривалось как новшество, направленное против сложившихся традиций, тем более что кандидат уже показал себя человеком, непримиримым к рутине.

Дубовицкий, Зинин и Глебов оказались бессильными против большинства членов конференции. Боткин подал заявление об уходе. И тут-то выступили с письмом в конференцию студенты и молодые врачи, прикомандированные к академии на практику:

«Уверенные в необходимости основательного изучения патологии, химии и практического знакомства с физическими и химическими методами исследования больных, мы чувствовали себя глубоко признательными конференции академии, пригласившей в нашу основную терапевтическую клинику наставника, который, совершенно удовлетворяя этой высказанной нами потребности, в течение однолетнего пребывания в клинике успел ознакомить своих слушателей с современными клиническими усовершенствованиями и, вполне владея как всеми научными средствами, необходимыми для многосложной обязанности клинициста, как прекрасным талантом преподавания, так и практическими медицинскими сведениями, успел привлечь в свою клинику множество посторонних слушателей и много людей, желающих работать под его руководством. Устроенная им клиническая лаборатория давала к тому средства и остается капитальным приобретением клиники. Одним словом, прошедший год ясно показал нам, что в Сергее Петровиче Боткине мы имеем единственного и незаменимого профессора, могущего удовлетворить высказанным нами потребностям, сделавшимся необходимым ингредиентом медицинского образования, потребностям, уже удовлетворенным в лучших германских клиниках и так полно удовлетворяемым С. П. Боткиным».

Из письма Боткина к брату Михаилу мы узнаем о дальнейшей борьбе, разыгравшейся осенью 1861 года в Медико-хирургической академии. «Мне хочется тебе передать исторически дело моего поступления на место Шипулинского, боюсь только, что тебе будет скучно читать, но все-таки сделаю это, чтобы увековечить эту историю, очень важную в моей жизни. Нынешней весной между мной и Шипулинским было решено, что он не приедет к лекциям и не начнет их; следовательно, начать нужно будет мне. Приехавши в город с дачи, слышу — и Шипулинский здесь и ко мне не идет, а был в клинике, сердился, что ничего не готово, — следовательно, хочет начать… Наконец лекции начались, начальство просит меня окончить формальность с экзаменом адъюнкта, отнекиваюсь, они пристают; наконец я соглашаюсь, но с условием, чтобы меня пригласили в конференцию экзаменоваться официальной бумагой, что и сделано. В ответ на это приглашение я отправляю две бумаги, одну — рапорт о болезни, другую — где говорю, что, не желая никогда быть

адъюнктом, я считаю экзамен для утверждения в оной должности излишним, если же по открытия вакансии кафедры Шипулинского конференция не сочтет меня достойным занятия оной кафедры, то прошу покорнейше меня уволить из академии. Бумага эта была, как бомба, брошена в конференцию: здесь открылась партия против меня, которая еще не успела спеться и приготовиться к действию. В ту же конференцию, когда я послал бумагу, должно было рассуждать об отставке Шипулинского. Одна партия, самая сильная, готовила Экка, другая, более слабая, — Бессера. Студенты прислали депутацию в конференцию и, каждого Члена по очереди вызывая, просили заявить их желание видеть на этом месте Боткина, а не кого другого. Эта депутация мне настолько помогла, что противники были убиты сразу, ибо их самих, как членов конференции, просили хлопотать за меня. В этой конференции мой приятель Якубович, желая мне помочь, так стал хвалить, что все сочли за долг оскорбиться; он им публично сказал, что Боткин в один год в академии сделал больше, чем большая часть членов в течение всей их деятельности профессорской. Это оскорбление дало мне ожесточенных врагов, которые дошли до того, что читали по поводу меня речь студентам, убеждая их отказаться от меня и выбрать Экка. Но эта речь только оскорбила студентов и дала иле новых друзей. На следующее заседание конференции представили официальный адрес врачи нашего академического института в пользу меня, а также студенты. В это заседание стали отбирать голоса на выбор кандидата на эту кафедру, шесть было за Экка и двенадцать за меня. Одни из главнейших моих противников требовал, чтобы я прочел лекцию не теоретическую, но практическую над больными, которых мне выберут: что и было мною выполнено, после чего я был избран шестнадцатью голосами против трех в профессора клиники».

Молодой профессор, одержав с помощью общественности победу, продолжал свою работу с удвоенной энергией.

«При… безграничной любви к делу, при необыкновенных способностях, трудолюбии и громадных познаниях Боткин, овладев клиникой, постарался поставить ее на такую высоту, на какой до него не стояла ни одна клиника у нас, да едва ли и в Западной Европе, — писал Белоголовый в своих воспоминаниях. — В клинике сосредоточилась вся его страсть к науке и именно самая благородная сторона знаний — применение их к жизни; от клиники он получал двойное удовлетворение. Во-первых, в ней он продолжал учиться сам, проверяя все, что ему давали как книги, так и те соображения и задачи, которые зарождались, вырабатывались и в несметном

количестве накоплялись в его постоянно работавшем мозгу; в свою очередь и клиника, как непосредственное наблюдение больных, беспрестанно наталкивала его на новые вопросы и выводы, служившие целям его самообразования. Во-вторых, в клинике он любил, и чуть ли не больше всего, свое преподавательское дело; в чтении лекций он видел не простое исполнение своего долга — для него они составляли живую, неодолимую потребность его натуры делиться собственными обширными знаниями и прививать к молодым формирующимся умам ту же веру в медицину как точную науку, какая одушевляла его самого».

Лекции Боткина с самого начала его преподавательской деятельности пользовались исключительной популярностью у студентов. Аудитория, где читал Боткин, рассчитанная на 500 человек, была постоянно переполнена. Приходили студенты пятого курса, которым тот же предмет читал считавшийся хорошим лектором профессор Эйхвальд. Часто бывали на лекциях посторонние, даже не причастные к медицине люди.

Лекция Сергей Петрович всегда читал стоя, держался крайне просто.

«Боткин имел обыкновение, — вспоминает А. Сталь, — во время клинических разборов ставить ногу на стул, упереться локтей о свое согнутое колено и в течение всей устной беседы пощипывать свою реденькую клином бородку».

Сила его лекций была в конкретности и логике изложения, в уменье заставить слушателя самого сделать выводы, научить его клинически мыслить, как он сам это называл.

Ученик Боткина Н. Я. Чистович так описывает его лекцию-разбор:

«…Началась лекция с расспроса больного. Расспрос длился долго и для новичка мог показаться даже слишком детальным. Затем следовало тоже очень подробное детальное исследование больного, затянувшееся почти до конца официального срока лекции. Но вот Сергея Петрович окончил собирание данных, повернулся к аудитории, оперся рукою на решетку и приступил к анализу и комбинированию собранных материалов. Все, что казалось такой беспорядочной кучей, подчас мелочными данными, все это на наших глазах стало рассортировываться, комбинироваться в стройное, красивое строение».

«Никогда лекции Боткина не отдавали книжным духом, — пишет другой его ученик, А. Сталь. — В них трудно было слушателям заметить что-либо вычитанное, выученное и придуманное с предвзятой мыслью. Напротив того, нам казалось, что мысли лектора творятся здесь же, перед глазами слушателей.

Его словесные образы выливались в соответствующую форму самовольно, по мере их создания в мозгу».

Если мы обратимся к «Клиническим лекциям» Боткина, то заметим еще одну особенность; в них основное не описание общих случаев болезни, а конкретный разбор больного с определенным заболеванием. Главное, считал Боткин, — овладеть методом исследования больного и не бояться тратить время на разбор одной какой-либо болезни, изучая ее на различных больных со всей возможной тщательностью. Так, например, за один семестр он 18 лекций посвятил разбору тифа. И какой же это был разбор! Он поражал логической связью со всеми наблюдаемыми явлениями, со всеми особенностями организма каждого больного. «Нельзя говорить о клинической картине болезни вообще, вне связи с данным больным, — подчеркивал Боткин. — Болезни всегда развиваются по-разному, в зависимости от особенностей индивидуума».

В здании бывшего Морского госпиталя, в первом этаже клинического корпуса, была расположена терапевтическая факультетская клиника для студентов четвертого курса на 34 койки. Туг же проходили клиническую практику врачи, прикомандированные к Медико-хирургической академии. Здесь молодой профессор организовал амбулаторный прием больных. Принимал пять раз в неделю.

Амбулаторный прием еще больше увеличил загрузку Сергея Петровича. Теперь он проводил в клинике весь день. Боткин приезжал туда обычно к десяти утра. С одиннадцати в лаборатории начинались химические в микроскопические исследования, проводимые студентами и молодыми врачами. Первое время все лабораторные исследования со студентами Боткину приходилось проводить самому, только в 1861 году он подготовил себе помощников для руководства практикой. Это дало возможность выкроить больше времени для научной работы со старшекурсниками.

К часу студенты заполняли аудиторию я слушали лекции Сергея Петровича, а после лекций — снова обход больных и прием в амбулатории под его наблюдением.

«Сам неутомимый работник, Сергей Петрович требовал того же от своих учеников. Всякая небрежность, недостаточно внимательное отношение к больному неумолимо преследовалось им», — вспоминал Н. Я. Чистович.

С пяти до семи — вечерний обход клиники, и от семи до девяти вечера — чтение курса терапии для доцентов, на которое допускались все желающие.

С работы в амбулатории началась врачебная слава Боткина. Все больше людей, лечившихся в амбулатории, рассказывали о новом профессоре, которого скоро стали называть, как и Пирогова, «чудесным доктором». В амбулатории, собственно, предполагалось вести прием беднейшего населения, но вскоре ее стали осаждать люди всех сословий.

Популярность Боткина как врача и отзывчивого человека росла. Эта популярность принудила Сергея Петровича начать частную практику. Петербуржцы считали несправедливым, что такой опытный врач замыкается в стенах академии и не оказывает помощь нуждающимся на дому. В квартиру у Спаса Преображения стали стучаться больные, прося принять их или выехать к заболевшему. Сергей Петрович никому не мог отказать в помощи.

«Его обаяние среди больных поистине носило волшебный характер: лечило одно его слово, одно посещение больного», — рассказывал впоследствии И. П. Павлов.

«Каждый новый пациент делался безусловным поклонником его, — вспоминает Белоголовый. — Добросовестность, точность, напряженная внимательность, приветливая внешность… необыкновенная человечность, искреннее участие к страждущему, еще более искреннее желание помочь ему сделали из него идеального врача».

Основой врачебного успеха Боткина был его редкостный талант диагноста. «И это ли не был клиницист, поражавший способностью разгадывать болезни и находить против них наилучшие средства», — вспоминал И. П. Павлов. А Сеченов, рассказывая об особенной любви Боткина к исследованию сложных случаев заболеваний, писал: «Тонкая диагностика была страстью Боткина, и в приобретении способов к ней он упражнялся столько же, как артисты, вроде Антона Рубинштейна, упражняются в своем искусстве перед концертами».

Ряд диагнозов Боткина вошел в историю медицины. Так, например, Боткиным впервые в мире был поставлен прижизненный диагноз закупорки воротной вены. Один из современников вспоминает, что, когда Сергей Петрович поставил этот диагноз, никто не верил в него. Больной прожил несколько недель, «теша злорадство недоброжелателей Боткина». Они надеялись на клиническую ошибку со стороны Боткина и рассчитывали, что вскрытие наглядно докажет «шарлатанскую заносчивость молодого профессора».

Больной умер. Анатомический театр переполнился друзьями и недругами Сергея Петровича и просто любопытными. «…В область науки и знаний вторглась страстность партийных

элементов, легко поэтому представить себе настроение этой толпы, когда профессор Илинский (тогдашний патологоанатом) извлекал воротную вену, действительно содержащую тромб. Недоброжелатели Сергея Петровича в конференции академии… притихли с этих пор».

Боткин предложил новый метод диагностики блуждающей почки и тщательно описал все симптомы этого заболевания, проходившего ранее мимо внимания врачей. В литературе о Боткине приводятся случаи, когда при диагностике Сергей Петрович проявлял буквально чудеса. Вот, например, одни из таких случаев. В клинику положили женщину с очень высокой температурой. Палатный ординатор поставил диагноз — катаральное воспаление легких. Симптомы: сухой кашель, синюха на лице, холодные конечности, сонное состояние, отказ от еды. Больную показали докторам Чудновскому и Кошлакову. Они констатировали упадок сердечной деятельности и определили воспаление легких или тиф.

Боткин, осмотрев больную, сказал:

— Ищите завтра при вскрытии нарыв в заднем средостении вблизи пищевода. Больной помочь уже нельзя.

Чудновский с улыбкой выразил некоторое недоумение, Кошланов промолчал.

На другое утро больная скончалась. Вскрытие полностью подтвердило заключение Боткина: гнойное воспаление пищевода с образованием нарыва на заднем средостении и гнойное заражение крови.

И тут все вспомнили, что больная повторяла: «Дён 8 назад после ухи занемогла». Никто не обратил внимание на это, но нарыв был вызвав попавшей в пищевод рыбной костью.

И все-таки и у этого великого диагноста бывали ошибки. Переживал он их тяжело, даже очень тяжело. Был такой случай: фельдшерский ученик, работавший в аптеке, заболел брюшным тифом. После выздоровления он жаловался на головные боли, но никаких объективных показаний не было, и его выписали. Через три месяца он пришел с жалобой на непрекращающиеся головные боли. И опять никаких объективных показаний. На следующий день он умер. Вскрытие проводилось на лекции профессора Руднева. Когда он спросил, какой был диагноз, ему сказали, что Сергей Петрович не находил никакой причины, могущей объяснить его продолжительные жалобы, и в «скорбном листе» было записано: «Симуляция». При вскрытии был обнаружен обширный гнойник. Профессор Руднев сказал язвительно-насмешливым тоном:

— Этого достаточно, я думаю, чтобы убедиться в том, что не

от симуляции умер лентяй фельдшер.

Много дней потом недоброжелатели радостно рассказывали о гнойнике под названием «симуляция» и смаковали ошибку Боткина. Но не это угнетало Сергея Петровича — он не мог простить себе, что не поверил жалобам больного к не принял вовремя мер.

Когда же диагноз был поставлен правильно (а это бывало почти всегда), Сергей Петрович был очень изобретателен в отыскании способов лечения.

Лечил Боткин иногда очень своеобразно. Вот, например, как вспоминает о лечении ее во время тяжелой нервной болезни жена Ивана Петровича Павлова:

«Осмотрев меня, Сергей Петрович прежде всего спросил, могу ли я уехать. Когда я сказала „ни в коем случае“, то он ответил: „Ну, не будем об этом говорить“.

„Скажите, вы любите молоко?“

„Совсем не люблю и не пью“.

„А все же мы будем пить молоко. Вы южанка, наверно, привыкли пить за обедом“.

„Никогда, ни капли“.

„Однако мы будем пить. Играете ли вы в карты?“

„Что вы, Сергей Петрович, никогда в жизни“.

„Что же, будем играть. Читали ли вы Дюма и еще такую прекрасную вещь, как Рокамболь?“

„Да что вы обо мне думаете, Сергей Петрович? Ведь я недавно кончила курсы, и мы не привыкли интересоваться такими пустяками“.

„Вот и прекрасно. Значит, вы будете пить сначала полстакана молока в день, потом стакан. Так вы подниметесь до 8 стаканов в день, а затем спуститесь обратно к полстакану. В каждый стакан будете вливать по чайной ложке хорошего, крепкого коньяка… Дальше, после обеда вы будете лежать час-полтора. Будете каждый день играть в винт, робера 3–4, и будете читать Дюма. И ежедневно гулять во всякую погоду не меньше часа. Да, еще будете па ночь обтираться комнатной водой и растираться толстой крестьянской простыней… Теперь прощайте. Я уверен, что вы скоро поправитесь, если исполните все мои предписания“.

Действительно, исполняя точно все его советы, я была через 3 месяца здоровой женщиной». В связи с этим случаем С. В. Павлова вспоминает еще один эпизод. «Дмитрий Петрович (брат И. П. Павлова) взял у меня книгу (Рокамболь) и, читая, занес в лабораторию, где ее увидел Д. И. Менделеев. Он взял книгу в свои руки и сказал: „Дайте-ка мне, посмотрю, что это за штука“. Это было часа в 2–3 дня. На другой день он пришел в

лабораторию только в 4 часа. Все время читал Рокамболя. Тогда Дмитрий Петрович объяснил ему, что первой читала эту книгу нервнобольная жена брата по совету Боткина. „Да, и в этом проявился ум Боткина“, — проговорил, уходя из лаборатории, Менделеев».

Интересно отметить взгляд Боткина на поведение врача по отношению к больному и его окружающим: «Я считаю непозволительным врачу высказывать больному свои сомнения и возможности неблагоприятного исхода болезни, если какие-нибудь особые условия со стороны больного или его семьи не заставляют высказать предполагаемые сомнения; но и тут не следует забывать всю возможность ошибки и всю тяжесть могущих быть дурных последствий для нервной системы больного, мысль о предстоящей смерти которого не может благотворно действовать на течение болезни. Высказывая свои предсказания окружающим, врач должен поступать с большой осторожностью: он должен беречь больного и окружающих, от которых приходится иногда скрывать тяжелую истину в интересах самого больного. Надежда спасти больного или продлить его дин действует благотворно не только на окружающих его близких н ухаживающих за ним, но и на самого врача, бодрое состояние духа которого необходимо как для больного, так и для его окружающих».

Работа в клинике, лекции, прием больных — все это требовало громадного труда, колоссального напряжения. Боткин писал Белоголовому: «С тех пор как ты уехал из Питера, работа моя росла с каждым днем. Занимаясь в клинике и подготовкой к лекциям, по-прежнему почти все остальное время приходилось отдавать больным, или консультации в городе, или же приему больных дома: в последние месяцы пребывания в городе мне приходилось у себя на дому исследовать до 50 больных и даже более в один вечер, на другой день лекция, опять консультации в городе и опять прием дома. Нынешний год клинику я вел безупречно, не было почти ни одной лекции, которую бы читал на шаромыжку; приготовляясь к лекциям, следил за журналами; случаи же были в большинстве случаев самые задорные, потому что материал для клиники по преимуществу выбирал из амбулаторных больных, в их у нас перебывало в течение клинических занятий 1000 человек. Одним словом, для клиники приходилось столько работать, что при трудах „из-за деньги“ время для отдыха равнялось почти нулю».

В другом письме он жалуется Белоголовому: «Когда же.

наконец, придет время, что не нужно будет постоянно плакать о том, что день сделан не из 40 часов? Ведь, если бы еще страдал деньголюбием, честолюбием, славолюбием — клянусь честью, что плюю на все, что может успокоить припадки этих человеческих болезней… тружусь, как последний поденщик. Лето все ухнуло в составлении рефератов, в подготовке к лекциям да в приемах больных, что прикажешь делать?»

Сергею Петровичу действительно были всегда чужды всякие денежные и честолюбивые расчеты. «Боткин, не будучи денежным человеком, тем не менее… с одинаковым вниманием относился к высокопоставленному лицу, и к богачу, и к больничному пациенту, и к пришедшему к нему летом соседу-мужику. Среди его ежедневных городских консультаций редкий день из пяти-шести визитов он не имел одного или двух даровых», — свидетельствует Белоголовый.

Много времени уделял Боткин помощи своим ученикам в их научных работах. Писал Сергей Петрович и сам статья и рефераты для «Медицинского вестника» и «Военно-медицинского журнала». Целью этих работ было познакомить русских врачей с иностранной: медицинской литературой.

Но больше всего Сергей Петрович увлекался научной работой. «Научная работа, — писал он брату Михаилу, — для меня нужна, как насущный хлеб, без которого я существовать решительно не в состоянии».

Работал Боткин всегда с увлечением, самозабвенно.

В одном из писем Белоголовому он пишет: «До какой степени меня охватывает какая-нибудь работа, ты не можешь себе вообразить; я решительно умираю тогда для жизни: куда ни иду, что ни делаю — перед глазами все торчит лягушка с перерезанным нервом или перевязанной артерией. Все время, что был под чарами сернокислого атропина, я даже не играл на виолончели, которая теперь заброшенной стоит в уголке». (Боткин проводил тогда исследование анестезирующего действия сернокислого атропина.)

Жена его Анастасия Александровна жаловалась Белоголовому: «Он, право, сумасшедший, Белоголовый. Вы на него не взыщите, вообразите себе, что он и во сне постоянно бредит медициной. На днях я бужу, говоря, что пора вставать, а он отвечает: „А, пора, а я думал, что как теперь военное время, то взять бы одну ногу французскую, другую русскую ногу и попробовать над ними мой электрический аппарат“. И такого рода благоразумные ответы мне часто приходится слушать».

Глава VII
Новые люди

«Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело…»

Н. Г. Чернышевский

В I860 году в «Современнике» появилась статья Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Отстаивая материалистическое мировоззрение, Чернышевский доказывал, что базироваться оно должно на естествознании, причем особое значение он отводил физиологии.

«…Медицинские явления входят в систему физиологических явлений, а вся система физиологических явлений входит в еще обширнейшую систему химических явлений».

«Физиология рассматривает будто бы особые предметы — процессы питания, дыхания, кровообращения и т. д… Но тут опять надобно помнить, что эти разные периоды процесса и разные стороны, его разделяются только теориею… а в действительности составляют одно неразрывное целое».

И. М. Сеченов в своей докторской диссертации, вышедшей в том же 1860 году, высказал ряд положений, близких взглядам Чернышевского. Он утверждал материальное единство мира,

общность процессов в органической и неорганической природе и доказывал возможность объективными методами естественных наук, в частности физиологии, раскрыть тайны сознания.

Боткин шел одной дорогой с Сеченовым и Чернышевским. Он, вероятно, бывал в редакции «Современника», где должен был познакомиться с Чернышевским.

Чернышевского очень интересовала передовая медицинская среда. Новые врачи — новые люди.

В вышедшем в 1863 году романе «Что делать?» Чернышевский пишет о новых врачах:

«Они рассуждают… видите ли, медицина находится теперь в таком младенческом состоянии, что нужно еще не лечить, а только подготовлять будущим врачам материалы для уменья лечить. И вот они… посвящают все свои силы ее пользе, они отказываются от богатства, даже от довольства и сидят в госпиталях, делая… интересные для науки наблюдения, режут лягушек, вскрывают сотни трупов ежегодно н при цервой возможности обзаводятся химическими лабораториями».

Это описание явно навеяно разговорами с Боткиным и его друзьями. О научном пути героя романа Кирсанова Чернышевский рассказывал также, по-видимому, под влиянием истории с получением кафедры Боткиным: «Он уже имел кафедру. Огромное большинство избиравших было против него: ему бы не только не дали кафедру, его бы не выпустили доктором, да нельзя было… Клод Бернар отзывался с уважением о работах Кирсанова, когда Кирсанов еще оканчивал курс — ну, и нельзя, дали Кирсанову докторство, дали года через полтора кафедру. Студенты говорили, что с его поступлением партия хороших профессоров заметно усилилась».

В эти годы во всех областях науки и искусства шла ломка старого, зарождение нового, революционного. В 1863 году четырнадцать художников отказались участвовать в конкурсе на золотую медаль и вышли из академии.

Их взгляды на искусство перекликались с идеями композиторов, образовавших «Могучую кучку».

«Могучая кучка» из консерватория, бунтовщики из Академии художеств, медики из Военно-медицинской академии — каждые в своей области разрушали старое, боролись за русскую культуру, были новыми людьми.

Почему же в своем романе Чернышевский вывел не художников, не музыкантов, а врачей? Вероятно, потому, что именно врачи наиболее ярко характеризовали новое, деловое направление умов прогрессивной России того времени. «Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий,

умеющий взяться за дело и если возьмется, то уж крепко хватающийся за него, так, что оно не выскользнет из рук», — так писал Чернышевский о своих героях. Такими а были Боткин, Сеченов и их единомышленники. Это увидел Чернышевский, который, по определению В. И. Ленина, обладал гениальной способностью разбираться в исторических фактах в эпоху их совершения.

Именно в эти гады в медицинских кругах выделяется группа, характеризующаяся ярко выраженными демократическими взглядами. Это были врачи, снизанные позднее с деятельностью «Архива судебной медицины и общественной гигиены», — Ловцов, Архангельский, Гюбнер, Белоголовый и другие. Сергей Петрович по своим убеждениям примыкал к этой группе. Был он в дружеских отношениях и с врачами, непосредственно занимавшимися революционной деятельностью, например с Боковым.

Иван Петрович Боков работал в клинике Боткина и относился к нему с глубоким уважением. Боков вскоре женился на сестре своего товарища Владимира Обручева, связавшего свою жизнь с революционной деятельностью. Браку этому содействовал Чернышевский. Поговаривали, что брак фиктивный, вызван желанием Марии Александровны Обручевой учиться, стать полезным членом общества. Это было новое веяние среди русских женщин, тянувшихся к знаниям. Сергей Петрович сочувствовал ему и стал охотно помогать жене Бокова, Марин Александровне и ее подруге Надежде Прокофьевне Сусловой. Молодые женщины мечтали получить медицинское образование, стать самостоятельными и своим трудом служить народу.

Борьба за высшее Образование женщин — одна из ярких страниц русского демократического освободительного движения шестидесятых годов. Передовые русские девушки вели эту борьбу с неослабевающей энергией, упорно пробиваясь через все запреты и рогатки царской администрации, завоевывая себе право на высшее образование. В защиту женского образования выступала не только демократическая интеллигенция, но и либеральные круги и значительная часть профессуры, и все-таки… Все-таки в 1862 году предложения о высшем женском образовании были отклонены правительством. Вскоре последовал приказ военного министра, запрещающий занятия женщин в Медико-хирургической академии, исключение было сделано только для В. А. Рудневой-Кошеваровой, в 1863 году принятой в академию по ходатайству начальника Оренбургского башкирского казачьего войска. Он просил подготовить женщину-врача, которая могла бы

лечить женщин-мусульманок, так как по религиозным законам мусульманки не могли показываться мужчинам. Это была первая женщина-врач, окончившая высшее учебное заведение в России. Однако по окончании академии Кошеварова не получила назначение в Оренбургский край, гак как земства там не было, а на государственную службу женщины не имели права поступать. Кошеварова вернулась в Петербург, где вела в клинике Боткина научную работу, и в 1876 году получила степень доктора медицины.

Труднее пришлось Н. П. Сусловой и М. А. Боковой. Не имея возможности продолжать образование в России, они уехали за границу. Сеченов, под руководством, которого Суслова выполняла свою первую научную работу в академии, в своем письме в редакцию газеты «Петербургские ведомости» писал: «…г-жа Суслова… геройски вынесла на своих плечах разрешение вопроса, способна ли русская женщина быгь медиком-ученым».

Третьей женщиной-врачом в России была М. А. Бокова, вместе с Сусловой она вынуждена была оставить академию и закончила свое образование в 1871 году в Цюрихе, где получила степень доктора.

Но в 1862 году Бокова и Суслова еще занимались, хоть и не официально, в академии. Сергей Петрович допустил их на свои лекции и в клинику. Обе они также посещали анатомический театр.

Особенно сдружился с Боковым и его женой Сеченов.

Почти столетие существовала легенда о том, что прототипами героев романа «Что делать?» послужили люди, лично хорошо известные Чернышевскому; физиолог Сеченов, доктор Боков и его жена Мария Александровна Обручева-Бокова.

Но Чернышевский был арестован 7 июля 1862 года и заключен в Петропавловскую крепость. Здесь Чернышевский в числе других работ написал свой роман, который вышел в книгах «Современника» за март, апрель и май 1863 года.

По сохранившейся переписке между Сеченовым и Марией Александровной Боковой, а также по автобиографическим воспоминаниям Сеченова видно, что до ареста Чернышевского и даже по выходе в свет романа Мария Александровна была лишь ученицей знаменитого физиолога, так же как ее подруга Суслова.

Взаимоотношения Сеченова, Марии Александровны и Бокова развернулись почти по схеме романа, но это произошло позднее, в 1864–1865 годах. Случайно ли это?

Чернышевский писал о новых людях, и его друзья, шестидесятники, решали сложные нравственные проблемы как новые.

Любопытно отметить, что И. П. Павлов очень интересовался личной жизнью Сеченова, изучая влияние эмоций на работу мозга. «Не знаете ли вы, когда и при каких обстоятельствах произошло сближение и супружество Ивана Михайловича и Марии Александровны? От кого-то я слыхал, что в романе Чернышевского „Что делать?“ в лице Кирсанова и Веры Павловны изображены любовь и супружество И. М. и М. А. Так лн это? Если так, то здесь было сильное душевное волнение. И мне важно знать, в каком году это происходило?» — писал он М. Н. Шатернинову — ученику Сеченова. И в другом письме снова: «Я использую тольно самый общий факт, что Иван Михайлович в период писания „Рефлексов“ был охвачен эмоцией любви».

Летом 1862 года Боткины выехали за границу. Анастасия Александровна лечилась в Эмсе. Сергей Петрович, не желая без пользы проводить лето — а пользой он считал для себя работу, — поселился в Берлине, где снова стал посещать лекции Вирхова и работать в его клинике. Отсюда он, как всегда, писал своему неизменному другу Белоголовому: «Пребыванием в Берлине я чрезвычайно доволен… Даже Фрерикс, олицетворенная слабость как клиницист, был для меня полезен своими ошибками, которые служили мне поучением. Здесь я останусь 1 ½ месяца».

Боткин оставался верен себе. Он и из ошибок извлекал пользу. Но спокойно работать в это лето не удалось.

Из Петербурга приходили одно за другим тревожные сообщения.

Больше всего беспокоили пожары в Петербурге. Распространялись слухи, что дома поджигают революционно настроенные студенты.

Боткин, конечно, не верил этим слухам, которые, как выяснилось позднее, распространяла полиция с провокационными целями. Он писал Белоголовому: «Слухи о пожарах дошли до моих глухих ушей еще в Эмсе. Эти известия меня сильно обеспокоили… Чья это гнусная мера?!»

Дошли слухи и об аресте студентов Медико-хирургической академии. Кто-то написал Боткину, поименно называя арестованных. Позднее, после их высылки, Боткин писал Белоголовому: «Вероятно, скоро в Иркутске будут наши несчастные студенты. Ты бы сделал; большое благодеяние, если бы выхлопотал у местного начальства разрешение иметь им медицинские книги, тогда в их положении будет величайшей отрадой приносить пользу ближнему. Из них я помню Хорьхорикова, который был на 4-м курсе и недурно учился. Снабди его. если только это возможно, теми книгами по

практической медицине, которые у тебя вод рукой, какие ему отдашь, я тебе немедленно вышлю».

Воспользовавшись пребыванием за границей, Сергей Петрович едет в Лондон. Цель этой поездки могла быть только одна: встреча с Александром Ивановичем Герценом. 7 августа в газете «Czas» появилось сообщение о предстоящем аресте на границе русских подданных, встречавшихся с Герценом. Мгновенно это сообщение перепечатали и другие заграничные газеты. Перепечатал его и Герцен в «Колоколе», «Мы получили… имена лиц, которые находятся теперь за границей и которых прогрессивное правительство петербургское велело задержать на первой польской станции». В списке числились: Стасов Владимир, Боткин Сергей, Достоевский Федор и т. д., всего 21 человек. Сообщение подняло шумиху, и эта шумиха спасла С. П. Боткина от больших неприятностей. Все же он подвергся строгому обыску и имел беседу в Третьем отделении.

Осенью 1863 года вернулся из-за границы Сеченов, куда он ездил, чтобы поработать в лаборатории Клода Бернара. Сергей Петрович очень обрадовался его приезду. Сеченов рассказывал о своей новой работе, о рефлексах головного мозга. Он говорил о том, что психическую деятельность человеческого мозга можно изучать методами физиологии. Это была новая, совершенно не изученная область.

«Современные физиологи открывают тончайшие механизмы в работе спинного мозга, создают различные гипотезы, мнения, мировоззрения, но никто до сих пор не перекинул мостика между физиологией и психологией, — говорил Сеченов. — Я всегда интересовался психологией, всегда думал о перенесении психических явлений на физиологическую почву, В Париже, пока я сидел над опытами, имеющими прямое отношение к актам сознания и воли, во мне бродили мысли, которые дома улеглись в ряд частью несомненных, частью гипотетических положений».

Эти мысли и положения Сеченова были, собственно, развитой рефлекторной теорией, разрушившей барьер, которым идеалисты всех времен отгораживали головной мозг и психическую деятельность от других процессов организма, материалистическая природа которых к этому времени была уже научно доказана.

Сеченов смело утверждал, что деятельность головного мозга в самых высших ее проявлениях подчинена закону рефлексов и, следовательно, может стать предметом точного научного исследования, как и все другие функции организма.

Сергей Петрович слушал друга все с большим волнением, ведь это было именно то, о чем он думал уже не раз, на что наталкивали его клинические наблюдения. Еще в 1860 году он писал Белоголовому: «Мне кажется, что для психических стимулов существуют более или менее те же законы, как и для физических».

В своих мыслях он шел и дальше: психические факторы имеют большое значение в происхождении и развитии многих внутренних болезней. А отсюда вывод — для правильного лечения болезней надо обращать внимание на нервную систему.

В 1862 году он писал Белоголовому: «Говорю тебе откровенно, твоя физическая болезнь увеличивается в десять раз твоим растрепанным моральным состоянием, Я готов держать пари, что твоя болезнь если не совершенно пройдет, то значительно улучшится с поправлением твоего нравственного состояния».

Теперь, волнуясь, он рассказывал другу: «Изменения функции сердца сплошь и рядом находятся в зависимости от центральной нервной системы… Ослабление сердечной деятельности может развиваться при особенно возвышенной сердечной возбудимости, при различных угнетающих психических моментах. Нередко расстройство наступает вслед за горем, долго тревожившим больного, вслед за бессонными ночами, под влиянием того или другого психического момента».

В сознании Сергея Петровича уже складывались те теоретические воззрения, которые потом, много лет спустя, вылились в созданную им «теорию нервизма». Правильно понятое Боткиным значение физиологии — науки о здоровой жизни — помогло ему сделать ее основой науки о «жизни больной».

В начале 1864 года Боткин заразился от одного из больных сыпным тифом. Организм Сергея Петровича к этому времени был расшатан напряженной работой. Его «локомотив», как он в шутку называл свою энергию и силу, соскочил «на полном ходу с рельсов».

Наконец он одолел тяжелую болезнь, но выздоровление шло медленно. В марте месяце Боткин смог самостоятельно написать письмо Белоголовому; «Несмотря на то, что вот уже полтора месяца как поправляюсь, но далеко не чувствую себя способным к серьезному труду и потому еду в Италию встречать весну и, если поправлюсь, к летнему семестру в Германию… вряд ли мне случится еще раз в жизни утомляться до такой степени, как… в этом семестре».

И вот снова Италия. Рим, Неаполь. Полный отдых… Но

Сергей Петрович не долго пользуется им.

— Если уж я попал за границу, — убеждает он Анастасию Александровну, — надо ознакомиться с тем, что сделано нашими западными коллегами.

Они переехали в Вену, Вена по-прежнему не удовлетворила Боткина. На летний семестр он устроился в Берлине и снова начал работать. Он слушал лекции Вирхова, следил за вскрытием трупов, занимался с микроскопом и проводил в лаборатории опыты, необходимые ему для дальнейшей работы.

В Петербурге после отъезда Боткина за границу и во все время его отсутствия распространялись слухи: у профессора Боткина после тифа поражен мозг. Какая потеря для Медико-хирургической академии! Семья вывезла больного за границу, чтобы скрыть его состояние.

Но Боткин вернулся. Лишь только была прочтена первая лекция, как вымысел об умственной неполноценности руководителя терапевтической клиники рассеялся. Студенты по-прежнему стали толпиться около его аудитории, лаборатории и кабинета.

Ольга Сократовна Чернышевская, жившая в Саратове, сильно беспокоилась о муже. Из Саратова приходили письма, полные тревоги и боли: где он, что с ним, жив ли? Помочь вызвался верный друг Чернышевского доктор Боков. Он обратился к Боткину. Тан как все ссыльные не могут миновать Иркутска, а в Иркутске добрый друг — Николай Андреевич Белоголовый, Сергей Петрович пишет ему: «К тебе небольшая просьба известить родственников, если ты только что-нибудь знаешь о Чернышевском, от которого его близкие уже несколько месяцев не имеют никаких известий и думают, что он уже умер…» Боткин торопит Белоголового: «Если ответишь телеграммой на адрес Аркадия Францевича Мерчинского. проживающего у графа Штейнбока в доме министерства уделов, что на Литейной улице. Чтобы не возбуждать неприятных подозрений, лучше будет, если не назовешь имени этого господина в депеше». Найденный путь был верен, Белоголовый и в дальнейшем помогал друзьям и единомышленникам Чернышевского поддерживать с ним связь через своего брата А. А. Белоголового. В письме к брату 19 июля 1865 года Белоголовый писал: «Между прочим, я здесь имел свидание с д-ром Боковым и Пыпиным по поводу Чернышевского — это люди, боготворящие последнего и готовые решиться для него на последнюю крайность. С ними я порешил таким образом, что если им нужно будет что-нибудь отправить в Сибирь, то чтобы воспользовались твоим приездом». На первой странице

этого письма следующая приписка: «Для пересылки Чернышевскому, случай выбери поблагонадежнее».

Глава VIII
Основоположник русской клинической медицины

«Боткин сбросил с медицины мантию грубого и слепого эмпиризма и поставил ее в разряд наук».

М. П. Кончаловский

Подходило к концу первое десятилетие работы Сергея Петровича в клинике Медико-хирургической академии. За эти годы он накопил богатый научный материал. Это был архив клиники, состоявший из работ учеников Боткина. Некоторые из них печатались в «Медицинском вестнике» или в других журналах. Некоторые выходили в заграничной печати, но все это не удовлетворяло Сергея Петровича. Печаталась лишь небольшая часть выполненных работ, он же хотел, чтобы все имеющие серьезное значение исследования учеников увидели свет. Боткин часто и много говорил об этом с Ловцовым, редактором журнала «Архив судебной и общественной гигиены», но тот ничем не мог помочь. На выпуск дополнительного издания не было средств.

Несмотря на стесненность в деньгах, Боткин решил издавать работы учеников на свои средства. Журнал будет называться «Архив клиники внутренних болезней», с этим решением Сергей

Петрович однажды пришел в клинику и весело объявил:

— Господа, будем издавать ваши работы. Пишите!

Новость облетела клинику. Решение Боткина внесло оживление в среду врачей.

«Архив клиники внутренних болезней» начал свое существование в 1869 году. Издание продолжалось до 1889 года.

Всего было выпущено 13 томов с работами учеников Боткина.

Сергей Петрович подготовлял к изданию свои лекции, названные им «Курс клиники внутренних болезней».

«Животный организм, находясь под влиянием внешних условий, — писал Боткин в предисловии, — представляет, такие разнообразные проявления своей физиологической и патологической жизни, что не достанет никакой продолжительной деятельности одного врача для того, чтобы познакомиться со всеми разнообразными индивидуальностями. Это обстоятельство в особенности необходимо иметь в виду при клиническом преподавании, которое ограничено весьма незначительным сроком времени. Раз убедившись в том, что учащегося нельзя познакомить в течение клинического преподавания со всеми разнообразными индивидуальными проявлениями жизни больного организма, клиницист-преподаватель ставит себе первой задачей передать учащимся тот метод, руководясь которым молодой практик был бы в состоянии впоследствии самостоятельно применять свои теоретические врачебные сведения к больным индивидуумам, которые ему встретятся на его практическом поприще.

Меня могут упрекать в том, что я весь выпуск посвятил разбору только одного случая, а не представил нескольких историй больных с аналогичными патологическими состояниями; но цель этого издания — не увеличение казуистического материала, а желание сообщить моим товарищам по призванию приемы исследования и мышления, выработанные мною путем долгих клинических и анатом о патологических наблюдений, результаты которых невольно прилагаются к каждому встретившемуся новому случаю».

Боткин стремился, открывая новые факты, систематизировать их, давать на основании изученного новое направление для дальнейших исследований, отыскивать закономерности, находить исключения из этих закономерностей и давать им объяснения. Писал он только после того, когда каждая мысль И факт подтверждались клиническими наблюдениями и экспериментальными данными. Именно поэтому курс лекций Сергея Петровича был подлинно научной работой.

Лекции Боткина сравнивали с лекциями Менделеева,

вылившимися в дальнейшем в его «Основы химии».

«Курс клиники» состоял из трех выпусков. Первый выпуск содержал клинический разбор одного случая артериосклероза; второй посвящался детальному клиническому разбору одного случая сыпного тифа; третий выпуск содержал обобщение наблюдений «О сократительности селезенки» и описание случая одностороннего потения лица и шеи, с исследованием на тему «О рефлекторных явлениях в сосудах кожи и о рефлекторном поте».

Первый выпуск «Курса клиники» вышел в 1867 году. Он имел большой успех. Работа С. П. Боткина была переведена на немецкий и французский языки и получила блестящие отзывы со стороны выдающихся терапевтов Западной Европы.

С. П. Боткина справедливо считают одним из основоположников русской клинической медицины. Творчески восприняв учения Рудольфа Вирхова и Клода Бернара, он внес в клиническую медицину новые идеи я практически применил их в лечении больных.

И. И. Мечников, подводя итоги развития медицины а России за XIX столетие, сказал: «Боткин явился основателем школы русских клиницистов, и влияние его сохранится на все времена».

Привлекая на службу клинической медицины достижения физики, химии, биологии. Боткин создал прочную основу для физиологического понимания болезненного процесса.

В физиологических исследованиях искал он объяснение тех явлений, с которыми сталкивался в клинике, и на основе клинического опыта ставил новые вопросы физиологии. Им создан был подлинный союз медицины и физиологии.

Давая характеристику научным работам Боткина, Голубев (ученик Захарьина, выступавший неоднократно с критикой деятельности Боткина) писал: «Трудно сказать, для чего более поработал Боткин, для клиники или для экспериментальной и общей патологии». Эта характеристика очень справедлива. Именно благодаря многогранности научной мысли Боткина нельзя расчленить его деятельность. Можно сказать только, что он работал в медицине как натуралист. Он создавал научную медицину. Жизнь давно уже показала, что отделять лабораторию от клиники невозможно, что успехи медицины развиваются только на почве успехов ее авангарда — физиологии.

С годами все большее внимание Боткин стал уделять проблеме нервных центров. Если физиологические и патологические процессы, совершающиеся в органах и тканях, осуществляются рефлекторным путем, то в центральной нервной системе должны быть представлены многочисленные аппараты,

управляющие этими процессами.

Клинические наблюдения давали богатый материал для размышлений, выводов, гипотез. Боткин, например, предположил, что одно из наиболее частых проявлений многих болезней — повышение температуры — объясняется нарушением работы особых нервных центров, управляющих охлаждением тела. Действительно, опытами физиолога Чешихина было показано, что вслед за перерезкой продолговатого мозга в одном определенном месте температура организма резко поднимается — следовательно, имеется нервный центр, управляющий теплообразованием.

Сергей Петрович подробно разобрал механизм процесса потоотделения, и это привело его к мысли о новом центре в головном мозгу. В третьем выпуске «Курса внутренних болезней» Боткин высказал убеждение о существовании центра потоотделения, и в следующем же году Остроумов экспериментально доказал это. Боткин выдвинул идею существования в головном мозгу центра, управляющего работой селезенки, что вскоре было на опыте подтверждено физиологом Тархановым. Боткин высказал впервые в мировой науке идею о центральной нервной регуляции кровообразования. «Я глубоко убежден в существовании такого центра, писал он, — и как врач с таким же правом говорю о нем, с каким прежде говорил на основании клинических наблюдений о существовании особого центра для потоотделения».

Психическому фактору Сергей Петрович придавал серьезное значение и в происхождении и развитии многих внутренних болезней. Он часто приводил примеры разных случаев развития тех или иных заболеваний в связи с душевными переживаниями. Так он рассказывал случай из своей практики, когда девушка, на глазах у которой утонул ребенок, заболела тяжелой формой белокровия, в другом случае у матери, ребенку которой отдавило руку, онемели те же пальцы на руке.

Изучая заболевания во время войны, Сергей Петрович натолкнулся на довольно частое сердечное заболевание, которое приписывали тяжелым условиям военного времени. Однако наблюдения над людьми, выполнявшими тяжелую физическую работу, не показали этого заболевания, следовательно, оно было связано именно с тяжелыми психическими воздействиями в период боев.

Представление о нервной системе как основном регуляторе всех процессов, протекающих в организме, противоречило вирховской целлюлярной патологии, рассматривающей организм как сумму автономных, независимых клеток.

Целлюлярная патология, таким активным сторонником которой был Боткин в начале своей научной деятельности, учила смотреть на болезнь как на местный процесс, охватывающий отдельный участок тела или отдельный орган и не затрагивающий других органов. Клинический опыт убеждал Боткина в целостности организма, во взаимосвязи всех органов. Изучая вопрос о малокровии, Боткин убедился, что причиной болезни является не только патология костного мозга, как считали сторонники вирховской целлюлярной патологии, но что к малокровию, несомненно, приводят и ненормальности в функционировании других органов: селезенки, пищеварительного тракта, в также всей нервной системы.

Исследуя причины хлороза — болезни, которая характеризуется уменьшением в крови содержании красных кровяных шариков, Боткин писал:

«Прежде, когда гуморальная патология была преобладающим учением, никто, конечно, не позволил бы себе усомниться в том, что суть дела заключается в изменении крови, а все припадки неправильной иннервации являются вторично… Взгляд на хлороз, образовавшийся под влиянием гуморальной теории, не может теперь не подвергнуться критике. И такую попытку связать хлороз вообще с изменением органов мы видим уже в учении основателя целлюлярной патологии — Вирхова, усматривавшего причину этого патологического состояния во врожденной узости сосудов. Но это предположение не выдерживает критики…»

Искать причину в одних анатомических изменениях Боткин считает неправильным. «…Я пойду даже дальше, — писал он, — и позволю себе усомниться в том, представляют ли изменения крови при хлорозе первичные явления, позволю себе поставить вопрос, не происходит ли, наоборот, первичное изменение в нервных аппаратах, а кровь изменяется только уже вторично, последовательно».

Так постепенно клинический опыт приводит Боткина к пониманию ограниченности целлюлярной теории, рассматривающей болезнь определенного органа в отрыве от общего состояния организма. Он понимает необходимость изучения патологических процессов во взаимосвязи.

Боткину удалось разглядеть за наружной формой изменяющихся явлений в организме внутреннее содержание, за видимым их многообразием невидимое единство, которое обусловливалось ведущей ролью нервной системы.

Он приходит к выводу: целостность человеческого организма определяется нервной системой. «Она — регулятор его внешней и внутренней деятельности, обеспечивающий жизнь. В атом смысле

всякое повреждение тела (любого характера, в любом участке) в той или иной мере затрагивает и нервную систему, а стало быть и организм в целом».

Значит ли это, что Боткин вообще отказался от учения Вирхова? Нет, он хорошо понимает все значение метода целлюлярной патологии для медицины, но теперь он понимает, что ограничиваться исследованиями только анатомических изменений нельзя.

Учение Боткина объединяет в себе И метод исследования Вирхова и новые взгляды на организм как единое целое, управляемое нервной системой.

О значении теории Боткина И. П. Павлов писал: «Сергей Петрович был лучшим олицетворением законного в плодотворного союза медицины с физиологией — тех двух родов человеческой деятельности, которые на наших глазах возводят здание науки о человеческом организме и сулят в будущем обеспечить человеку его лучшее счастье — здоровье и жизнь… С сердечной благодарностью признаю плодотворное влияние того глубокого и широкого, часто опережавшего экспериментальные данные нервизма, который, по моему разумению, составляет важную заслугу Сергея Петровича перед физиологией…»

Плодотворным союзом физиологии и медицины было в само содружество этих двух ученых.

В 1878 году Сергей Петрович пригласил заведовать факультетской физиологической лабораторией Ивана Петровича Павлова.

Павлов в это время был слушателем третьего курса Медико-хирургической академии. Позади уже были годы учения на физико-математическом факультете Петербургского университета, годы работы, в области физиологии у профессоров Овсянникова, Циона и Устимовича. Павлов уже начал исследование работы сердца и сосудов и продолжил их в лаборатории.

Несомненно было, что о всех состояниях сердца и сосудов в мозг несутся беспрерывные сигналы. Они навещают о температуре крови, о скорости ее течения, о давлении на стенки сосудов. Но до сих пор ни одному анатому не удалось обнаружить в стенках сердца и сосудов никаких устройств, воспринимающих все это разнообразие раздражений.

Сосудистый центр Овсянникова… Депрессорный нерв Циана… Ускоряющий нерв, который посчастливилось обнаружить самому Павлову… Задерживающие действия блуждающего нерва… Ускоряющее влияние симпатического нерва… Все это отдельные части управления работой сердца. Они давали

некоторое представление о руководстве сердечной деятельностью, но многие особенности поведения сердца — его ответы на ускоренное дыхание, на усиленную мышечную работу, на поглощение пищи, на введение жидкости — оставались загадкой.

Обстановка в физиологической лаборатории Военно-медицинской академии более чем скромная. Каменный пол, некрашеные стены, скромные средства на оборудование, приобретение животных. Но зато с избытком хватало главного — внимания, интереса к вопросам, которые поднимал Павлов.

Общаясь с Боткиным. Павлов увидел, какое огромное внимание при изучении больного и здорового организма Сергей Петрович уделяет нервной системе. Сергей Петрович указывал Павлову десятки заболеваний сердца, связанных с поражением мозга и нервов. В Боткинской клинике укрепилось в получило развитие направление, которому Павлов дал название «нервизм».

Все это одушевляло Павлова в его поисках, поддерживало при неудачах, окрыляло при успехах. Одно за другим исследования Павлова появлялись в «Еженедельной клинической газете» — медицинском журнале, издаваемом Боткиным в эти годы.

Сергей Петрович постоянно направлял в лабораторию Павлова своих учеников для проведения различных опытов. Чаще всего в этих опытах проверялось действие того или иного лекарственного вещества, что глубоко интересовало Павлова. Объединение физиологии с клиникой через задачи, поставленные фармакологией и терапией, способствовало формированию научных интересов И. П. Павлова и выработало его клинико-физиологическое направление, что немало обогатило медицину и физиологию.

Интересны взгляды самого Павлова на синтез физиологии В медицины.

«…Огромная помощь врачу со стороны физиологии возможна только при одном строгом условии — при постоянной проверке физиологических данных клиническим наблюдением… физиология всегда должна играть роль только советчика и никогда не выступать в роли решающего судьи… Медицина во многих отношениях опередила физиологию, а легко понять, что физиологический кругозор думающих врачей шире и свободнее, чем самих физиологов».

Таким думающим врачом и был для физиолога Павлова его руководитель — Сергей Петрович Боткин.

«Я имел честь в продолжение 10 лет стоять близко к деятельности покойного клинициста в ее лабораторной отрасли, — писал впоследствии Павлов о Боткине. — Ум его, не

обольщаясь ближайшим успехом, искал ключа к великой загадке: что такое больной человек и как помочь ему, — в лаборатории, в живом эксперименте… На моих глазах десятки его учеников направлялись им в лабораторию. И эта высокая оценка эксперимента клиницистом составляет, по моему убеждению, не меньшую славу Сергея Петровича, чем его клиническая, известная всей России деятельность…»

По мере того как клинические наблюдения и физиологические опыты давали неопровержимые доказательства правильности представлений Боткина, он все настойчивее стремился использовать на практике эти взгляды. Новое понимание болезненных процессов требовало пересмотра и методов терапии.

Анализируя болезненные процессы, Сергей Петрович замечает, что большинство из них имеет один общий, чрезвычайно характерный признак — скачкообразное или волнообразное течение.

Указывая на чрезвычайно показательные температурные кривые, характеризующие колебательное течение инфекционных болезней, Сергей Петрович делает вывод: «…колебательное, скачкообразное течение температуры есть только одно из выражений общего закона, проявляющегося также я в колебательном течении некоторых анатомических изменений и представляющего факт общий для инфекционных болезней». В чем же причина этого? В том, отвечает Боткин, что организм, мобилизуя свои «физиологические приспособления» на борьбу с болезнетворным началом, не сразу одерживает над ними верх. Тонус этих «физиологических приспособления» колеблется — он то ослабевает, то вновь усиливается, отражением этих колебания и является волнообразное или скачкообразное течение процесса в целом.

Далее Сергей Петрович открывает, что повышение температуры при инфекционных процессах проходят обычно в две фазы. Первая фаза имеет место почти во всех инфекционных заболеваниях, вторая же может иногда и не проявиться. Почему же это происходит? Потому, отвечает Боткин, что уже в начальном периоде заболевания в организме нашлись такие «физиологические приспособления», которые оборвали процесс раньше, чем анатомические изменения успели развиться и дать вредные продукты распада, вызывающие вторую фазу повышения температуры.

Так Сергей Петрович приходит к идее обрывающей, или купирующей, терапии. Суть ее в том, чтобы научиться владеть

физиологическими приспособлениями организма, по необходимости активизировать их. В своих лекциях о тифе он пишет: «Ведь нет никакого сомнения, что способность обрывать тиф существует в человеческой природе… Надо… изучать внимательно и всесторонне течение тех случаев, которые сами по себе оканчиваются абортивно. Вот в этом-то изучении природных, естественных абортивных форм, в этом знании приемов, употребляемых нашим организмом для освобождения от поступившей в него заразы, мне кажется, мы найдем и тот путь, руководясь которым придем к знанию купирующих, обрывающих болезнь средств».

Изучая купирующие приемы организма, врач должен устремлять внимание на те нервные центры, которые организуют их, — учит Боткин: «…Следуя этому пути, мы найдем ту путеводную звезду, которая приведет нас со временем к знанию средств, купирующих болезнь». Боткин не знал еще этих средств, но он первый, указал путь к ним.

Ранняя смерть не дала возможности Боткину развить исследования в этом направлении. Не успел он узнать и об успехах других ученых. Между тем, идя по пути, который указывал Боткин, медицина обогатилась новыми средствами борьбы с болезнями. Эти средства — вакцины и сыворотки.

Вакцина представляет собой препарат, состоящий из мертвых или ослабленных микробов. Ее вводят здоровому человеку для предупреждения болезни, вводят и при лечении. В чем же сущность ее действия? При введении вакцины в организме развивается болезнь, но в легкой форме, физиологические приспособления организма легко справляются с ослабленными микробами и вместе с тем вырабатывают способность уничтожать тание же, но активные микробы, если они попадут в организм. Организм приобретает так называемый иммунитет. Даже когда активные микробы уже находятся в организме, оказывается, тренировка на ослабленных микробах развивает способность к борьбе защитных сил организма.

В сыворотке нормальной, здоровой крови нет ни мертвых, ни ослабленных микробов, в вей нет вообще микробов. Но в ней есть защитные вещества, уже обладающие способностью бороться с микробами, способностью, которую они приобрели, если, человек или животное, от которого ее взяли, перенес естественную или привитую болезнь. Эти защитные вещества, победив микробы во время болезни, закалились в бою — они способны предупредить болезнь или облегчить ее течение.

Если проследить далее за открытиями медицины, мы увидим, что развитие терапии продолжает базироваться на использовании

сил самого организма. Использование препаратов нового типа: гормонов, витаминов, стимуляторов — основано на изучении физиологических свойств организма. Все это препараты широкого профиля, препараты, лечащие не отдельные болезненные явления, а общие патологические процессы.

Обычно принято считать, что врач действует своими лекарствами на болезнь, Сергей Петрович говорит иначе: «… употребляйте лекарственные вещества и другие средства, смотря по обстановке», но «не думайте только, что, применяя все эти способы, вы лечите самую суть болезни… Врач лишь помогает организму справиться с болезнью, справиться его собственными защитными приемами».

Начинающему заниматься клинической медициной, учит Боткин, «предстоит изучить искусство применять приобретенные им сведения к решению следующих практических вопросов, которые представляются ему с каждым больным, именно: в чем состоит индивидуальность данного больного и какие меры нужно применять для излечения или для облегчения патологических проявлений его жизни».

В своих «Клинических лекциях» Боткин ломает устаревшие представления о болезненных процессах. На основе многочисленных клинических наблюдений, подтвержденных опытными данными, он строит новые гипотезы и теории болезней. Многие его гипотезы нашли подтверждение, сделались достоянием патологии. Такова, например, его гипотеза о связи образования желчных камней С микроорганизмами. В лекции «Острый инфекционный катар желчных путей» Боткин разошелся во взглядах с Вирховым, который причиной этого заболевания считал механическую закупорку желчных протоков. Боткин высказал и обосновал свое мнение об инфекционной природе так называемой катаральной желтухи. Сделал он это за 60 лет до открытия вируса этого заболевания, и теперь инфекционную желтуху справедливо называют болезнью Боткина.

Но, высказывая научные предположения, Боткин не считал себя непогрешимым. Он требовал постоянно проверки предположений опытом, критического отношения к ним.

Школу Боткина, названную петербургской, часто противопоставляли московской школе Захарьина.

Современник Боткина французский клиницист Юшар писал: «Благодаря мощной деятельности двух выдающихся людей — Боткина в Петербурге и Захарьина в Москве… образовались две школы, отчасти противоположные одна другой.

Школа Боткина всегда была более теоретической, чем практической… Школа Захарьина, напротив, опирается на

наблюдение…на расспрос… возведенный на высоту искусства». Захарьин, как и Боткин, был блестящим диагностом, снискавшим в этой области у многих современников славу даже бóлыпую. чем Боткин. А. П. Чехов писал о Боткине: «В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе… (Захарьина я уподобляю Толстому) — по таланту».

Пройдя, как Боткин, солидную подготовку у Вирхова, Захарьин вернулся в Россию все же убежденным сторонником «искусства лечить». Он целиком уходит в клинику, в клинику «гиппократическую», го есть такую, где все отдается наблюдению у постели больного, тонкому исследованию самого больного, лаборатории же и экспериментальным исследованиям отводится минимум внимания. Он учит своих слушателей начинать диагностику с тщательного опроса больного, с его прошлого, — индивидуальных ощущений и т. д., после чего только в случае крайней необходимости проводить специальные анализы. Этот метод исследования больного получил название анамнестического, так как в основе его лежит анамнез — опрос больного. После опроса врач, анализируя его результаты я свои наблюдения, ставит диагноз. Захарьин считал, что врач не должен делать никаких предположений, строить гипотез до опроса больного, что если врач предварительно построит гипотезу болезни, то будет уже пристрастен и односторонен в своих вопросах.

В противоположность этому, по методу Боткина, врачу лучше прежде иметь все объективные данные о состоянии больного (анализы крови, мочи, мокроты и т. д.), на основании их сделать предварительную гипотезу болезни, а затем уже проводить детальный опрос больного. Больной по большей части не может правильно описать свои ощущения и особенности своей болезни, часто он останавливается на постороннем я упускает основное, что должен узнать врач. Поэтому ему необходимо ставить наводящие вопросы, а это можно, только имея уже некоторое представление о состоянии его организма. Затем, имея объективные показания, первоначальную гипотезу, наблюдения больного и его опрос, врач уже может поставить диагноз.

Боткин в своей речи «Искусство в медицине» говорят: «Практическая медицина делится на науку я искусство». В основе различия в методах диагностики Боткина и Захарьина лежало именно это разделение. Захарьин считал главным в медицине искусство, Боткин — науку.

Боткин а своей преподавательской деятельности поставил себе цель — передать своим ученикам умение научно мыслить, он учил их наблюдать и анализировать, учил обобщать, делать из

этих обобщений выводы, искать общие законы.

Захарьин отвергал какие-либо теоретические обобщения. Он говорил: «Намерен сообщить лишь то, что считаю фактически верным, я не коснусь теорий… ибо нет такой теории, против которой нельзя было бы возразить». Он отстаивал точку зрения, что клинический преподаватель должен «разбирать больных, не вдаваясь в гипотезы и теории».

Если мы вспомним «катехизисное» преподавание, которое было принято во время обучения Боткина и Захарьина в Московском университете, то поймем, почему Захарьин получил отвращение ко всяким теоретическим рассуждениям и пошел вслед за теми преподавателями, которые, как он видел, были хорошими диагностами и клиницистами благодаря своему инстинкту и опыту. Боткин же сумел в хаосе противоречивых теорий отобрать все важное, двигающее науку вперед, сумел построить действенную теорию, научить своих последователей методам, помогающим превращению медицины из искусства в науку.

Взгляд Боткина на значение интуиции в медицине выражен им в двух его выступлениях перед студентами в 1886–1887 годах. Он говорил:

«…Лечить больного, облегчать его страдания я, наконец, предупреждать болезнь — требует в настоящее время знания и искусства прилагать его. Это-то искусство, принадлежащее личности, и было так высоко в древности, что человек связывал его с понятием о божестве, с течением истории искусство утратилось вместе с отдельными личностями за неимением твердых научных основ. Существовавшее знание некоторых фактов, не подведенных под общие истины, не составляло науки; оно мало-помалу исчезало, искажалось под влиянием различных школ с различными взглядами…»

Дальше он говорят:

«Врачи прежнего временя, лишенные почтя совершенно тех способов исследования, которые в настоящее время составляют общую принадлежность каждого начинающего, путем опыта вырабатывали в себе способность наблюдать без всяких вспомогательных средств;

…способность делать заключения без участия сознательной мыслительной способности, без анализа, без строгой логической последовательности в постепенном развития мысли мы привыкли называть инстинктом; известно, какое громадное значение имеет это свойство нервных аппаратов в жизни животных.

Врач, делающий диагностику больного или заключение о его болезни, не имея достаточных фактов… действует по инстинкту.

Успех и прочное развитие практической медицины будут обусловливаться уменьшением значения в ней инстинкта и большего подчинения науке или разуму».

Если проследить научный путь Боткина, невольно приходит мысль: по существу, вся жизнь его прошла в мучительном противоречии между его аналитическим умом и его талантом, между медициной-наукой и медициной-искусством.

Став врачом, он прежде всего искал в медицине логику фактов, возможность решать вопросы у постели больного на основании объективных законов жизни организма. Сначала он думал, что сообщенные в университете сведения достаточно вооружат его для деятельности врача. Но очень скоро он понял, что этого мало, так мало, что ум должен уступить место интуиции. Но можно ли довериться интуиции? Нет, ум протестовал, ум кричал: долой интуицию, дайте мне точные знания!

И вот пришло учение Вирхова. Оно казалось всеобъемлющим, оно давало возможность найти болезнь строго в определенном месте и определить ее наличие не интуицией, а строго доказанными фактами, экспериментом.

Казалось, открылась возможность победы ума над интуицией. Полный надежд, начинает Боткин свой врачебный путь. Все новое, что он узнал, прилагается к делу лечения. Он смело говорит своим ученикам:

«Чтобы избавить больного от случайностей, а себя от лишних угрызений совести и принести истинную пользу человечеству, неизбежный Для этого путь есть путь научный… в клинике вы должны научиться рациональной практической медицине, которая изучает больного человека и отыскивает средства к излечению или облегчению его страданий, а потому занимает одно из самых почетных мест в ряду естествоведения. А если практическая медицина должна быть поставлена в ряд естественных наук, то понятно, что приемы, употребляемые в практике для исследования, наблюдения и лечения больного, должны быть приемами естествоиспытателя, основывающего свое заключение на возможно большем количестве строго и научно наблюдаемых фактов. Поэтому вы поймете, что научная практическая медицина, основывая свои действия на таких заключениях, не может допускать произвола, иногда тут и там проглядывающего под красивой мантией искусства, чутья, такта и т. п.».

Он полон веры в силу научно обоснованных фактов, в их победу над интуицией. Сергей Петрович по крупице собирает факты, наблюдения, непрерывно думает над методом их

объединения. На помощь приходит физиология, она учит, как в здоровом организме проследить истоки, причины болезни, она открывает общую связь — нервную систему. И все же каждый случай, каждый больной показывают: нет одинаковых болезней, каждый больной — это новый случай, по-своему реагирующий на болезнь. Не известны еще законы, под которые можно подвести все случаи, с какими сталкивается врач. Боткин признает: «… механизм и химизм животного организма до такой степени сложны, что, несмотря на все усилия человеческого ума, до сих пор еще не удалось подвести различные проявления жизни хан здорового, так и больного организма под математические законы. Это обстоятельство, ставящее медицинские науки в ряд неточных, значительно затрудняет применение их к отдельным индивидуумам. Кто знаком с алгеброй, тот не затруднится при разрешении задачи уравнения с одним или большим количеством неизвестных; другое дело — разрешение задач практической медицины: можно быть знакомым и с физиологией, и с патологией, и со средствами, которыми мы пользуемся при лечении больного организма, — и все-таки без умения приложить эти знания к отдельным индивидуумам не быть в состоянии разрешить представившуюся задачу, если даже решение ее не переходит пределы возможного. Это уменье применять естествоведение к отдельным случаям и составляет, собственно, искусство лечить, которое, следовательно, есть результат неточности медицинских наук».

Из речи Боткина: «Об искусстве в медицине» видно, как глубоко, как мучительно он обдумывал эти вопросы, Сергей Петрович говорит: «Врач, собирая факты, дойдя до конца и не получив достаточно фактов для составления заключения, не имеет права сказать, как натуралист: я не могу достаточно изучить этот объект, у меня нет достаточно фактов для заключения, я лучше от него воздержусь!

Врач имеет дело не с объектом, а с субъектом, которому обязан помочь, иногда даже очень быстро, и вполне сознавая недостаточность своего исследования, он не имеет права сказать: я не могу принять те или другие меры. Врач, несмотря на неполноту анализа и полученных фактов, все-таки поставлен в необходимость поставить диагноз, сделать гипотезы, насколько они вероятны, и как бы ни было мало данных, он не может отложить заключения до более благоприятного времени, ждать открытия новых методов исследования.

…Вы видите разницу между естествоиспытателем н врачом. Естествоиспытатель может выжидать, он не имеет даже права забегать вперед, делать, так сказать, произвольные заключения —

а врач обязан сделать диагноз, иногда весьма шаткий. Вот такой диагноз, поставленный по крайне маленьким данным, не дающим возможности сделать это заключение путем строгого логического анализа, такое, следовательно, более или менее произвольное заключение, могущее показаться человеку с математической головой непозволительным, ужасным, делает врач, и делает в громадном большинстве случаев, в сущности, верно: вскрытие или последующее течение болезни оправдывает его гипотезу».

Но ведь сам Боткин обладает именно «математической головой». Значит, не раз его аналитический ум переживал борьбу, принужден был уступать интуиции.

Да, это так. Дальше он пишет: «…мне кажется, что человек с правильно поставленным мозгом, с отличным аналитическим умом мог бы оказаться плохим практиком: область этой неточной науки так разнится от его способа мышления, что он на каждом шагу становится в тупик. А между тем голова мало математическая сплошь и рядом делает заключения и быстро в верно. Вот эти свойства обязанности врача и подлежат отделу, известному в медицине под именем искусства».

Это как бы признание в тех трудностях, которые испытывал он сам, «человек с аналитическим умом».

И дальше: «…часто случалось прежде слышать: у этого врача взгляд! А что такое взгляд? Это действительно существующая способность в человеке разрешать важнейшие вопросы в жизни без участия центральных органов, заведующих сознательным мышлением. Ну, назовите это интуицией…»

Признание необходимости подчинять нередко логику мысли интуиции, необходимости допускать эмпиризм в лечении, сознание недостаточности терапевтических средств привели к тому, что Боткин не любил заниматься практической медициной. Он писал Белоголовому; «Три недели, как начались лекция, из всей моей деятельности это единственное, что меня занимает и живит, остальное тянешь как лямку… практическая деятельность в моей поликлинике так тяготит меня…»

«…Прости меня за хандру, но нынче у меня был домашний прием, и я еще под свежим впечатлением этого бесплодного труда».

Практическую медицину часто называют трагической дисциплиной. Во все времена к ней предъявляется всегда одно и то же требование — «помоги страждущему существу», я если наука или врач не могут этого сделать — чего они стоят! В противоречии между собой находятся медицина-наука и медицина-искусство; чтоб примирить их, нужны огромный талант и большие знания.

Искусство, наука — два полюса. Боткин вошел в медицину, когда она была еще ближе к полюсу искусства, но уже начала отдаляться от него. Весь смысл своей деятельности Боткин видел в том, чтобы как можно ближе привести медицину к полюсу точной науки.

Интересно проследить, как складывалась деятельность у крупнейших медиков и физиологов того времени. Сеченов, увидев в медицине одну эмпирию, отказался от нее, уйдя в точную науку, науку эксперимента — физиологию. Захарьин принял эмпирию я силою своего таланта возвел ее на высоту великого искусства. Боткин, признав неизбежность эмпирия на данном уровне знаний, обогатил медицину экспериментом, приблизив ее к точным наукам, таким, как физиология, патология, физико-химия.

Глава IX
Врач-общественник

«Понятие о болезни неразрывно связано с ее причиной».

С. П. Боткин

Осенью 1864 года Сергею Петровичу пришлось столкнуться с начавшейся в городе эпидемией возвратного гифа. Заболевание распространялось среди рабочих и бедноты. Боткин обратился к студентам и к своим ученикам, молодым врачам. С их помощью он обследовал условия жизни «чернорабочего класса».

Действительность ужаснула Боткина. Он пришел к заключению, что сильное распространение тифа вызвано условиями жизни рабочих: плохими жилищами, плохим питанием, тяжелым, изнуряющим трудом.

Боткин утвердился во мнении, что социальные факторы часто становятся решающей причиной болезней. Он писал по поводу возвратной горячий: «Такое исключительное почти заболевание чернорабочего населения дает основание думать, что причина болезни лежит в каких-нибудь особенностях жизни этого класса общества». В лекции о сыпном тифе он говорит, что эта болезнь, «поражая множество людей, по преимуществу молодых и цветущих, производит громадные потерн веселения той или другой местности, подкашивая его производительные силы».

Уяснив себе влияние внешней, в том числе социальной, среды на развитие инфекционных болезней, Сергей Петрович начинает активную борьбу за оздоровление этой внешней среды.

Он выступает как инициатор широких общественных мероприятий для предупреждения распространения эпидемий.

Боткин выдвигает идею создания эпидемиологического общества, «куда дверь должна быть открыта каждому врачу, желающему принять участие в общем деле».

Общество должно быть организовано еще до появления эпидемии. Город разделяется на участки, наблюдение за которыми надо поручать врачам — членам общества. «При этом обязанность врачей будет заключаться не в одном только лечении первых припадков: врачи должны обращать свое внимание на гигиенические условия жизни по преимуществу бедного класса петербургского народонаселения и всевозможными средствами содействовать их улучшению».

В декабрьском номере «Архива судебной медицины и общественной гигиены» за 1865 год был опубликован первоначальный план деятельности эпидемиологического общества. В составлении этого плана, кроме Боткина, принимали участие С. М. Ловцов и его ближайший сотрудник, будущий редактор «Эпидемиологического листка» Г. И. Архангельский.

В противовес намеченной Боткиным научно-общественной организации профессор Зденкауэр предложил организовать благотворительные кружки «из дам, дворян, домохозяев, негоциантов и вообще лиц. желающих участвовать в столь важном деле». Врачам в этих благотворительно-противоэпидемических кружках предоставлялась второстепенная служебная роль.

Выступление Боткина не имело успеха. Члены медицинских факультетов в лучшем случае отмолчались.

Судя по сохранившимся протоколам общества, Боткин ничего не добился. И все же он не сдается. Он выступает в «Санкт-Петербургских ведомостях» с письмом.

«НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ХОЛЕРЫ.

В настоящее время все европейские города находятся в тревожном ожидании холерной эпидемии… Конечно, болезнь, может быть, совсем пощадит Петербург или она может появиться только в будущем году, но никто не в состоянии предсказать этого заранее. Во всяком случае, опасность перед нами, а потому понятны все-таки и заявления касательно лечения и предупреждения этой болезни».

На страницах газеты он убеждает, разъясняет и, наконец,

гневно заключает:

«Итак, не говоря уже о целях гуманных, одно чувство самоохранения должно бы, кажется, вызвать деятельную помощь неимущим ближним со стороны всех, у кого на то есть хоть какие-нибудь средства.

Пусть же люди, имущие и влиятельные… помогают деятельности врачей своим материальным пособием, хоть бы только потому, что отсутствие гигиенических мер в жизни бедного народонаселения при скученности больных сильно способствует развитию холерного яда, который, разносясь в воздухе, не минует н великолепных палат богача».

Несмотря на то, что медицинские круги не поддержали Боткина, идея его не пропала, и хотя профилактические мероприятия не имели такого широкого охвата, о каком мечтал Боткин, но все же кое-что было сделано. В Петербурге возникло Эпидемиологическое общество и даже стал издаваться «Эпидемиологический листок». То и другое просуществовало два года. В «Эпидемиологическом листке» Боткин опубликовал «Предварительные сообщения по поводу настоящей эпидемии холеры»; в статье он описывал свой метод лечения холерных больных — хинной солью и противохолерными каплями Боткина.

«Эпидемиологический листок» не был самостоятельным печатным органом, а выпускался как приложение к «Архиву судебной медицины и общественной гигиены». В 1870 году в третьем номере «Архива» появилась статья П. Якоб и и В. Зайцева, наделавшая много шума. Цензура нашла, что авторы в журнале «настойчиво проводят социалистические идеи».

Г. А. Лопатин писал Карлу Марксу (С, — Петербург, 15 декабря 1870 г.):

«…На днях я сообщал вам, что в „Архиве судебной медицины и общественной гигиены“ (русский медицинский журнал) была напечатана статья о положении рабочего класса в Западной Европе. Материал для нее был в основном почерпнут из вашей книги, и статья эта имела несчастье вызвать неудовольствие правительства. Теперь она окончательно запрещена и предана сожжению, а так как журнал является в известной мере официальным органом, то главный редактор его [Ловцов] снят с должности».

Это происшествие стало предметом горячего обсуждения на «боткинских субботах».

Доктора Ловцова в доме Боткиных называли «последним из маркизов» за тонкость манер и рыцарское понятие о чести.

Однако этот «маркиз» обладал ярко выраженными демократическими взглядами.

Круг друзей, посещавших «субботы», расширялся. Завсегдатаями их, кроме Белоголового и Сеченова, стали Якубович, Пеликан, Ловцов, Грубер. Все они — единомышленники Боткина, борцы за физиологическое направление в медицине.

придерживавшиеся передовых, демократических убеждений. Грубер, один из тех «немцев», которые примыкали к «русской партии», был последовательным сторонником женского образования. Он первый в России допустил женщин в лабораторию.

В. Б. Берген сон в своих воспоминаниях о профессорах Медико-хирургической академии рассказывает, что однажды генерал-губернатор Треков послал своего сотрудника к Груберу спросить, сколько женщин у него работают и точно ли все они занимаются действительно наукой. Грубер, среднего роста, худой, в роговых очках, летом и зимой в кожаных калошах, посмотрел через очки своим оловянным взором: «Вн кто такой?» По приказанию генерала Трепова я явился к вашему превосходительству за тем-то я тем-то, отчеканил посланец. «Скажите генералу Трепову, — и Грубер встал во весь рост, — что генерал Грубер это не желает ему сказать. Прощайте!» Тот же Бертенсон вспоминает, что как-то за границей Грубер сказал ему: «либер фройнд, в России вы можете ругать русских сколько вам угодно, но за границей лучше этого не делать».

О «боткинских субботах» Белоголовый писал: «…субботы… он открыл у себя с первого же года своего приезда в Петербург К поддерживал вплоть до последнего времени. Это был его журфикс, когда сбирались к нему его друзья и знакомые в 9 часов вечера и в беседах за длинным столом просиживали до поздней ночи. На этих субботах в течение 30-летнего их существования успел перебывать чуть не весь Петербург — ученый, литературный и артистический, но преимущественно, само собой разумеется, медицинский; они имели свою историю, свой период расцвета и упадка, и в них, как в небольшом зеркале, отражались все нравственные настроения и колебания изменчивой русской жизни…»

Серьезные разговоры на «боткинских субботах» нередко вытеснялись музыкой, пением, шутками. Но и шутки здесь носили особый характер. Как-то Белоголовый появился на вечере в костюме трубочиста и пропел сочиненные им куплеты о тяжелом труде «меньшого брата». Затем, сияв с головы широкополую шляпу, он протянул ее за подаянием. В шляпу

посыпались бумажки я серебро. Белоголовый придумал этот маскарад с целью собрать деньги для ссыльных студентов.

Белоголовый описывает еще и такую деталь «боткинских суббот»: все собиравшиеся у Боткина один раз в год отплачивали ему обедом в складчину. На одном таком обеде по инициативе Белоголового возникла мысль почтить все эти собрания ежегодным пожертвованием каждого в размере 12 рублей; Этот сбор составил, основу того капитала, который дал возможность выстроить двухэтажную школу имени Боткина на Васильевском острове.

«Позднее, в восьмидесятых годах, — вспоминает Белоголов вый, — субботы: Боткина стали солиднее и, по правде сказать, скучнее: и времена изменились, и постоянные корифеи прежних суббот один за другим, сходили в могилу, а оставшиеся в живых старились, постепенно утрачивая прежнюю экспансивность… Только Боткин, седея и старясь, оставался, все тем же приветливым хозяином, хотя и его безграничное добродушие стало чаще и чаще подвергаться испытанию: нет-нет да и явится на субботний вечер какой-нибудь назойливый пациент, увлечет хозяина от гостей в другую комнату и сорвет с него обстоятельную консультацию, нимало не задумываясь над тем, что лишает Боткина тех немногих часов отдыха, на которые он имел неоспоримое право».

Боткины продолжали жить в скромной квартире у Спаса Преображения. Давно было пора снять более обширной помещение. Этого требовали все разрастающаяся практикам и все увеличивавшаяся семья. У Боткина росло четверо сыновей: десятилетний Сергей и его младшие братья — Петр, Евгений, Александр. Это были здоровые мальчики, похожие на отца, такие же, как он, большеголовые, с широкими лбами, светло-русые, как и все Боткины.

Сергей Петрович приближался к сорокалетию. Тяжеловесный, широкий, в плечах, он был подвижен, не любил оставаться на одном месте. Его добрые и умные глаза всегда были прикрыты очками, к которым он часто подносил еще пенсне, но и сквозь стекла, когда он наклонялся над больными, те видели в них сочувствие и внимание.

Сергей Петрович одевался очень просто и так же одевал детей. Зимой отец и мальчики носили одинаковые мягкие шапки, низко надвигая их на лоб. Летом отец; с сыновьями одевались легко, ходили пешком, взбирались на горы, плавали.

«Анастасия Александровна, — писал в своих воспоминаниях Белоголовый, — была чутким умным другом и заботливой женой.

Она внесла в существование Боткина тот мягкий женственный элемент, который при трудовой жизни делает семейный очаг особенно привлекательным. Недаром все друзья мужа высоко ценили ее и в своей привязанности мало разделяли эту редкую пару. И матерью она была самою образцовою в том отношении, что, страстно любя своих детей, умела сохранить необходимое педагогическое самообладание, внимательно и умно следила за их воспитанием».

О самом Боткине Белоголовый писал: «Как все люди сильные, он был нрава мягкого и уживчивого и, весь поглощенный делом, не обращал внимание на житейские мелочи, избегал ссор и не любил праздных споров. Он, как малый ребенок, не знал цены деньгам; зарабатывая очень много своим трудом… он проживал почти все, тратя большие суммы на содержание семьи, на образцовое воспитание детей, на свою обширную библиотеку; жил просто, без излишеств, но хорошо, дом его всегда был открыт для близких знакомых, которых у него было не мало. Известно, что также был открыт и его кошелек для всяких благотворении, и едва ли кто-нибудь из обращавшихся за помощью уходил от него с отказом; по крайней мере такова была репутация Боткина, потому что левая рука никогда не знала, что творит правая; сам он никогда даже близким своим не обмолвился о своих тратах подобного рода».

В другом месте своих воспоминаний Белоголовый пишет о детски доверчивом и благодушном отношении Боткина к людям, его безграничной вере в хорошее в человеке и о том, как тяжело он переживал всякий раз, когда сталкивался с жестокостью и несправедливостью.

Глава X
Лейб-медик императорского двора

«Обязанность врача мне никогда не может быть тяжела, но иногда делалась невыносимой в моем положении».

С. П. Боткин

Лето 1869 года Анастасия Александровна с детьми проводила во Франции. Перед началом осеннего семестра Сергей Петрович выбрал время для поездки за семьей. Остановились в Париже. Здесь Боткину снова удалось встретиться с Герценом.

«На этот раз мы застали в Париже Сергея Петровича Боткина с семейством, чему Герцен очень обрадовался… — пишет в своих воспоминаниях Тучкова-Огарева. — Несмотря на то, что Герцен и Боткин подолгу не виделись, отношения их не охладились… Боткин давал знать Герцену о своем прибытии на Запад, даже сообщал ему, как распределено его пребывание за границей».

Герцен высоко ценил Боткина, это видно на многочисленных отзывов его в переписке с различными лицами. Вот примеры их:

Письмо к сыну 28 сентября 1868 года:

«…Это замечательный человек, ясность его языка поразительна».

Письмо к Мейзенберг 3 октября 1868 года:

«…Я безмерно доволен Боткиным. Это единственно разумный врач».

Письмо к Огареву 20 сентября 1868 года:

«…Доктор — гениальный!»

Встреча Боткина с Герценом в 1869 году была последней. Александр Иванович умер 21 января 1870 года.

Осенью в 1869 году Сергей Петрович надел креповую повязку на шляпу и на рукав, да так и не снимал ее больше года. Одни за другим умерли два старших брата. Сначала пришла депеша из Парижа. После апоплексического удара в угнетенном состоянии выбросился на окна Николай Петрович Боткин.

Василий Петрович, глава дома Боткиных, умирал медленно. Последние годы он жил за границей, лечился у лучших европейских врачей. Он умер в октябре 1869 года.

Часть своего капитала Василий Петрович завещал Московскому университету, консерватории и школе живописи и ваяния. Остальную часть денег оставил братьям и сестрам от мачехи — младшим Боткиным, которые с юных лет были на его воспитании.

— Деньги, доставшиеся Сергею Петровичу, помогли ему продолжить издание «Архива клиники внутренних болезней».

В Медико-хирургической академии многое изменилось. Умер Дубовицкий, ушли из академии Зинин, Якубович. Внутри академии ширились разногласия, обострялась борьба.

В 1666 году Боткин был назначен членом Медицинского совета министерства внутренних дел, но, несмотря на это, его, как и Сеченова, считали неудобным профессором. За ними организовали полицейскую слежку, выжидали случая, чтобы доказать их нелояльность, их прямую связь с бунтующими студентами. Шпионам, однако, пришлось ограничиться только донесением, что «оные профессора своими лекциями приобрели большую популярность», а особому отделу департамента полиции при министерстве внутренних дел сделать вывод, что «масса слушателей посещала лекции Сеченова и Боткина, вследствие этого правительство изволило удалить их из Медицинской академии». Так гласило секретное донесение, сохранившееся в архиве. Но полиция в данном случае приняла желаемое за действительное. Боткин продолжал вести кафедру в академии, Сеченова же «не изволили удалить», а он сам ушел из нее.

Поводом послужило дело о провале членами конференции кандидатуры Мечникова на кафедру зоология, которая была

выставлена Сеченовым. Он писал Мечникову: «Я предложил вас, как вам известно, в ординарные (профессора): комиссия.

разбиравшая ваши труды, тоже предложила вас в ординарные, а когда отчет ее был прочитан, я снова заявил конференции, что вы желаете баллотироваться только в ординарные. Вслед за этим и по закону и по разуму следовало бы пустить на шары вопрос о вашем избрании, а между тем президент академии, а вслед за ним Юнге и Забелин… потребовали вдруг предварительного решения следующего вопроса: „Нуждается ли вообще наша академия в преподавателе зоологии в качестве ординарного профессора?“ Это подлое я беззаконное заявление… сразу выяснило для меня положение вашего дела: достойная партия не желала вас принять в свою среду, но вместе с тем не хотела положить на себя срама забаллотировать вас… Верьте мне или не верьте, но вслед за этой подлой комедией меня взяло одну минуту такое омерзение и горе, что я заплакал. Хорошо, что я успел вовремя закрыть лицо, чтобы не доставить удовольствия окружающим меня лакеям. Простите же меня еще раз, что я позволил себе ошибиться, как ребенок, насчет моральных свойств большинства моих почтенных товарищей, но вместе с тем посмотрите, в какую помойную яму попали бы вы, будучи избранным».

Сеченов подал в отставку. Вместо него профессором физиологии академии был назначен И. Ф. Цион. Кандидатуру эту поддерживал военный министр. Цион открыто заявил, что будет бороться со всем новым, по его мнению, пагубным в науке. Крупный ученый, но человек беспринципный, Цион не постеснялся принять должность ординарного профессора физиологии в Медико-хирургической академии, хотя конференцией был избран другой кандидат. Назначение Циона вместо Сеченова, да еще этот скандальный инцидент были долгое время в центре общественного внимания. Дело обсуждалось на страницах печати. На уход Сеченова и назначение Циона отозвались «Отечественные записки», «Знание» и выходивший за границей революционный журнал «Вперед». Все статьи были проникнуты уважением к Сеченову, сожалением о его уходе и протестом против нарушения военным министром принципа выборности.

Эти столкновения послужили поводом для широких студенческих волнений, перекинувшихся из академии в Технологический институт и другие высшие учебные заведения столицы. В результате волнений было сменено руководство академией. Занятия временно прекратились, последовали аресты и исключения из академии. Белоголовый писал брату Андрею:

«Студенческие истории кончены, и более 50 человек принесены в жертву; теперь мы снова в периоде злой реакции… Наши высшие учебные заведения… превращены теперь черт знает во что: все, что было из молодежи почестнее и поспособнее, все это выгнали вон, и остались одни посредственности и ничтожества».

Атмосфера интриг в академии угнетала Сергея Петровича. Он пытался отстраниться от той недостойной борьбы за мелкие личные интересы, которая занимала многих членов конференции. Ссылаясь на болезнь, Сергей Петрович перестал бывать на заседаниях конференции. Действительно, приступы печени участились.

В осенне-зимний семестр, как ни было плохо, приходилось терпеть, бодриться, стараться не обращать внимания на приступы желчных колик. Заняться собственным лечением в это время значило «сбавить ход локомотиву», как шутя говорил Сергей Петрович. Он как врач понимал, что следует подлечиться, но откладывал.

Летом Сергей Петрович поехал в Карлсбад лечить свою печень. Под впечатлением начала франко-прусской войны он писал Белоголовому: «Как объявлена эта глупая бессмысленная война, бросил заниматься, читаю газеты, беседую с умными людьми».

Следующее письмо было из Эмса, где отдыхала Анастасия Александровна. «Здесь я уже около недели, проехал из Австрии совершенно свободно, семью застал в наилучшем порядке, а Эмс совершенно пустым, но с музыкой и рулеткой. Чего я не наслышался здесь в эту неделю, немцы теперь… растут не по дням, а по часам. До сих пор они и не призадумываются над одиннадцатью тысячами убитых, которыми приобретается эта победа. Администрация в этом отношении поступает чрезвычайно тонко, редко где в депеше упоминают цифры потерн, обозначая ее только фразой: потери громадны; до сих пор большая часть несчастных семейств еще не извещены об участи их детей, имена убитых не объявляются, но очевидно их громаднейшая масса. Пруссаки запаслись большим превосходством численности своего войска, жертвуя людьми, не задумываясь, войска немецкие идут, как саранча, первых уложили — идут следующие и т. д.

Прежние скромные пассаунцы неузнаваемы, у доктора Фоглера сделался такой бас, что его хоть бы в соборные протодьяконы; наш бывший детский учитель Куцый, общипанный, тупой, полурыжий, бесцветный немец колотит себя в грудь, утверждая необходимость Эльзаса немцам для всеобщего благополучия. Все это видеть, по правде сказать, противно, зная,

что в это время льется кровь из-за чужих интересов, гибнут целые семьи, гниют неубранные целые массы человеческих трупов, подготовляя угощение после войны в виде различного рода эпидемий».

Вскоре после этого письма Сергей Петрович выехал в Берлин, где встретился с Белоголовым. О пребывании их в Берлине сохранились интересные воспоминания Белоголового: «В первых числах сентября (1870 года) я подал в Берлин и, как вполне понятно, нашел эту, тогда еще королевскую, столицу в состоянии полного угара от блестящих и быстрых успехов германских войск.

Мы съехались здесь по обыкновению с профессором С. П. Боткиным и согласились сократить по возможности срок нашего обычного берлинского пребывания перед выездом в Россию, до того нам было жутко, как-то не по себе при этом взрыве энтузиазма от кровопролитных побед на этом национальном торжестве, вызванном страшными погромами столь симпатичной нашему сердцу Франции. Но, узнав, что профессор Вирхов находится в Берлине, мы не хотели уехать, не сделав ему визита…»

Белоголовый рассказывает дальше о посещении им и Боткиным Вирхова и о том, как Боткин был поражен агрессивным его настроением: «Ну, — сказал он, выйдя на воздух, — уж если Вирхов до того ошалел от побед, что потерял самообладание… и требует дальнейшего пролития крови, значит о других немцах н говорить нечего. Дело дрянь…»

По возвращении в Петербург Боткин получил звание академика Медико-хирургической академии и назначение лейб-медиком царской семьи. До сих пор этой чести удостаивались только иностранцы, Боткин стал первым русским придворным врачом. Реакционная печать, нападавшая ранее на Боткина, стала расхваливать на своих страницах нового академика, помещать его портреты, рекламировать боткинский порошок, боткинские капли и даже боткинский квас. Боткин не любил ни своего придворного звания, ни своих обязанностей в царском дворце. В одном из писем он писал: «…лишиться самостоятельности, свободы действий, отчасти свободы мнений, слушать все, видеть все н молчать — все это не только бесполезно, но и вредно не для меня одного, но и в отношении моего медицинского дела».

В дневнике он записал во время поездки с двором императрицы в Сорренто, Рим, Альбано, Эмс: «Все рассуждают с точки зрения себялюбия, самолюбия, зависти… невежества… нет, общество невозможное, скорее вон от него…»

Две зимы подряд Сергею Петровичу пришлось провести с

императрицей на побережье Средиземного моря, в Сан-Ремо. Больше всего угнетало Сергея Петровича то, что отъезд зимой лишал его возможности читать курс в академии.

Летом пришлось сопровождать императрицу в Крым.

Из крымского императорского имения Ливадии Боткин писал Белоголовому: «Живописность Крыма, прелестный его климат стоят в неимоверном контрасте с отсутствием всего похожего на комфорт для злополучного путешественника… Как больничная станция он, по-моему имеет большую будущность, лишь бы появились те необходимые удобства, без которых невозможно еще посылать больных с кошельком среднего размера… но со временем он займет место значительно выше Монтре…»

В ноябре 1870 года при деятельном участии Боткина была открыта Община сестер милосердия святого Георгия. По его рекомендации общину возглавила Карцева, бывшая сестра Крестовоздвиженской общины, ученица Пирогова. Сергей Петрович разработал программу занятий. Сестер милосердия обучали анатомии, физиологии, гигиене, им читали специальные курсы внутренних болезней, хирургии, обучали уходу за больными.

При общине были открыты больница и амбулатория. В ней преподавали друзья и ученики Боткина: Н. А. Белоголовый, Бородулин, Быстров, Манассеин; сам Сергей Петрович в сложных случаях консультировал больных.

Но всего этого Боткин считал недостаточным. Женщины, по его мнению, могут быть не только сестрами милосердия, но и врачами.

В 1872 году Сергей Петрович заложил еще один камень будущего здания отечественной медицины — он занялся вплотную начатой им ранее организацией женских высших врачебных курсов.

Должность лейб-медика и связанные с ней поездки и дежурства во дворце, женские курсы, Георгиевская община, лекции, клиника, клиническая амбулатория, научная работа, редакторская работа и огромная частная практика поглощали все время Боткина. Особенно деятельность придворного врача отрывала его от дома. А между тем семья нуждалась в его присутствии и заботе. Анастасия Александровна болела. Она скрывала свои недуги, бодрилась в присутствии мужа. Редкие часы отдыха в кругу домашних были такой радостью для Сергея Петровича и так были необходимы для него, что Анастасия Александровна не хотела отравлять их своими жалобами. В свободные вечера в маленькой гостиной они занимались музыкой. Анастасия Александровна садилась за рояль, Сергей

Петрович брал виолончель. Иногда в 12 часов раздавался звонок. Прямо из консерватории приезжал профессор Зейфферт. Музицировали часов до трех ночи, а в десять часов утра Боткин начинал свой рабочий день.

Музыку Сергей Петрович называл своей освежающей ванной. Он не расставался с виолончелью и во время поездок за границу. Раз это привело даже к забавному недоразумению. Во Франценсбаде, небольшом немецком городке, где хорошо знали и почитали знаменитого русского диагноста, решили устроить ему на вокзале торжественную встречу. Пришли мэр города, доктора, аптекарь. Все ждали появления знаменитого врача. Дверь вагона открылась. Вышел плотный мужчина, носильщик нес за ним небольшой чемодан, а сам приезжий бережно держал два футляра с виолончелями. Мэр тут же дал знак музыкантам прервать начатый было встречный марш. В план городских мероприятий вовсе не входило чествование какого-то музыканта.

Сергей Петрович любил рассказывать этот случай, он был доволен, что его приняли за музыканта. Боткин очень ревниво относился к своим музыкальным успехам. Каждая похвала радовала его чрезвычайно. К похвалам же своих медицинских талантов он был равнодушен.

Здоровье Анастасии Александровны все ухудшалось. У нее развилось острое малокровие, приостановить которое было уже невозможно. В 1873 году Анастасия Александровна скончалась.

Боткин тяжело переживал смерть жены, но продолжал работать, не жалуясь ни на личное горе, ни на недомогание. Через полтора года после смерти Анастасии Александровны он женился вторично — на вдове Екатерине Алексеевне Мордвиновой.

Глава XI
На Балканах

«Изучение быта солдат… должно быть основанием деятельности военного врача».

С. П. Боткин

Четыре дня, не останавливаясь в пути, мчался из столицы на юг царский поезд. Стояла весна 1877 года. За окнами лежали мокрые поля, полузатопленные весенним половодьем, низкие почерневшие избы, проезжие дороги, посреди которых, увязнув в грязи, торчали, где крестьянская телега, где помещичий тарантас. Мимо неслись вокзальные здания, достроенные все по одному образцу, предписанному покойным императором Николаем Павловичем; бежали будки, шлагбаумы, полосатые верстовые столбы.

Иногда поезд, пыхтя и свистя, обгонял унылые группы солдат, походные повозки, орудия, полевые кухни, двигающиеся по тому же направлению.

11 апреля царский поезд прибыл в Кишинев.

С царем приехал лейб-медик С. П. Боткин. Он получил назначение главного врача и консультанта верховного главнокомандующего. Главнокомандующим во время русско-

турецкой войны был брат царя великий князь Николай Николаевич.

Во время пути бодрое настроение не покидало лейб-медика. По утрам он справлялся о здоровье императора. Уверенно брал царственную дряблую руку и, удостоверившись, что пульс нормальный, уходил в отведенное ему купе.

Тут-то, вспомнив свое прошлое, Сергей Петрович перечел забытую было симферопольскую тетрадь. В ней молодой доктор во время ночных дежурств под бредовое бормотание тяжело раненных и крики умирающих записывал свои впечатления и мысли. В то время он был влюблен в Пирогова. тяжело переносил свою непригодность к хирургии и рвался к большому, настоящему делу. Впоследствии он написал: «Пребывание в продолжение 6 месяцев Пирогова в Севастополе осталось памятным для каждого русского человека. Вместе с именами Других героев, защищавших Севастополь, имя Пирогова, защищавшего жизнь целых тысяч раненых воинов, имеет историческое значение».

С тех пор прошло почти четверть века. Боткин, как прежде Пирогов, ехал защищать «жизнь целых тысяч раненых воинов».

Лейб-медик императорского двора мог спокойно ограничиться генеральской инспектурой медицинского дела в армии. Тем более что в главной квартире за ним сохранялись обязанность наблюдать за здоровьем государя, главнокомандующего, наследника и других лиц, близких к царствующим особам. Но Боткин стремился как можно пристальнее присмотреться ко всей системе медицинского обслуживания во время войны И, если надо, переделать все по-своему. Он хорошо помнил борьбу Пирогова с интендантством, с казнокрадами и дал себе слово по-пироговскн расправляться со всякими нарушениями прав солдат.

В свое время молодой лекарь Боткин записал в симферопольской тетради: «Особенность военной медицины состоит в особенности быта солдат как предмета попечения». Теперь академик С. П. Боткин дописал: «:..и поэтому изучение быта солдатского во всех его возможных фазах должно быть первым основанием главнейшей деятельности военного врача».

Изучение быта солдат во время русско-турецкой войны лейб-медик решил взять на себя. Но ему пришлось близко познакомиться не только с бытом воинов, но и тех, кто организует, условия солдатского существования: от интендантских низов до штаб-квартиры.

В своих первых лекциях слушателям Военно-медицинской академии Боткин говорил: «Особенность положения военного врача вытекает из тех почти неудалимых неудобств, при которых

ему в большинстве случаев приходится действовать, — так, часто в походе, с несколькими сотнями солдат, он остается совершенно один и в затруднительных случаях не только лишен возможности посоветоваться с товарищами, но даже с книгой; быстро увеличивающееся число больных иногда превышает силы врача, и он теряется в громадности представившее гося ему материала: прибавим еще к этому ограниченность терапевтических средств, которыми располагает военный врач, и мы убедимся вполне, что положение военного врача гораздо менее выгодно, чем всякого гражданского врача. Поэтому, чтобы выполнить возможно добросовестно задачу, представляющуюся военному врачу, необходимо самое основательное знание медицинских наук, ибо только большой запас сведении позволит действовать удачно при всех неудобствах, встречающихся в военной жизни».

А для того, чтобы наладить в условиях войны полевую терапию, Боткин решил прежде всего проверить подготовку госпитальных врачей. Не всякий врач окончил Медико-хирургическую академию. По госпиталям и перевязочным пунктам много бывших студентов университета, где не всегда обучают особенностям военной терапии. Он объезжает госпитали, знакомится с медиками.

12 апреля в Кишиневе состоялся военный парад. На скаковом поле были собраны все войска, расквартированные в городе и поблизости от него. Преосвященный Павел выступил с чтением царского манифеста об объявлении войны Турции. Голос иерея был слаб и достигал только передних рядов войск, но офицеры знали, когда следует поднимать руки для крестного знамения, и солдаты, которым было приказано следить за действиями офицеров, послушно крестились, когда надо, кричали «ура» и подбрасывали шапки вверх.

После чтения манифеста тут же, на плацу, был отслужен торжественный молебен, а потом начался церемониальный марш.

После марша Александр II в сопровождении адъютантов стал объезжать войска. Закончив объезд, император, прощаясь с рядами, застывшими по команде «смирно», неудачно обмолвился: «Прощайте!» — но, почувствовав неуместность этого, поправился: «До свидания! Возвращайтесь со славой. Да хранит вас бог!»

30 апреля главнокомандующий и начальник генерального штаба Непокойчицкий с небольшим числом офицеров направлялся в Плоешти. С ним выехал и Боткин.

Плоешти, маленький румынский городок, был до того переполнен войсками, управлениями, штабами, обозами, что

походил на большой, шумный военный лагерь и совершенно подчинил, себе обычную городскую жизнь.

Раненых еще не было.

Боткин, придерживаясь правила изучать постановку медицинского дела в каждой стране, знакомился с румынскими врачами. Позднее он писал: «Сегодня отправился на румынский перевязочный пункт. Там я застал уже не очень много раненых. Всех отправили в Никополь и в Тури. Оставшиеся лежат на циновках, под которыми полошено сено, уже слежавшееся. Рубашки в крови, не менялись со дня ранения. У румын белья нет, перевязочных средств, по-видимому, мало. Но зато обилие врачей: 22 врача — вымытые, выхоленные, сытые, не то что наши, где врачам приходится делать неимоверные усилия, чтобы очистить перевязочный пункт от постоянно нарастающей массы (раненых)… Я не вынес приятного впечатления из румынского перевязочного пункта. Сухо. Жестко. Казенно».

Приказ был дан начать переправу у Систова. Около 9 часов утра в ставку на взмыленном коне прискакал ординарец главнокомандующего Евреинов с радостным известием, что переправа совершилась даже удачнее и легче, чем рассчитывали. В этот же день лейб-медик Боткин, сопровождая главнокомандующего, переправился через Дунай и оказался на турецком берегу. Вслед за передовыми частями двинулась медико-санитарная служба. В ожидании больших потерь на этом участке было сосредоточено большое количество медицинского персонала, медикаментов и перевязочного материала. В двух верстах от занятой Зимницы развернули госпиталь на 500 коек. Место для него выбрали удачно: вблизи источника с чистой водой. На большой луговине расставили киргизские кибитки. Раненые еще не были рассортированы, когда верхом на лошади к лагерю подъехал лейб-медик. Не дожидаясь обычного рапорта от старшего врача, едва спешившись, он стал распоряжаться рассортировкой раненых. Здесь работали молодые врачи Киевского университета. Как и предполагал Боткин, у них не хватало знаний в области полевой медицины. Они терялись, делали много бестолковых распоряжений, от которых страдали раненые. Не было в лагере и сестер милосердия. Но госпиталь был хороший. Когда с помощью Боткина рассортировка закончилась и раненые получили хороший ужин, госпиталь, принявший участников переправы, выглядел вполне благополучно.

Военные действия продолжались. Благоухающую цветами и

травами весну сменило жаркое болгарское лето. Жару Сергей Петрович переносил плохо. Днем его мучила неутолимая жажда, и он пил в несметном количестве чай. Поездки в зной через пески, где лошадь увязала по брюхо, через топь, которая грозила засосать и коня и всадника, — все эти трудности измотали его. По ночам стала мучить печень. Часто приходилось пить гнилую воду. «Но что же делать солдатам? — думал он тогда. — Они-то ведь не имеют выбора».

Сам он имел выбор. Стоило ему остаться на главной квартире — и не только отличная вода, но и отличные вина были к его услугам. Но он ежедневно с утра садился на лошадь и уезжал от изысканно сервированного завтрака, не возвращаясь к обильному обеду, веселому ужину среди свитских генералов и других приближенных к государю и главнокомандующему.

Нередко Боткину приходилось проезжать по местам недавних боев. Его лошадь беспокойно поводила ноздрями, вздрагивала и неслась вперед, рискуя сломать себе ноги. Ее пугал запах гниющих человеческих и лошадиных трупов, скрытых гущей непроходимых кустарников. Солдаты из похоронной команды искали убитых по сладковатому трупному запаху, который постоянно сопровождал войну на Балканах. Он отравлял воздух, губительно действуя на людей. Боткин писал жене: «Воздух вследствие нескольких тысяч трупов, русских и турецких, гниющих на глубине обрывов, в ущельях, сделался в высшей степени тяжел и, конечно, может быть и опасен».

Сергей Петрович продолжал знакомиться с госпиталями и делился своими впечатлениями с Екатериной Алексеевной. Его 55 писем жене изданы были после смерти Боткина отдельной книгой «Письма из Болгарии» Это, по существу, дневник его жизни того времени, раскрывающий образ Боткина — человека и патриота. «…я не обхожу госпиталя как генерал от медицины, а обхожу как опытный врач, предлагающий свои услуги товарищам в случаях, где они затрудняются… Большая часть здешнего временного госпиталя помещается в киргизских кибитках, и персонал врачебный почти исключительно дерптский. Дело ведет очень недурно и со смыслом. Помогают уходу пять сестер Георгиевской общины и пять наших студентов 5-го курса».

Это временное и относительное благополучие вскоре кончилось. Тяжелым гнетом легли на сердце Боткина неудачи русских войск под Плевной: несметное количество убитых, тысячи раненых, много вконец искалеченных людей. Сергей Петрович писал жене: «…много раненых и мало врачей, благодаря неправильному распределению медицинских сил значительная часть медицинского персонала Красного Креста без

дела и ждет на этапах больных, а в Никополе по пять дней больные ждут перевязки».

Но Боткин не ограничивается только сетованием или осуждением. Он действует, это видно из дальнейших писем: «Тотчас поехал, чтобы увидеть воочию больных еще на телегах, неумытых, замученных от переезда сорока верст на арбах но скверным дорогам… Такое впечатление, которое с непривычки даже и нашего брата врача забирает». Каждый раз Боткин выезжал навстречу едва отгремевшему бою. встречал телеги с больными и ранеными, ехал рядом с транспортом, внимательно смотря за действиями фельдшеров и санитаров и давая им советы.

Не раз Сергей Петрович, видя недостаток врачей, скидывал сюртук, засучивал рукава и становился к операционному столу. Бывали случаи, что и стола-то не было, и он грузно опускался на колени (он был тогда уж довольно тучен), перевязывал раненого, помогая не только как врач, но и просто как санитар.

Все письма Боткина того времени наполнены болью за русских солдат и восхищением их храбростью, стойкостью, терпением.

«У меня не раз навертывались слезы, слушая стоны и смотри на этих людей, изнемогающих от ран, от солнца, от тряски, от усталости… Не могу тебе передать, до какой степени симпатичны мне наши раненые; сколько твердости, покорности, терпения видно в этих героях. И как тепло и дружно относятся они друг к другу, как утешаются они в своем несчастье тем, что вытесняли или прогнали его (турка), — писал Боткин жене. — Надо знать наших солдат, этих добродушных людей, идущих под пулевым градом на приступ с такой же покорностью, как на учениях, чтобы еще больше сжималось сердце при мысли, что не одна тысяча этих хороших людей легла безропотно, с полной верой в святое дело, за которое они так охотно, с такой готовностью отдают свою жизнь…»

И чем больше проникается он любовью и жалостью к солдатам, тем возмущеннее пишет о бездарности командования: «Надо ближе посмотреть на русского солдата, чтобы со злобой относиться к тем, которые не умеют руководить ими. Ты видишь в нем силу, и смысл, и покорность. Всякая неудача позором ложится на тех, которые не сумели пользоваться этой силой. Вглядываясь в наших военных, особенно старших, тан редко встречаешь человека с специальными знаниями, любящего свое постоянное дело. Большая часть из них знакома только с внешней стороной своего дела — проскакать бойко верхом, скомандовать „направо, налево“. Да и много ли таких, которые следят за

наукой, изучают свое дело? Военный человек в известном чине — это у них есть самое приятное, свободное положение человека, дающее ему право заниматься всем, чем хочет. Наиболее порядочные из них отлично занимаются своим собственным делом, устраивают имения, читают газеты, литературные произведения, посещают театры и пр… удовлетворяясь по военной специальности только тем, что приобрели в школе. Много ли у нас таких, которые с любовью занимаются своей специальностью? Они все наперечет».

Из писем к жене за это время мы видим, что бодрое настроение Боткина все более и более сменяется критическим и унылым. «До сих пор нет человека, который бы сумел все дело взять в руки и повести с большим талантом, чем это ведется до сих пор: несостоятельность административной стороны армии, кажется, превосходит все; пути сообщения, почта, интендантская часть — все это в младенческом состоянии… Последствием этого бывает то, что турка ест отличную галету с сыром, а у нашего сухари не всегда бывают. Турка в отличной палатке, в лагере с гигиеническими приспособлениями, с отхожими местами, а наш солдатик заражает себя своими собственными отбросами». «Крымская война нас недостаточно выучила, — пишет он в одном из писем. — Воровство идет если не такое же, то сильнее прежнего, по крайней мере более гарантирующее воров, чем прежде…» «Мне пришлось поработать, чтобы ткнуть носом того, другого, третьего и поговорить не без генеральского тона, что в некоторых случаях необходимо».

«Очевидно, этим господам наша война благодать, — с горечью писал он, — Кто во что горазд; один кормит людей, другой лошадей, третий перевозит их, четвертый обувает. Все операции, наполняющие карманы, в их руках».

Занимаемое Боткиным положение давало возможность ясно видеть всю закулисную сторону фронтовой жизни. Первое время он пытается бороться с злоупотреблениями, он докладывает об этом в главной квартире, с интендантами употребляет «генеральский тон». Если второе хоть частично помогает, первое оставляет все по-старому. Угнетенный, почти больной, Боткин за шуткой старается скрыть всю силу своей горечи: «Пишу тебе об этом, чтобы ты Солее ясно могла обрисовать мое теперешнее нравственное настроение, которое все более и более делает меня „брюнетом“. Здесь я с утра обыкновенно „брюнет“, только к вечеру несколько разгуливаюсь и приобретаю прежние свойства „блондина“.

Он с горестной насмешкой пишет об окружении царя, о высших чинах армии.

„…Вчера меня разбирала тоска, глядя на громадную свиту, сопровождавшую главнокомандующего; кого тут не было, кроив обычных начальствующих: куча ординарцев, адъютантов, три священника — русский, лютеранский, католический. Объехав с осторожностью позиции, побывав около батареи, сели за завтрак. Все это ело, ело, ело, а там все палили, палили и палили“.

В фронтовых госпиталях Сергей Петрович встречался с Пироговым, Он очень радовался и ждал встречи с учителем юношеских лет. После нее он писал жене: „…старик держал себя умно, скромно и не без такта, мне показалось, что он за это время сильно постарел, впрочем, может быть, устал…“

Но скоро в его письмах звучит уже горькое разочарование:

„Пирогов, очевидно, решился все хвалить, говоря, что война — такое бедствие, которое ничем не поправляется, а то, что сделано, то прекрасно. По-видимому, Пирогов действительно так благодушно настроен… Боюсь только, чтобы Пирогов не осветил таким образом целую кучу вздора и вреда…“

Следующее письмо еще резче:

„…Пирогов мне показался как-то сконфуженным, мне пашется, он сам чувствует декоративность своего положения, не знаю, насколько он решится продолжать петь дифирамбы медицинской, администрации, жаль будет, если он бросит тень на свое порядочное имя, может быть, незадолго до своей смерти. Можно благоговеть перед врачами, перед их трудами, но не позволительно мириться с административной стороной всего медицинского дела; нельзя было прятаться за ширмы такого бедствия, как война, для того, чтобы не стремиться улучшить положение раненых и больных. Пирогов, по-видимому, действует без достаточной энергии я прямоты, но кажется, он начинает уступать в вопросе об эвакуации, уменьшив свою страстность защиты этого безобразия. Мне интересны подробности, как попал Пирогов в это путешествие, что могли ожидать от человека в 74 года7 Кого должно было прикрыть имя, которое все привыкли уважать?“

Второй раз пришлось Сергею Петровичу перенести разочарование в людях, которых он ценил более всего. Первый был Вирхов, перешедший к старости в лагерь реакции. Но теперь горечь разочарования в человеке была захлестана горечью и возмущением всем виденным вокруг. Он пишет жене: „…Люди остаются и без еды и без перевязки по суткам и более; все это кричит, стонет, умоляет о помощи. Какие силы нужны, чтобы все это вынести, чтобы не надорваться! Относиться же ко всему этому с спокойствием и равнодушием привычного человека — не в состоянии“.

О таком равнодушии людей, которые руководили госпитальным делом, в письмах-дневнике он написал, приводя свой разговор:

„…У вас нет секционных наборов при временных госпиталях!“

— Можно делать вскрытия инструментами, предназначенными для упражнения над трупами, — отвечает с оскорбительным самодовольством почтенный товарищ.

„Я бы вас заставил вскрывать кишки без кишечных ножниц, так вы бы у меня поплясали!“

После такого замечания он обыкновенно сдает и объясняет, что он писал н просил, но не его вина, что ему не дают ничего на его просьбы. Вот какой тип выработался; в газетах они-таки напечатали статью, что у них все есть и всего хватает».

«…Для характеристики героев нашего времени, — писал он в другом письме, — я тебе должен рассказать типичное заявление одного героя одному из своих старых приятелей.

— Думаю, как бы поскорее отсюда выбраться, — говорит герой, — что же мне теперь здесь! Я получил все, что мог.

Это направление здесь до такой степени общее, что подобные заявления передаются без цинизма и сообщаются как и всякая другая ходовая идея, встречающая общее сочувствие…»

Сергея Петровича угнетает бессилие борьбы с царящим кругом безобразием. Ведь он только «консультант», хотя и «высокопоставленный». К хозяйственной стороне он не имеет никакого отношения, между тем он ясно сознает — здесь нужен именно хозяин:

«…Если бы в самом деле я убедился, что я в санитарном здешнем устройстве приношу существенную пользу — но, признаюсь, нередко приходится в этом разубеждаться и убеждаться в своей бесполезности. Конечно, важно то, что я видел, могу иметь право голоса на будущее время, а теперь, кажется, надо утешать себя тем, что сделаешь тому или другому случаю диагноз, посоветуешь лечение, поговоришь с ординаторами, поделишься своими наблюдениями, обратишь внимание на какое-нибудь явление — и баста. Но что значит здесь эта тонкость медицинской отделки ввиду того, что больные скверно или вовсе не помещены, не прикрыты, не накормлены. Здесь не столько нужен доктор, сколько хороший хозяин. Я это вполне понимаю, но влиять на хозяйство существенно я решительно не могу».

Единственное, что остается, — это помощь в медицинских вопросах. Работа врача всегда была радостью для Сергея Петровича, и теперь он пишет жене:

«…Госпиталь составляет все-таки единственное убежище, где я могу отдохнуть душой, конечно, не окунаясь только в его хозяйственную сторону и смотря на него как на больничный материал». Он постоянно беседует с хирургами, учит их смотреть на раненых глазами терапевта. Сам он присматривается к формам заболеваний в условиях военных действий.

«…Болеет народ нашей колонии: надо считать тех, кто остался здоров, потому что так называемые здоровые все-таки представляют собой хоть ничтожное явление заболевания. Сущность и характер заболевания один и тот же, проявляясь эпидемически в нескольких видах: самое частное и распространенное заболевание представляется в виде острого страдания желудочно-кишечного канала при резком увеличении печени, селезенки, с болями в животе, иногда при острой слабости и небольшой повышенной температуре».

И «характер болезни все тот же: лихорадочные, тифозные, поносные». Боткин выделил несколько новых, своеобразных форм заболевания внутренних органов. Одну из них он описал под названием «волынской лихорадки».

Установив ряд заболеваний, Сергей Петрович, объезжая госпиталь, указывал, как надо лечить заболевших. Он требовал от врачей наблюдения над течением болезни и не принимал ссылок на отсутствие условий. «Конечно, поляна и палатка — это не клиника, — говорил Боткин. — Но главных два фактора налицо: больной и врач. А врач в самых неблагоприятных условиях должен уметь наблюдать, а без наблюдения нет и лечения».

Но, требуя изучения заболевания, очень сердился, когда это делалось не в интересах больного, а или из желания угодить инспектору, или из личного одностороннего интереса. О таких случаях Сергей Петрович писал жене: «В то время, когда на душе кипело негодование, скорбь, мне предлагают взглянуть „интересных“ больных. Погодите, я еще не опомнюсь от этих криков массы голодных людей, у меня голова не способна совмещать интерес медицинского случая с фактом истребления людей вследствие неряшливости, злоупотребления… Дайте опомниться, тогда я посмотрю ваши „интересные“ случаи, но прежде накормите неинтересных».

Осенью Сергея Петровича стало волновать новое явление. У солдат появились случаи обморожения пальцев рук. Был только октябрь. Днем светило солнце, и, хоть ночами наступало похолодание, о морозах еще не было и речи. В чем дело? Каждого солдата с Таким явлением Боткин осматривал самым тщательным образом и, присев на койку больного, вел задушевную беседу, детально выяснял историю болезни. Вечером в палатке он

записал свою догадку: «Причиной массового отмораживания пальцев у солдат, выявленных на Шипке, является, кроме холода, недостаточность питания, необходимо добиться устранения этой причины». И тут же в скобках: «Страшное явление! Люди молят о хлебе в стране, которая утопает в хлебе…» «Малярия косит воинов, — записывал дальше Боткин. — Необходимо срочна добиться введения в войсковых частях профилактической хинизации. Надо, чтобы врачи и администрация поняли, что малярия может протекать в замаскировочных формах под видом различных желудочно-кишечных или простудных заболеваний».

Приближение зимы пугало Боткина. Он понимал, что она принесет еще больше человеческих жертв. «Если бы удалось окончить войну без зимовки армии, это было бы величайшим счастьем для России, сколько бы народу спаслось от нашей администрации, которая более губительна для армии, чем турецкие пули».

Иногда отчаяние прорывается в письмах Боткина: «Пора, пора кончать с этим ужасом. Неужели еще мало крови, мало несчастья, мало бедствия? Кому все это нужно?» С ненавистью пишет он о царском окружении:

«Здесь идет такая вражда друг на друга, столько зависти разлито в виде какой-то гнусной, клейкой жидкости, замазывающей все остальные человеческие свойства, что ко всякому факту относишься с осторожностью. Пора, пора вон из этого ада тщеславия, зависти, сребролюбия».

В другом письме он ищет причину того, что видит вокруг себя: в нем опять боткинская вера в прогресс, вера в русского человека:

«…Кто же виноват во всех неудачах? Недостаток культуры, по-моему, лежит в основе всего развернувшегося перед нашими глазами; слишком легко свалить все на одного человека; не надо себя убаюкивать подобными обвинениями; следует каждому поделиться этой неудачей и, разделив ее на всех, приняться за честное исправление недостатков; надо трудиться, надо учиться, надо иметь больше знаний…»

«Будем надеяться на русского человека, на его мощь, на его звезду в будущем… Россия не погибнет, она выйдет из этого затруднения, но другие деятели, другие люди будут спасать ее».

Восемь месяцев провел Сергей Петрович на фронте. Война подходила к концу.

Состояние здоровья Боткина делалось угрожающим. Частые приступы печени, крайнее изнеможение от чрезвычайно трудных условий походной жизни, тяжелые нервные переживания — все это вконец подорвало его силы. А тут еще начались приступы

лихорадки. Всем было ясно, что Сергею Петровичу надо уезжать. Жена умоляла его вернуться домой. В ответ Сергей Петрович написал письмо, в котором говорит о том, как понимает он долг врача и человека:

«…Не упрекай меня в донкихотстве; я стремился жить всегда в согласии с своей совестью, сам для себя не думая о педагогической стороне этого образа жизни; но теперь, не боясь упрека в самохвальстве, я все-таки имею отрадное сознание, что принес свою лепту для того хорошего нравственного уровня, на котором стояли наши врачи в течение этой кампании. Эту мысль я позволю высказать только тебе, зная, что ты не усмотришь в этом и следа самообольщения, которое мне не было и никогда не будет свойственно. Смотря на труд нашей молодежи, на их самопожертвование, на их честное отношение к делу, я не раз сказал себе, что недаром, не бесплодно терял я свои нравственные силы в различных испытаниях, которые устраивала мне моя судьба. Врачи-практики, стоящие на виду у общества, влияют на него не столько своими проповедями, сколько своей жизнью. З[ахарьин], поставивший своим идеалом жизни золотого тельца, образовал целую фалангу врачей, первой задачей которых — набить как можно скорее свои карманы. Если бы люди знали, что выполнение моего долга не связано было ни с какими для меня страданиями, мучениями, то, конечно, это выполнение долга и не имело бы ничего поучительного для других. Ты не поверишь, какое внутреннее презрение — нет, не презрение, а жалость — внушают мне люди, не умеющие выполнять своего долга. Так смотрел я по крайней мере на каждого дармоеда, уезжавшего отсюда. Их было не мало: ведь не у многих хватило сил вытерпеть теперешнюю жизнь безропотно я добросовестно относительно своего долга».

Глава XII
Снова в Петербурге

«…В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы».

Н. А. Некрасов

(о Петербурге)

В конце ноября 1877 года Сергей Петрович в связи с болезнью выехал из ставки в Петербург. Перед тем он написал жене: «… Мои нервы слишком натянулись за это время, чтобы сносить долее тяжелое положение лейб-медика».

В Петербурге состояние здоровья Сергея Петровича улучшилось, и он приступил к обычной работе. Занялся он также обработкой своих фронтовых записей. За время пребывания на Балканах Боткин сделал много наблюдений, накопил материал. Недаром он писал об этом жене: «…важно то, что я видел и могу иметь право голоса на будущее время». Теперь Боткин с полным правом утверждал, что огромные потери на войне происходят не только от ранений, но и от заболеваний.

«…Военный врач настолько же должен быть знаком с хирургией, как и с внутренними болезнями. Во всех войсках смертность от внутренних болезней преобладает; только в

военное время хирургические больные увеличиваются; но и тут появляющиеся от окучивания людей различные эпидемические формы опустошают иногда ряды солдат гораздо сильнее, чем неприятельские выстрелы». Чтобы избежать этого, Боткин требовал от врачей изучения особенностей заболеваний в войсках, а также изучения местности, где стоят воинские части, климата и других условий. Боткин учил находить связь между случаями заболеваний среди военных и среди местного населения.

«Зная причину, — говорил он, — можно ее устранить, понимание особенностей местной патологии дает возможность врачу не только лечить больных, но и предупредить распространение болезни».

«Военный врач должен быть настолько же хирургом и терапевтом, насколько он должен быть натуралистом, ибо без хорошего знания естественных наук немыслима разумная гигиена солдат. А эта последняя наука, в состав которой должно войти изучение быта солдатского во всех возможных фазах, должна быть основанием главнейшей деятельности военного врача; предупредить развитие болезней, уменьшить число заболевающих будет еще важнее, чем вылечить захворавшего». Боткин требовал от терапевтов знания инфекционных болезней и в свете этого стремился изменить программу занятий в университете и в академии.

Боткин настойчиво указывал на тяжелые последствия от неустройства быта во время войны и требовал от врача энергичного вмешательства в организацию условий питания, жилища, обмундирования солдат. В его полевой терапии этому отведено большое место. Работая над разделом организации быта, Боткин иллюстрировал его своими собственными наблюдениями. «Есть возможность существования даже такого дивизионного начальника, как Б. Из его дивизии обыкновенно привозили всего больше тифозных и тяжело больных, которые даже умирали дорогой; а он, против мнения своих врачей, пришел к тому убеждению, что мясо солдату вредно, перестал кормить мясом и не обращал никакого внимания на увеличивающуюся болезненность и смертность в своей части».

Беспощадной критике подвергает Боткин способы транспортировки раненых и больных. «Обыкновенно самая элементарная телега должна доконать дело, начатое турками, — гневно заявлял он и категорически требовал: — Мытарства, вытаскивания с телег, голодание по суткам — все это должно быть совершенно изъято из практики».

Основным в положениях Боткина по вопросам организации

терапевтической помощи в военное время было то, что они давали возможность не только лечить, но и предупреждать болезни. Они являлись выражением нового, нарождавшегося в те годы направления, названного предупредительной медициной.

В семидесятые годы «Отечественные записки», выходившие под редакцией Салтыкова-Щедрина, Елисеева и Некрасова, оставались верны традициям «Современника».

С Некрасовым Боткина связывала многолетняя дружба. Б Петербурге Сергей Петрович узнал, что тяжелая болезнь Некрасова обострилась. Он поехал на Литейный проспект навестить больного.

Некрасов лежал на диване. Около него стоял столик, заваленный рукописями. Николай Алексеевич полулежал на высоких подушках и что-то писал. Пальцы, держащие листы бумаги и карандаш, были худы и бледны. Изможденное лицо, ввалившиеся глаза.

Сергей Петрович с грустью заметил, какая разрушительная перемена произошла с Некрасовым. Под простыней угадывалось иссушенное болезнью тело — острые колени и бессильные ноги.

Боткин рассказал больному о положении на Балканах, сказал, что читал в «Отечественных записках» его стихотворение «Осень», посвященное войне, и спросил о здоровье. Некрасов ответил хрипло:

— Недуг меня одолел, и муза ко мне явилась беззубой, дряхлой старухой.

В кабинет вошел Пыпин, он был чем-то возбужден и на вопрос Боткина, что с ним, вынул из жилетного кармана вчетверо сложенную бумагу. Это было письмо от Чернышевского.

«Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов.

Я рыдаю о кем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума… И, как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов».

Выслушав эти слова, Некрасов еле слышным шепотом проговорил:

— Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его; я теперь утешен: его слова дороже мне, чем чьи-либо слова.

27 декабря 1677 года Некрасов умер.

Вскоре после смерти Некрасова Сергей Петрович сблизился с Михаилом Евграфовичем Салтыковым-Щедриным. Особенно сошлись они в восьмидесятые годы, когда Михаил Евграфович тяжело болел. Боткин был очень высокого мнения о Щедрине. «… Сколько ума и правды», — писал он о его произведениях.

Письма М. Е. Салтыкова-Щедрина свидетельствуют о дружеском расположении к Боткину:

«…доволен, что проведу лето в Териоках, потому что и 8 верстах Боткины»..

«Боткина вижу каждый день».

Саркастичный Щедрин часто прибегал к гиперболическим выражениям и язвил по поводу своих друзей: «Боткины живут, как принцы оранские, и имеют в своем шато 42 комнаты… По воскресеньям у них полно гостей и такой шум, что я бывать не решаюсь». И еще: «О Боткине знаю одно, что они по субботам служат в своей церкви всенощную, а по воскресеньям — обедню, для чего приезжает к ним поп из Выборга», — писал он Белоголовому.

Белоголовый знал, что все это не так, что церковь не у Боткиных, что у них далеко не 42 комнаты, что шумят больше дети и молодежь, а сам Боткин или принимает больных крестьян, или работает у себя в кабинете. «Хорошего вы мнения о ваших знакомых!» — писал он Щедрину.

Михаил Евграфович отвечал Белоголовому: «На это могу сказать по чести: да, хорошего. Но я так измучен и так всем надоел».

В 1885 году М. Е. Салтыков-Щедрин в своем духовном завещании просил Сергея Петровича и Екатерину Алексеевну позаботиться о его детях.

Большой дружбой был связан Сергей Петрович с художником Крамским, который также был его пациентом. Крамской просил Сергея Петровича позировать ему. Сергей Петрович смущенно отнекивался, говорил, что он лишь скромный лекарь, но Крамской все же написал его портрет.

В 1878 году Боткин был избран председателем Общества русских врачей. Членом общества Боткин состоял со дня его основания в 1861 году, но за последнее время почти перестал бывать на его заседаниях. Боткина не удовлетворяли нерешительность общества и те мелкие и незначительные задачи, которые оно перед собой ставило. Он не мог забыть, как в 1865 году был отклонен его план организации эпидемиологического общества. Сергей Петрович не понимал, как можно было не поддержать проект организованной борьбы с эпидемиями.

За прошедшие годы многое изменилось. Ушли одни, в состав

общества вошли новые люди. Еще больше возрос и окреп авторитет Сергея Петровича, особенно после войны на Балканах. В зале заседания он увидел много знакомых лиц. Теперь и его ученики стали членами Общества русских врачей. С. П. Боткину была, устроена торжественная встреча как председателю.

Боткин выступил с программой работы общества. Вся деятельность общества, по мнению Боткина, должна быть направлена на служение народу.

«Важно было бы в работу общества внести другой элемент… практической медицины, который прилагался бы к делу самими членами. Это свяжет нас более тесными узами», — говорит Боткин. И далее: «…если бы, например, общество устроило лечебницу для бедных, то такое учреждение не только было бы связующим началом между отдельными членами, но и средством к сближению с населением, для которого теперь общество чуждо».

Глава XIII
Чума

«Я глубоко убежден, что только одно истинное знание в состоянии противодействовать панике, тому патологическому состоянию человеческого мозга, которое может повредить в некоторых случаях не меньше эпидемии».

С. П. Боткин

В станице Ветлянской Астраханской губернии в октябре и ноябре 1878 года умерло 19 человек от странной, непонятной болезни; сильная головная боль, слабость, температура, опухоли лимфатических желез, у некоторых бред и судороги. Заболевание вызвало тревогу.

Больных осматривали, советовались, спорили, определяли: перемежающуюся лихорадку, осложненную опухолью лимфатических сосудов, тиф, простуду, сибирскую язву… Но никто не сказал страшного слова… Чума? Нет! Только не чума! Откуда бы взяться здесь чуме? Между тем уже не в первый раз Восток посылал этот страшный подарок России.

До XVIII века чума, родиной которой считают Египет, Сирию, Месопотамию, Индию, приходила в Россию через Польшу и Прибалтийские страны. Европа потеряла от эпидемии чумы не

менее 10 миллионов жителей. В Англии, например, был период, когда осталась лишь одна десятая населения. Но в XVIII веке Европа уже научилась бороться с распространением эпидемии. Тогда чума проложила новый путь — через Турцию и Персию. В 1770 году во время войны с Турцией занесена была в Россию зараза чумы из Ясс, где стояли русские войска. Тогда вымерло 275 городов и сел, особенно пострадала Москва.

В 1878 году снова чума пришла в Россию с турецкой войны.

В декабре эпидемия в Ветлянке приняла угрожающие формы: 3 декабря умирает целая семья в 10 человек, за ними следуют новые и новые жертвы. Умирает станичный врач Кох и весь состав присланных фельдшеров. Доктор Депнер заболевает нервным расстройством и уезжает из станицы. Население остается без медицинской помощи.

Станицей овладевает паника… бежать… бежать из Ветлянки!

Но грозная весть о повальной смерти облетела соседние селения, и всюду постановления: не пускать ветлянцев! В селах выставляют караулы с дубинками, со строгим наказом: гнать ветлянцев, если придут…

А врачи все еще не могут определить болезнь, произнести страшное слово «чума». Из Астрахани присылают новый состав врачей — Морозова и Григорьева. Еще с дороги Григорьев телеграфирует в Астрахань, что в станице чума, а по приезде в Ветлянку вдруг сталкивается с непонятным… Болезнь преобразилась — прежних признаков чумы нет! У больных кровохарканье, колотье в боку, затруднено дыхание, опухолей (бубонов) нет. Все это совсем не подходит к описанию чумы в руководствах! И Григорьев с Морозовым выносят заключение — в Ветлянке чумы нет. Это эпидемическая пневмония — пневмотифус. Снова спутаны карты, снова откладываются меры, предупреждающие распространение заразы. А смерть косит людей одного за другим.

Паника в Ветлянке все увеличивается. Администрация станицы не может справиться с обезумевшим от страха населением.

Казан Петр Щербаков вспоминал: «Время было страшное… все боялись, никуда не ходили, затворившись сидели, а если посмотришь на улицу, гробов 20 везут и едут два пьяных-распьяных — солдат и казак, песни поют… На войне было страшно, а в Ветлянке куда как страшнее!»

Наконец 19 декабря из Астрахани приезжает медицинский инспектор Цвангман. И, еще не доехав до Ветлянки, по рассказам очевидцев ставит диагноз: чума. 23 декабря поставлено оцепление.

А Морозов и Григорьев лежат уже в больнице. Ценою жизни платят они за свою ошибку. Почему же ошиблись, не распознали болезни врачи? Изучавший ветлянскую эпидемию профессор Минх сделал заключение, что чума в Ветлянке имела два периода: 1-й эпидемический (октябрь-ноябрь), когда была малая смертность и проявлялись признаки бубонной чумы, и 2-й — спорадический (декабрь) — повальная смертность, отсутствие бубонов — легочная форма («черная смерть»). Чума из одной формы перешла в другую. В этом, считает он, и был источник ошибки врачей.

Конец декабря… Эпидемия в самом разгаре… Теперь уже ни у кого нет сомнения, уже сказаны страшные слова «черная смерть», и слова эти вселяют смертельный ужас, сводят с ума, гонят обезумевших людей из очага заразы… Несмотря на оцепление, ветлянцы бегут… Бегут в степь; живут в соломе, в землянках, в шалашах. Лишь бы уйти из «проклятого места»!

Народ мечется, не знает, что делать… А страшная гостья перекинулась уже на другую сторону Волги, в село Пришиб, потом в село Селитрянное, проскользнула за беженцами в кочевья киргизов…

Страх охватывает всю страну.

В Москве вспоминают бедствия прошлого века, у всех на языке чума.

В газетах каждый день печатают сообщения из Ветлянки, как с фронта военных действий.

Скрывать правду больше невозможно… Но говорят — у страха глаза велики, теперь все преувеличивается, сенсация следует за сенсацией.

Начинается паника в финансовом мире; астраханские купцы не могут вывезти из-за кордона свои товары, гибнут миллионы пудов рыбы, разоряются сотни торговых домов. Германия грозит закрыть границу. Падает курс русских бумаг, ценностей… Кто-то играет на понижение, кто-то провоцирует все новые и новые слухи…

Биржа волнуется…

Наконец забеспокоились и наверху. Правительством направляется временный астраханский, саратовский и самарский генерал-губернатор граф Лорис-Меликов с широкими полномочиями, выделены специальные средства для борьбы с эпидемией, для поддержания кордона стягиваются войска…

Внутри оцепления тоже приняты энергичные меры: сжигается имущество умерших, заколачиваются дома, могилы дезинфицируются…

Приезжают в Беглянку добровольцы в одиночку и группами.

Общество врачей, медицинские факультеты посылают врачей, фельдшеров, студентов. Земство, городская дума шлют медиков, медикаменты, одежду, деньги… Вся страна теперь занята Ветлянкой…

Эпидемия идет на убыль. Уже отмечаются только единичные случаи…

Февраль месяц… «Черная смерть» побеждена! В газетах еще печатаются ежедневно сообщения, о ветлянсной эпидемии, но сообщения эти успокоительные — случаев заболеваний больше нет. Постепенно страна начинает успокаиваться.

Теперь уже никто не боится ехать, в Ветлянку. Приезжают различные комиссии, проводят всяческие обследования. Приезжают и представители Международной: врачебной комиссии из Германии, Австрии, Румынии, Франции, Финляндии… Члены комиссии трясутся на перекладных по плохим дорогам, клянут русскую грязь, отсутствие: комфорта, азиатчину и… полное отсутствие чумных заболеваний.

23 февраля общим совещанием врачей констатируется, что с 28 января в Астраханской губернии не зарегистрировано ни одного случая заболеваний.

6 марта в газетах появилось сообщение профессора Эйхвальда, подписанное членами международной комиссий и администрацией: «Эпидемия в Астраханской губернии кончена, кордон может быть снят».

С большим волнением встретил Сергей Петрович известие о чуме в Ветлянке и сразу же начал организацию специальной экспедиции.

Целью экспедиции была не только медицинская помощь, но и научное изучение всех особенностей эпидемии и главным образом скрытых форм заболевания.

Присоединившись к заключению медицинского совета министерства внутренних дел, что свирепствующая в Ветлянке эпидемия действительно чума, Сергей Петрович выступил с мнением, «что развитие в России чумы в тех размерах, в каких она появлялась в прошлые столетия, невероятно, однако возможно появление в различных местах России большего или меньшего числа заболеваний чумной болезнью без тяжелых ее проявлений, ни в смысле смертности, ни в смысле прилипчивости и заразительности».

— Я отмечал и демонстрировал в клинике, — говорил он, — на больных отклонения в клиническом течении обычных тифов… Можно сделать предположение, что так проявляется занесенная к нам чумная зараза, не развившаяся в своей вполне обособившейся

форме по причинам каких-то неизвестных нам условий, разрушающих ее. Поэтому необходимо зорко следить за проявлением чумной заразы в легком ее виде, за теми случаями, которые вызывают обычно споры между врачами во время всех эпидемий.

Это был настоящий научный подход к вопросу о чуме, голос ученого, прозвучавший среди паники и сумятицы, охвативших страну. Но, как видно, он не устраивал многих из тех, кто направлял события. В печати началась травля профессора Боткина. Поводом к ней послужил «чумной курьез» в Петербурге, как назвали реакционные газеты случай, произошедший в Военно-медицинской академии.

13 февраля… Сергей Петрович, как всегда, ведет открытый прием для студентов в клинике. Как всегда, его окружают несколько ординаторов и много студентов. Все в белых халатах. В клинике все поражает исключительной чистотой и белизной. И на фоне этой белизны особенно страшной кажется фигура больного — дворника Наума Прокофьева. Он в грязном, рваном пиджаке и штанах, заправленных в громадные, тоже рваные валенки. Волосы и борода всклокочены, глаза блуждают, лицо вспухшее, как после длительного запоя. И всем видом своим он походит на пьяного. Вошел, пошатываясь, сразу опустился на стул и как-то весь обмяк, но на вопросы Прокофьев отвечает сознательно и подробно.

Начинается осмотр и заполнение «скорбного листа». Один за другим констатирует Сергей Петрович симптомы, так часто повторявшиеся в описаниях больных первого периода ветлянской эпидемии.

Осмотр и опрос Сергей Петрович, как всегда, ведет детально, не торопясь, подробно останавливаясь и разбирая каждый симптом. Осмотр идет уже полтора часа. И с каждым новый симптомом все яснее становится диагноз. Все яснее проявляются я «симптомы» слушателей. Вот один осторожный уже отступает подальше, другой лихорадочно трет руки платком, хотя он и не прикасался к больному. Страх заползает под белые халаты чересчур осторожных. Но таких мало. Вперед выступают студенты Конапасевич и Дмитриев, в глазах их светится живой интерес, желание самим разобраться, уловить все детали, другие толпятся за ними, переговариваются. Ординаторы, как всегда, спокойны и выдержанны, ведь Наум Прокофьев не первый случай проявления «чумных признаков». Такие признаки обсуждали уже и в клинике, и в Обществе русских врачей, и на лекциях профессора Боткина. Только здесь в наличии полная клиническая картина чумы в легкой форме.

Сергей Петрович медлит… Вспоминает ли он в это время, как

просмотрели врачи эпидемию в Москве и в Ветлянке, думает ли о том, что его диагноз может вызвать панику в столице? Скорей всего, он обдумывает, какие конкретные меры надо принять в связи с данным случаем, ведь для него это просто случая чумы в легкой форме, случай, не вызывающий опасений сам по себе, но заставляющий насторожиться, проследить его происхождение.

1. Памятник С. П. Боткину перед клиникой, в которой он

работал (скульптор В. А. Беклемишев)

2. В. Г. Белинский.

3. Т. Н. Грановский.

4. Дом на Маросейке.

5. А. И. Герцен.

6. Петр Кононович Боткин.

7. Н. А. Белоголовый.

8. Боткин-студент.

9. П. Л. Пикулин.

10. И. Т. Глебов.

11. Московский университет.

23. Лаборатория И. П. Павлова при клинике С. П. Боткина.

24. И. П. Павлов.

25. Боткин в амбулатории.

12. С. П. Боткин (1860 г.)

13. Рудольф Вирхов.

14. С. П. Боткин и И. М. Сеченов.

15. Петербургская медико-хирургическая академия. Середина XIX века.

16. И. П. Боков.

17. М. А. Бокова-Сеченова.

18. П. А. Дубовицкий.

19. Н. Г. Чернышевский.

20. С. П. Боткин и Е. А. Боткина (1878 г.).

21. Боткин — лейб-медик.

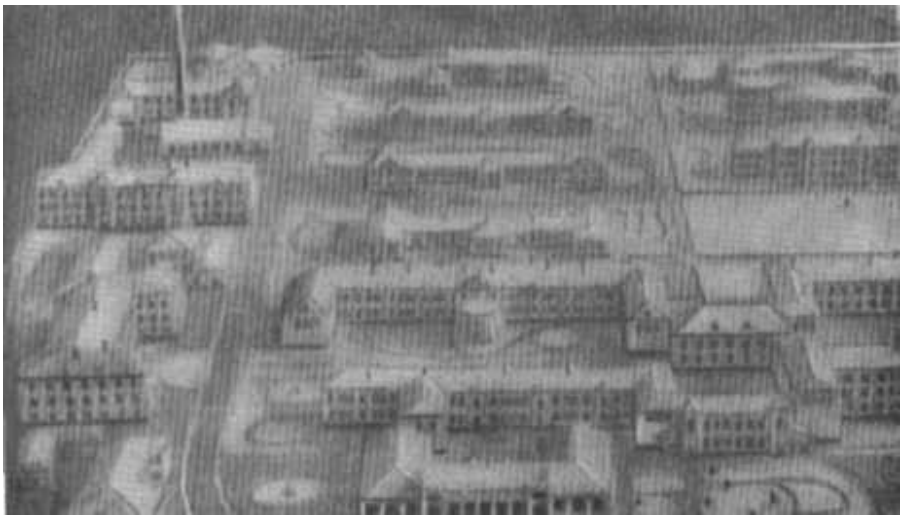
22. Боткин на обходе больных в клинике.

26. С. П. Боткин (1887 г.).

27. Надпись над входом в Боткинскую больницу.

28. Боткин с группой врачей — последователей его научной школы. Восьмидесятые годы.

29. Боткин в последние годы жизни.



30. Макет Боткинской больницы.

Опять новый ряд вопросов к Прокофьеву. Выясняется, что он живет в подвале Михайловского артиллерийского училища, что недавно там же поселили солдат «слабосильной команды», вернувшейся из армии. Невольно возникает мысль: опять тот же путь, с войны, через солдат.

Профессор Боткин ставит диагноз: у больного Наума Прокофьева острое заболевание инфекционного характера с

петехиями на коже и острым опуханием лимфатических желез, которое следует считать инфекцией чумы слабой силы и степени.

В тот же вечер, извещенный о происшествии, градоначальник Зуров собрал совещание в составе: городского головы — барона Корфа, докторов — барона Майделя, полицейского врача Баталина, начальника академии и других. Врачебная комиссия снова детально обследовала больного и пришла к тому же заключению, что и профессор Боткин. — данный случай болезни есть действительно та чумная инфекция слабой силы, которая появляется обычно перед эпидемией чумы.

Градоначальник Зуров, выслушав заключение врачей, долго молчал.

— Нужна ли такая категоричность? — мягко начал он. — Зачем называть это заболевание чумой, может быть, можно квалифицировать его как-нибудь иначе?

— Что ж, — поддакнул добродушный толстяк доктор Майдель, — можно бы и иначе: чумной тиф, например, или просто тиф…

— Вот-вот, тиф! — ухватился Зуров. — Так, знаете, будет гораздо спокойнее, чтоб не вызывать паники в обществе.

Сергей Петрович возмутился:

— Нет, не кривя душой, не могу данную болезнь назвать другим именем, как чумной инфекцией слабой силы и степени, такие вещи нельзя скрывать.

Остальные врачи поддержали его.

— Все равно уже весь Петербург знает об этом случае, поздно, — цинично добавил доктор Баталин, — разве что… Но тут же замолчал, опасливо поглядев на начальника академии Быкова и Боткина.

Совещание решило немедленно принять меры по изоляции всех, кто проживал с Прокофьевым в подвале.

Три часа ночи… У ворот Михайловского замка останавливаются пожарные дроги. Одни, другие, третьи. Из подвала по крутой лестнице поднимаются какие-то перепуганные люди, тащат узлы с вещами, ревут сонные дети, голосят бабы, ругаются мужчины. Вокруг толпятся служащие медико-полицейской службы, они в странной одежде: поверх полицейской формы — халаты с капюшонами, на руках рукавицы, в прорезах капюшонов поблескивают глаза, злые и испуганные. Полицейские толкают людей, тащат вещи, грузят всех на дроги. Дроги отправляются в Екатерингоф. Здесь в доме № 1 должны разместиться 48 человек, проживавших в подвале с Наумом Прокофьевым. К ним ставят караул — шесть городовых с околоточным.

Наум Прокофьев лежит в отдельной палате, в четырех прилегающих комнатах — карантинный врач Васильев, два студента, служитель и сиделка. Комнаты изолированы, еда передается через окно, все, что нужно, пишут на бумаге и показывают через стекло.

Вскоре за стеклом появляется бюллетень за подписью доктора Васильева: «Температура 39,5, пульс 94, напряженный, головная боль, больной большей частью лежит, забытье».

На другой день новый бюллетень: «Температура 37,5, пульс 76, легко снимаемый, объективные явления те же, опухоль „статус кво“, больной жалуется на слабость и отсутствие аппетита. Ночь провел спокойно». Это сообщение радует всех окружающих, но больше всех, кажется, радует оно градоначальника Зурова. Накануне он, как и предчувствовал, получил серьезное неодобрение сверху и теперь спешит принять меры. Срочно созывает он «высочайше учрежденную» новую комиссию под своим председательством. Теперь комиссия подобрана так, что в нее входят люди разумные и благонамеренные. И комиссия 14 февраля, осмотрев больного, пишет заключение: «Наум Прокофьев, находясь в безрецидивном периоде сифилиса, заболел 15 января идиопатическим воспалением паховых желез, которые, перейдя в нагноение, вскрылись на 26-й день. Оставленная без хирургической помощи болезнь сопровождалась явлениями свободно выходящего гноя, то есть лихорадочными явлениями известного типа и характера и впоследствии симпатическим бубоном в правом паху, который в настоящее время находится в периоде разрешения».

Заключение составлено тонко. Чума теперь вовсе не упоминается, вообще вся болезнь Прокофьева умело окутана тайной. Зачем-то упомянут сифилис, каждому врачу ясно: безрецидивный период означает, что ни о каком рецидиве этой болезни не может идти речь. Но это ясно врачам, а для непосвященных у дворника — сифилис. Бубоны названы то идиопатическими, то симпатическими, благодаря чему они выглядят как-то «симпатичнее» и вовсе не похожи уже на чумные.

Но все же авторам заключения оно кажется не совсем убедительным, и 15 февраля созывается новая «особая комиссия», составленная из членов медицинского совета под председательством лейб-медика профессора Зденкауэра. «Особая комиссия» производит также осмотр больного и, вдохновленная первым заключением, составляет уже новое: «У Наума Прокофьева опухоли желез объясняются предшествовавшими сифилитическими страданиями. Что же касается до острой инфекционной формы болезни, то отсутствие опухоли печени и

селезенки… не дает права признать болезнь за имеющую какую-либо аналогию с астраханской эпидемией…»

Это заключение, подписанное медицинскими авторитетами, звучит уже вполне определенно (ведь Прокофьев поправляется, и это не опасно): никаких признаков чумы нет, у больного просто сифилис! Профессор Боткин допустил ошибку!

Теперь в газетах, печатавших 14 и 15 февраля короткие сообщения о случае в терапевтическом отделении, появляются сообщения об «ошибке» профессора Боткина. Его обвиняют даже в том, что в Ветлянке была признана чума. Издаваемая махровым реакционером Катковым газета «Московские ведомости» пишет:

«Медицинский авторитет сначала заочно, не имея положительных данных, провозглашает плохо исследованную болезнь индийской чумой, черной смертью, а потом, встретив довольно обыкновенный случай сифилиса, поспешно, не слушая возражений, объявляет, что это чума, что чума, стало быть, в Петербурге… по всей России, и какие произошли бы тогда последствия? Не было ли бы тогда искусственно произведено бедствие большее, чем даже смерть нескольких сот человек? Фальшивая тревога, причиненная курьезным и прискорбным случаем с сифилитиком Прокофьевым, которого профессор Боткин с таким невероятным легкомыслием признал за больного чумой, у себя дома, конечно, не замедлит улечься, но случай этот, как водятся, не останется без международных последствий, далеко не так скоро изживающихся. Телеграф из Берлина уже возвещает новые меры строгости против России, подготовляемые тамошним правительством».

Статья откровенно показывала, откуда дует ветер. Были задеты интересы все тех же кругов, которые опасались закрытия границы для вывоза товаров.

Вынужденный ответить на нападки, Сергей Петрович пишет письмо в редакцию газеты «Новое время».

Он еще раз подробно излагает свою точку зрения на возможность появления легких форм заболеваний чумного характера и на необходимость научного изучения их, своевременного обнаружения и широкой публикации сведений о чуме для предотвращения паники. Он подробно описывает снмптомы болезни Наума Прокофьева, показывая, что диагноз сифилиса исключается. «Такая диагностическая ошибка была бы непозволительна профессору клинических внутренних болезней… как бы ни желательно было мне ошибиться в таком случае, — писал он. — Не могу признать моей ошибки и глубоко проникнут истинностью моего убеждения. Я бы не позволил себе защищать мое мнение публично, если бы это касалось одного

моего самолюбия, и безропотно вынес бы н вынесу все возможные на меня нападки и самые недостойные инсинуации, если бы это только вело к действительному благу народонаселения».

Это полное искренности и благородства письмо вызвало реакцию в медицинском мире. В Обществе русских врачей профессору Боткину была устроена овация. Заседание общества было назначено в химической аудитории Медико-хирургической академии.

Сергей Петрович приехал, как всегда, точно, он казался нездоровым и очень постаревшим. Пройдя к своему месту, он грузно опустился на стул. Первым выступил профессор Славянский — прочитал адрес от Общества русских врачей. Затем от профессоров Медико-хирургической академии прочел адрес доктор Николаев.

В адресе общества врачей отмечалось, что столетие назад Москва была застигнута чумой врасплох по вине врачей, которые скрывали истину, а высказывалось одобрение принципиальности Боткина.

Сергей Петрович выступил с ответной речью:

«Я глубоко тронут! Вы сняли с меня тяжелый камень, лежавший на моей душе последние 10 дней. Не думайте только, что я сделал в данном случае что-либо многое, великое, не возводите моего поступка в героизм. Я говорю это не в силу только скромности. Всякий другой на моем месте поступил бы так же».

Единодушное выступление врачей, поддержавшее и успокоившее Боткина, было резко осуждено его недоброжелателями. Известный в то время журналист В. О. Михневич, выступавший в печати под псевдонимом «Коломенский Кандид», напечатал в воскресном номере «Новостей» фельетон.

«Вашими адресами и овациями вы расписались в сокровенном убеждении, что авторитет этот действительно расшатан и подорван и что, стало быть, его нужно поддержать чрезвычайными мерами, чтобы он не рухнул окончательно…» — писал Михневич.

И снова в газетах появляются статьи с различными толкованиями случая с Наумом Прокофьевым.

Боткина обвиняют в том, что он якобы играет на бирже и «выдумал» чуму в Петербурге в корыстных целях, и в том. что он раздул случай с Наумом Прокофьевым, чтобы добиться улучшения санитарных условий в России, и даже в том, что его целью было ослабление правительства.

Под видом обозрения иностранной прессы подносилось такое

сообщение:

«…считают, что здесь происходит таинственная закулисная игра. По достоверным источникам из Петербурга сообщают, что там подозревают „нигилистические“ происки… что в числе ассистентов Боткина имеется двое состоявших вожаками нигилистов, что достоверно то, что между революционерами замечена невероятная дерзость… Другие сообщения Боткина представляют жертвой правительства, мучеником за свои убеждения, говорят, что это политические махинации против Боткина со стороны правительства: Боткин, мол, выразился неопределенно, но враги, т. е. полиция, постоянно окружающая его своими агентами, поспешила опубликовать, что в клинике чумной, чтоб вызвать раздражение против Боткина, а затем организовала комиссию, осмелившуюся заявить, что у Прокофьева сифилис. Члены комиссии состоят на службе и потому подтвердили, Зденкауэр — враг Боткина, так как он заменил его в качестве лейб-медика, чтобы подкопаться под Боткина, правительство выставляет его сообщником нигилистов, выдумавших чуму, чтобы вызвать смуту».

Это уже прямой политический донос.

Инцидент с Наумом Прокофьевым, может быть, не заслуживал бы такого подробного освещения, если бы он ярко не характеризовал те условия, в которых приходилось жить и работать Сергею Петровичу Боткину.

Можно ли все-таки предположить, что в диагнозе Боткина была допущена ошибка? К такому мнению склонялись многие современники, и даже друг его Белоголовый спрашивает в своих воспоминаниях: «Прав он был или не прав?»

Прежде всего следует отмести вопрос о возможности заболевания Наума Прокофьева сифилисом. Здесь, из выступлений современников, достаточно ясна подтасовка данных и предвзятость диагноза противников Боткина. Может быть, как утверждал Боткин в случае с Наумом Прокофьевым, действительно налицо были симптомы легкой формы чумы, появляющиеся как предвестник эпидемии. Возможно, как полагают некоторые медицинские авторитеты, имело место заболевание туляремией, которая в то время не была известна медикам. Сам Боткин, по свидетельству Белоголового, «…до конца жизни… сохранил убеждение, что все тогдашние нападки были несправедливы, что диагностика его была верна…».

Глава XIV
Думский гласный

«Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой».

Н. А. Некрасов

1 марта 1881 года Боткина срочно вызвали в Зимний. Надолго запомнились Сергею Петровичу спущенный штандарт, безмолвие дворцовых переходов, «перевернутые» от ужаса лица придворных, В покоях императора лейб-медик увидел наследника, цесаревича, которому «волей божией» предстояло теперь неожиданно стать императором «всея России» Александром III. «Волю божию» в данном случае выполнила «Народная воля». Рука народовольцев ощущалась с некоторых пор где-то рядом с царским троном. В 1880 году произошел взрыв в Зимнем. Лейб-медик тоже был тогда вызван во дворец. Царь остался жив, но у придворных были такие же испуганные лица.

Впрочем, это было уже не первое предупреждение. В 1866 году выстрел Каракозова в Александра II прогремел как грозное напоминание о том, что, кроме божьей и царской, существует воля народа.

Во дворце готовились к похоронам Александра II и к венчанию на царство Александра III.

Через 11 дней после смерти царя состоялось заседание

Общества русских врачей. Сергей Петрович, как председатель этого общества, делал сообщение о смерти Александра II. Он обмолвился; «Мне пришлось иметь счастье быть при последних минутах покойного государя, — но, спохватившись, угрюмо поправился: — Здесь неуместно слово „счастье“, лучше сказать „несчастье“».

Так до конца своей речи он и не сумел найти ни слов, выражающих скорбь по утрате «любимого» монарха, ни слов гнева по отношению к тем, кто совершил это убийство, ни верноподданнических чувств к Александру III. Речь его была сжатой, сухой.

Совершенно иначе говорил он на этом же заседании об умершем враче К. Ф. Кеслере. Вспоминая большого общественного деятеля в области медицины, Сергей Петрович нашел и сердечные слова искренней симпатии и слова сожаления.

Работая в терапевтической клинике академии, создав при ней амбулаторию, создав Георгиевскую общину с амбулаторией и больницей, Боткин все же не был удовлетворен медицинским обслуживанием жителей столицы. Как и прежде, медицинской помощью могли пользоваться только люди состоятельные, а не имущие погибали даже от таких болезней, лечение которых вполне доступно медицине. Городу нужна была больница для бедных. Создание новой бесплатной больницы, в которой бы и лечение и содержание больных стояли на уровне требований медицины, стало главным практическим делом Общества русских врачей после избрания Боткина его председателем. Он предложил содержать больницу на средства самих врачей, членов общества. Бесплатные больницы, правда, в городе были. Они содержались на средства благотворителей. Но в них процветали равнодушие и казенщина. Во главе этих ведомственных учреждений обычно стояли врачи, устраивавшиеся по протекции и смотревшие на свою должность исключительно как на источник дополнительного дохода. Они передоверяли лечение больных невежественным фельдшерам, а те, В свою очередь, уход и надзор за больными возлагали на грубых санитаров.

Ознакомившись с положением таких больниц, Боткин писал: «…До сих пор на питание в городской больнице шло около 13 копеек в сутки на еду больного человека, и несомненно, что громадный процент смертности тифозных больных зависит от недостатка питания».

Новой больнице пришлось присвоить имя императора Александра III, но название Александровской не привилось, и петербуржцы называли ее просто Барачной вплоть до

переименования ее в больницу имени С. П. Боткина.

Это была больница для инфекционных больных, и Барачной ее называли потому, что по плану Сергея Петровича, она была построена по типу отдельных павильонов. Каждое отделение больницы было изолировано от другого Это была первая в России больница, в которой осуществлялся принцип строгой изоляции инфекционных больных.

Палаты в павильонах были светлые, чистые и уютные и никак не напоминали палаты старых больниц с низкими каменными сводами, с грязными, зашарканными полами.

Городской голова В. И. Лихачев, хорошо знакомый с постановкой дела в других больницах города, вспоминал: «Для Барачной больницы Сергей Петрович не жалел ни своего дорогого времени, ни своего драгоценною труда, и даже… деньги, полагавшиеся ему от города, как попечителю, затрачивал целиком на улучшение тех сторон научной обстановки больницы, которые… могли казаться излишней роскошью, таковы например: лаборатория и кабинеты, не раз впоследствии доказавшие свою несомненную пользу при исследовании различных заразных начал, при исследовании воды и прочее. Клинические методы исследования и лечения больного сделались возможными и удобоприменимыми на практике даже в городской больнице, — результаты лечения стали получаться совсем иные».

Действительно. Сергей Петрович, возглавив бесплатно медицинскую часть Барачной больницы, сделал ее филиалом своей академической клиники. В этом ему помогали молодые профессора Н. П. Васильев. Н. Н. Баженов и другие его единомышленники и ученики. При больнице для беднейшего населении была открыта образцовая лаборатории и с ее помощью организовано клиническое наблюдение. Была выстроена прозекторская, что давало возможность делать сопоставления клинического диагноза с данными патологоанатомического вскрытия. Клинические обходы Боткина стали популярными, на них сходились врачи, лишенные возможности попасть в клинику при академии. Таким образом, Барачная больница стала школой для многих врачей города.

Осуществлять эту работу в Александровской больнице помогало и то. что главным врачом ее был Н. И. Соколов, верный последователь боткинских теорий и практики в медицине.

Иностранцы, приезжавшие в Санкт-Петербург, в числе достопримечательностей города осматривали эту больницу, удивлялись ей, восторгались и делали вывод: в Европе подобных больниц для бедных не имеется.

Но Боткин понимал, что одна больница не решает дела. В

столице нашлись единомышленники Боткина. Из них первым был председатель городской думы Лихачев. Умный общественный деятель, культурный человек, он имел большой талант находить нужных для общественной деятельности людей. Он предложил Боткину стать гласным городской думы н принять обязанности председателя думской комиссии общественного здравия.

Сергей Петрович отнесся к этому предложению чрезвычайно серьезно. В ответ на избрание он написал в комиссию общественного здравия: «21 марта 1881 года. Долго колебался я прежде, чем решился дать согласие и не отказываться от выбора в гласные. Взять на себя еще новую обязанность при той массе занятий, которые у меня на руках, — право не легко, тем более что не чувствуешь в себе достаточно сил, чтобы добросовестно выполнить еще новое дело. С другой же стороны, совестно и уклониться от должности, в которой, может быть, принесешь какую-нибудь пользу».

Избрание Боткина гласным совпало с передачей городу министерством внутренних дел всех учреждений здравоохранения. Таким образом, все больничное дело столицы сосредоточилось в руках Сергея Петровича, и он вел его через своих учеников.

Профессор Лейден на заседании Берлинского медицинского общества сказал: «Боткин большое влияние имел на замещение врачебных мест в петербургских больницах. Как мне самому удалось видеть, больницы поставлены как в научном, так и во врачебном отношении настолько хорошо, что нам приходится для себя ждать того же».

Сергею Петровичу коренным образом удалось перестроить больничное дело в Петербурге.

Боткин писал Белоголовому об Обуховской больнице:

«…старые служивые больничные врачи до такой степени привыкли к режиму попечительного совета, что я не думал, чтобы из этого отжившего материала с принюхавшимся и притупившимся обонянием что-нибудь вышло толковое при новом режиме. Эти добрые люди не чувствуют ни вони в своих палатах, не видят ни грязи, не замечают, что процент смертности от тифа при больничной голодухе ниже 15 % не бывает… Когда я был в женском отделении Обуховской больницы, меня поразило зловоние… Теперь Нечаев начал чистить палаты, которые в течение 13 лет сохраняли в этом отношении свое целомудрие: чистились полы около коек, но под койками грязь не беспокоилась, приходилось работать не щетками, а лопатами и скребками. Результаты получились прекрасными».

А. А. Нечаев — ученик Боткина — был назначен по его

настоянию главврачом женского отделения Обуховской больницы. По примеру Александровской, Нечаев организовал там полноценные клинические лаборатории, пристроил прозекторскую, лечебные отделения оборудовал новейшей аппаратурой.

В других больницах города с этих пор начали работать главными врачами тоже ученики С. П. Боткина: В. Я. Алышевский, Н. П. Богоявленский, Н. П. Васильев, В. Н. Сиротинин, С. С. Боткин.

С. П. Боткин создал Совет главных врачей больниц города, который постоянно следил за состоянием больниц и всячески старался улучшить лечение н содержание больниц. В эти годы и Общество русских врачей вплотную стало заниматься делами больниц. По образцу работы Общества русских врачей в Петербурге стала перестраиваться деятельность обществ других городов. Идеи Боткина распространялись все шире. Один из боткинских учеников, профессор Манассеин, постоянно выступал в печати. По городам, куда проникали статьи Манассеина, стали создаваться местные общества русских врачей, а где возникало подобное общество, возникали и больницы, построенные по боткинскому принципу. Имя профессора Боткина стало известным по всей стране. Врачи российских провинций стремились в Петербург познакомиться с постановкой дела в столичных больницах и повидать доктора Боткина, который становился таким образом и их учителем.

Теперь с новой силой, как в шестидесятые годы, имя Боткина произносилось как имя человека, стоящего в одних рядах с теми, кто боролся за будущее, кто пробивал дорогу к социальному переустройству России.

В эти годы Боткин начал издание «Еженедельной клинической газеты» — журнала, выпускавшегося с 1881 до 1889 года. Продолжал выходить и «Архив клиники внутренних болезней». Эти журналы сыграли большую роль в развитии отечественной клинической медицины.

Боткин коренным образом перестроил и аптечное дело. По его инициативе были проверены в аптеках цены на лекарства. Доклад по этому поводу сделал ученик Боткина А. Г. Полотебнов на заседании Общества русских врачей. В протоколе общества сохранилось сформулированное Боткиным решение: «Общество русских врачей в Петербурге, несмотря на отсутствие в своем уставе прямого указания, не может себя считать некомпетентным в возбуждении и разработке вопросов, касающихся судьбы больных вообще и особенно неимущего класса. Последний в силу своих экономических условий обречен на непосильную борьбу с

болезнями, которая делается еще более тяжкой ввиду невообразимой дороговизны аптечных изделий. Общество считает, что можно это изменить только путем правительственных мероприятий».

Под нажимом общественности и авторитета С. П. Боткина ряд мероприятий был проведен. Цены на лекарства были снижены настолько, что стоимость их стала ниже, чем в странах Западной Европы.

В 1832 году в городе вспыхнула эпидемия дифтерита и скарлатины. При первых случаях этих эпидемических заболеваний Боткин взял на себя обязанность председателя субсидийной комиссии по школьно-санитарному надзору. Конечно, прежде всего заболевание распространялось по кварталам бедноты. Сергей Петрович выработал план оказания помощи самым широким слоям населения. Для этого он организовал временно действующие специальные амбулатории по районам города. В этих амбулаториях дежурные врачи бесплатно оказывали помощь заболевшим. Амбулатории служили и пунктами вызова врача на дом.

Организуя эти мероприятия, С. П. Боткин прежде всего думал о мало обеспеченных и неимущих и потому потребовал, чтобы врачи согласились за визит получать 30 копеек в дневное время, а в ночное — 50. Этим он установил повизитную таксу. Такса была утверждена городским управлением, хотя вызвала протест со стороны ряда практикующих врачей. «Размер такой малой повизитной платы противоречит корпоративному духу и традициям врачей-практиков», — говорили недоброжелатели Боткина и обвиняли его в том, что он лишает врачей средств к существованию. Но большинство врачей откликнулось на призыв Боткина.

С эпидемией справились благодаря расстановке врачебных сил И средств, которые Боткин сумел получить от городских властей. Борьба с дифтеритом и скарлатиной, по признанию Лихачева, потребовала со стороны города небольших денежных затрат. Эпидемия окончилась, но с ней не окончилось посещение врачами больных на дому. Продолжала действовать и повизитная плата-такса. Думские же врачи, или, как их тогда называли, «боткинские», лечили на дому бесплатно. Эти посещения больных на дому положили начало квартирной помощи населению Петербурга.

По окончании эпидемии пять женщин-врачей остались работать, осуществляя постоянный санитарный надзор над городскими училищами. История привлечения женщин-врачей к этой деятельности такова.

Отпускаемые городской думой средства были ничтожны. На медикаменты для каждой городской школы приходилось всего несколько рублей, на жалованье врачу ассигновалось сто рублей в год. В самый разгар эпидемии члены школьно-санитарного комитета отказались вести надзор в этих условиях. Врачи-практики, привыкшие выписывать лекарства для одного больного на несколько рублей, только горько улыбались, обсуждая каталог медикаментов для школ. Сергей Петрович в качестве председателя комиссии рассмотрел каталог медикаментов, выбрал самые необходимые и потребовал обеспечить ими школы. Для надзора за школьниками и лечения их он привлек женщин-врачей, которые согласились работать в школах за низкую плату. В трудных случаях они обращались за помощью к Сергею Петровичу. Он охотно отзывался на их просьбы и часто посещал школы.

«Во все время своего почти 9-летнего пребывания в составе городского общественного управления Боткин не переставал принимать самое горячее участие во всех вопросах, касающихся оздоровления столицы путем санитарных мероприятий и улучшения больничного дела, вникал в подробности вырабатывавшихся проектов новых больниц, следил за более целесообразным распределением больных, в особенности хроников, по лечебным заведениям», — писал в своем докладе о деятельности Боткина городской голова Лихачев.

Из письма С. П. Боткина Лихачеву видна его заинтересованность санитарно-гигиеническим состоянием города: «…не могу передать вам, с каким чувством искренней радости прочел я ваше заявление относительно… канализации Петербурга. Если удастся вам провести это великое дело для города, то не будет границ благодарности не только от ваших современников, и от многих грядущих поколений». Далее в письме Боткин высказывает заботу о бедном населении, для которого канализация — «самая вопиющая гигиеническая потребность», И добавляет, что канализация, кроме основных ее благ, в это тяжелое время «даст работу бедному люду».

Когда знакомишься с работами гласного петербургской городской думы С. П. Боткина, невольно приходит сравнение с деятельностью члена берлинского муниципалитета Рудольфа Вирхова. Он добивался проведения ряда санитарно-гигиенических мероприятий: водоснабжения, канализации, улучшения жилищных условий. В многочисленных статьях его подчеркивается значение медицины как социальной науки и роль мероприятий в области здравоохранения для подъема общего благосостояния населения. Несомненно, что в своей

общественной деятельности Боткин следовал примеру Вирхова.

Боткин возглавил комиссию, разрабатывавшую вопрос об улучшении санитарных условий и уменьшении смертности в России. Собранные комиссией данные были ошеломляющими. По смертности Россия оказалась на первом месте в Европе. Ежегодно из тысячи человек умирало 35 — на 10 больше, чем в Германии, па 15 больше, чем во Франции, на 16 — чем в Англии и на 20 больше, чем в Норвегии.

Боткин сделал все, чтобы эти цифры дошли до широких общественных кругов. Он обратился к правительству, указывая на то, что смертность в России «есть насильственная, а не естественная и что борьба с ней составляет нашу первую государственную потребность для поднятия благосостояния населения». Но правительственные органы отмолчались. «Надо было знать, — вспоминает Белоголовый, — как горячо взялся Боткин за предложенную задачу, чтобы понять его горечь и разочарование при неудаче».

В 1882 году были закрыты Высшие женские врачебные курсы. Снова женщины лишились возможности получать медицинское образование. А между тем уже состоялось несколько выпусков курсов. Боткин уже открыл, как давно мечтал, двери своей терапевтической клиники женщинам-врачам. Сергей Петрович очень тяжело переживал закрытие курсов, что видно из его переписки.

27 апреля 1882 года в зале городской думы отмечалось 25-летие врачебной деятельности Сергея Петровича Боткина. Чествование подготавливалось задолго до этой даты. Сергей Петрович просил не устраивать юбилея. Он писал, что предъявляет себе тяжелое обвинение в том, что перед его глазами было уничтожено и разрушено то учебное заведение, которому он отдал силы. «Я видел, как погибало это заведение, и не сумел спасти его» (Это касалось закрытия высших женских курсов).

Но чествование состоялось и превратилось в праздник. В те годы ни один даже самый крупный ученый или государственный деятель не удостоился такого внимания со стороны общественности. Местом торжества был не зал академии, где протекала научная деятельность профессора Боткина, не помещение какого-либо научного общества, членом которого он был, а зал городской думы, выборного органа городского самоуправления. И. М. Сеченов в своих «Автобиографических записках» пишет, что «празднику был придан характер чествования юбиляра не столько ученым сословием, сколько городом В его представителем городской головой, словно звание

Боткина, как гласного думы, шло впереди его ученых заслуг».

Деятельность Боткина приобрела настолько широкий общественный характер, что, чествуя его как врача, нужно было говорить о его общественной деятельности, а говоря о Боткине-общественнике, нельзя было не сказать о его медицинской и научной работе. Вот почему юбилей Боткина отличался, по словам Белоголового, «при совершенном отсутствии официального участия (правительства) стечением такой многочисленной публики, какая едва ли когда-нибудь собиралась на наших юбилейных торжествах».

В течение четырех с половиной часов зачитывали приветствия от различных общественных организаций Петербурга и других городов России.

В приветствии, которое подписали 724 студента Военно-медицинской академии, говорилось: «…сегодня мы чествуем вас не только как учителя, который развивал нам широкие взгляды на науку, но и как ученого, высоко державшего знамя русской науки, как лицо, составляющее одну из основ ее».

В адресе от медицинского совета за подписью Д. И. Менделеева, Е. В. Пеликана, В. Л. Грубера и других было сказано: «Вы создали школу, ученики которой с честью занимают ныне кафедры почти во всех университетах Россия… Аудиторией вашей были не стены Военно-медицинской академии, а вся Россия в лице рассеянного по ней врачебного сословия».

Юбиляра приветствовали две редакции медицинских журналов: «Вы первый с самозабвением показали, как в тяжелую минуту народных бедствий следует идти ему навстречу».

Отвечая на приветствия, С. П. Боткин говорил: «…25 лет служения родине, обществу и горячо любимому юношеству… не составляли для меня труда, это давало мне ряд наслаждений, в которых я черпал силы для своих работ, и вы поймете теперь мое смущение при виде тех почестей, которыми вы все меня осыпали. Приношу вам мою глубокую благодарность за это горячее сочувствие. Я не смею принять его как лично мне принадлежащее. При виде такого многочисленного собрания я не смею и этого относить к своей личности.

Я думаю, что вы собрались здесь не столько чествовать личность, сколько чествовать идею труда на пользу отечества, на пользу нашей родины…»

Желающих приветствовать Боткина было так много, что зал городской думы не мог всех вместить. На Думской площади собралась двухтысячная толпа. Это была молодежь и люди, которых лечил и которым оказывал помощь Сергей Петрович Боткин.

На юбилей Боткина широко откликнулась пресса. В № 7 «Медицинского вестника» в статье, посвященной празднику в думе, говорилось: «Общественное сознание привыкло издавна видеть в Сергее Петровиче Боткине стойкого борца за правду, за справедливость, за свободу, за веру в лучшее будущее. Слухи о чутком, сердечном отношении знаменитого клинициста к страданиям родной земли, ее нуждам, ее несчастьям поддерживали всегда живую связь между Сергеем Петровичем и лучшими сынами отечества».

Великий поэт-демократ Н. А. Некрасов посвятил С. П. Боткину в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» главу «Пир на весь мир». С чуткостью поэта и прозорливостью борца за народное дело Некрасов увидел в деятельности Боткина главное — заступничество за народ. «Народным заступником» назвал его Некрасов, и это название, как и «чудесный доктор», характеризовали деятельность Сергея Петровича.

Несмотря на ухудшение здоровья и большую общественную деятельность, Сергей Петрович продолжал работать в клинике. Теперь вопросы административные уже не требовали его внимания, клиника жила полной, ритмичной жизнью, во всем чувствовался пульс хорошего наполнения, как говорят врачи. Ученик С. П. Боткина Н. Я. Чистович писал в своих воспоминаниях: «Клиника Боткина была как бы большой семьей». Однако в ней, по выражению Чистовича, существовали и иерархия и строгая дисциплина. С. П. Боткин был высшим авторитетом, одобрение которого повергало в сильную радость, неодобрение — убивало.

К приходу Сергея Петровича в клинику собирались все врачи (было их человек двадцать). Сергей Петрович, выслушав доклад ассистента, шел в аудиторию. Обычно все ординаторы присутствовали при лекции. Лекции его были все так же интересны, как и в первые годы, и каждый раз он вносил в них что-нибудь новое: последние новинки иностранных журналов, новые наблюдения, новые теоретические соображения. При разборе клинических случаев Сергей Петрович требовал подробного и всестороннего исследования и был беспощаден, если усматривал какую-нибудь небрежность. Куда девалось его обычное добродушие! «Обход клиники Боткиным был страшным для всех моментом, — вспоминает Чистович, — он всегда предъявлял большие требования, и ординатор должен был знать все о своем больном. Каждый ординатор получал 5–6 больных, но зато и был обязан обследовать их во всех подробностях. Все явления у инфекционных больных изображались графически на

маленьких табличках н на больших — для лекций. За каждый недосмотр Боткин тут же при всех разносил. Помню, на обходе он раз спросил ординатора, нашел ли он бациллы в мокроте у больного диабетом с явлением поражения легких. Ординатор ответил отрицательно. „А сколько раз вы исследовали его мокроту?“ — „Два“. — „Господа, если нам нужно решить такой важный вопрос, болен ли наш пациент туберкулезом, то ограничиваться двумя исследованиями нельзя, надо поисследовать раз двадцать! Если вы будете так относиться к своему делу, я вынужден буду посылать своих больных для исследования в Обуховскую больницу“».

Сергей Петрович начал усиленную работу в новой области, привлекшей особое его внимание. Он писал Белоголовому из Финляндии:

«Теперь я засел за литературные студии микробного мира, который действует на меня угнетающим образом, микробы начинают одолевать старого человека в буквальном смысле слова: на старости лет приходится ставить свои мозги на новые рельсы. Без сомнения, мы переживаем в медицине тот период увлечения, какому подлежит всякое новое направление, имеющее большую степень значения. Нам пришлось начать изучение медицины с абсолютных истин Рокитанского, потом мы променяли их на клеточную теорию Вирхова, а теперь надо совершенно серьезно считаться и с микробами, из-за которых начинают забывать не только клинику, но и патологическую анатомию тканей, забывают значение реакции организма на микробов».

Микробиология в те годы только начинала складываться в науку.

Роковая связь между микроорганизмами и заразными болезнями была открыта в семидесятых годах, и это открытие вызвало ужас даже у самого Пастера: «Страшно подумать, что нашей жизни постоянно угрожает размножение бесконечно малых организмов», — говорил великий микробиолог. Говорил и настойчиво искал способы борьбы с выявленными врагами.

Поняв роль микробов в возникновении болезни, Сергей Петрович с исключительным вниманием следил за работами микробиологов.

И. И, Мечников первый дал объяснение защитных свойств лейкоцитов — белых кровяных телец. Изучая жизнь игольчатых морских животных, Илья Ильич вогнал в прозрачное тело морской звезды маленький шип куста розы. Через несколько часов он увидел, что блуждающие клетки морской звезды скопились вокруг шипа. Мечникова озарила догадка, что это, по

существу, явление защиты организма. Он доказал, что в организме человека роль таких защитников играют лейкоциты. Если лейкоцитам удается справиться с микробами, уничтожить их — болезнь будет побеждена, если бой выиграют микробы — человек заболевает. Свойством белых кровяных телец уничтожать микробы Мечников объяснил явления иммунитета. Так была создана знаменитая фагоцитарная теория иммунитета.

Взгляды Боткина на болезнь как сложный процесс взаимодействия сил сопротивления организма и микроорганизмов, высказанные на заре бактериологии, были гениальным провидением.

Для развития этих идей обладавший удивительной целеустремленностью Боткин не побоялся «ставить мозги на новые рельсы». Этими рельсами были в то время открытия Пастера, Коха, Мечникова. И как всегда, у Боткина слово не расходилось с делом. Он был первым из клиницистов, кто открыл бактериологическую лабораторию при своей клинике.

Боткин сильно сожалел, что не сохранял тексты своих лекций. Его нетерпеливая натура, его вечная сверхзанятость, стремление поскорей поделиться всем новым, слышанным или только что открытым, помешали тщательно обрабатывать и сохранять конспекты. Ученики Боткина решили воскресить прочитанный им курс. Сергей Петрович, конечно, не остался в стороне от терпеливого труда своих последователей и помогал им. В. Н. Сиротинин, В. М. Бородулин и М. В. Яновский собрали записи лекций Боткина и у бывших его студентов, теперь уже профессоров, научных сотрудников. Сергей Петрович отдал им все, что случайно сохранилось. В собирании материала приняли участие сыновья Сергея Петровича — Сергей и Евгений, ставшие медиками.

Сергей Петрович критически просматривал свои лекции и редактировал каждый раздел. Первый выпуск «Клинических лекций» С. П. Боткина вышел в свет в 1883 году, второй — в 1887 году, третий — уже после его смерти, в 1891 году.

Глава XV
Последнее десятилетие

«За истекшие 50 лет мы виднм необыкновенный рост и развитие медицины, но гигантская фигура С. П. Боткина стоит, как светоч, на пороге этого нового движения».

М. П. Кончаловский

Никто из русских и западноевропейских терапевтов — современников Боткина не создал такую блестящую научную школу, как он.

Белоголовый в своих воспоминаниях пишет: «Если студенты считали за особенное счастье быть слушателями Боткина и гордились своим учителем, то еще более них был счастлив он сам, когда ему удавалось подметить среди них способного юношу, в которого он стремился полнее перелить свои научные заветы и в котором надеялся оставить себе достойного, любящего свое дело, преемника. Таких молодых людей он немедленно приближал к себе, помогал им словом и делом и возбуждал к деятельности, увлекая собственным примером. Несмотря на неизбежные и нередкие разочарования, он не изменил этой живой потребности близкого общения с наиболее талантливыми и

трудолюбивыми учениками до последнего времени, отличая их при постоянной смене своих ассистентов, открывал им доступ в свой дом и ко многим привязывался с чисто родительской нежностью».

Окончив курс, бывшие ученики продолжали работу под руководством Боткина. Ближе других с ним были связаны Н. И. Соколов — главный врач Александровской барачной больницы, Н. П. Симановский, ведший кафедру горловых болезней, В. М. Бородулин, заведовавший в клинике женским отделением и работающий ассистентом Сергея Петровича при домашнем его приеме; Бородулин был женат на дочери Сергея Петровича.

Ученики С. П. Боткина заняли профессорские кафедры а Медико-хирургической академии и ряде институтов в Петербурге, а также В Казанском, Варшавском, Харьковском и Киевском институтах. Двадцать из них получили терапевтические кафедры, остальные — кафедры по различным специальностям. Знания Боткина были так широки и разнообразны, что он умел пробудить интерес не только к вопросам терапии, но и к другим. Вот почему из «боткинской школы» вышли такие блестящие специалисты, как Н. П, Симановский и Д. И. Кошлаков, создатели кафедры и клиники уха, горла и носа, Т. Н. Павлов — крупнейший венеролог и дерматолог, выдающийся патолог С. М. Лукьянов и другие.

Историки медицины отмечают, что Боткин первым в России создал научную школу клинической медицины. Предшественники Боткина — великие медики первой половины XIX века Мудров, Дядьковский, Чаруковский, Соколовский и другие — сделали много для развития медицины, но все они были одиночками, ни один из них не смог сплотить вокруг себя группы последователей. «Только Боткину, — пишет его биограф Фарбер, — удалось, говоря языком Тимирязева, вдвинуть русскую медицинскую науку в общеевропейскую семью, удалось потому, что он создал единую научную клиническую школу, самую многочисленную как в России, так и в Европе».

Школа — бессмертие ученого. Как и научные труды, она след, оставленный им в науке. Руководитель школы должен не только иметь ясную собственную дорогу в науке, оригинальность и глубину мышления, но и обладать той широтой натуры, которая, щедро одаряя учеников идеями, в то же время помогает увидеть в каждом из них то самобытное, что сделает его также творцом в науке.

Последние годы Боткин не выезжал за границу. Лето семья проводила в Финляндии. Сергей Петрович косил траву, ухаживал за деревьями и цветами.

Белоголовый писал в своих воспоминаниях; «В домашней семейной обстановке… он был весь нараспашку, с его нежно любящим сердцем, с его неиссякаемым добродушием и незлобивым юмором, и, окруженный своими 12 детьми в возрасте от 30 лет до одногодовалого ребенка, представляется истинным библейским патриархом, дети его обожали, несмотря на то, что он умел поддерживать в семье большую дисциплину и слепое повиновение себе…»

Летом 1886 года в семье Боткина случилось несчастье: умер пятилетний сын Олег. Это был первый сын от второго брака. Смерть сына Боткин перенес очень тяжело. Он писал Белоголовому: «…мы с женой чуяли беду; не высказывая друг другу своих опасений, мы все более и более привязывались к этому гостю между нами. Постоянное чувство страха за его жизнь было так сильно, что я не мог встретить ни одного гроба ребенка, чтобы не вспомнить о Ляле; в прогулках при виде ямы или колодца первой моей мыслью было, где Ляля, как бы он не попал в колодец, и т. п. Всю зиму он провел в нашей спальне и при первом его движении ночью то я, то мать были около него — и сколько любви, сколько сердца давал он нам за это внимание! Сколько нежных, милых слов умел он сказать мне и маме, сколько теплоты умел выразить в течение своей короткой жизни! И от всего этого остались одни только воспоминания!»

В письме Сергей Петрович не рассказывает, что под влиянием этого потрясения у него повторился приступ грудной жабы. Заботясь о жене, которая тяжело переносила их общую потерю, он скрыл от домашних приступ. Через несколько дней началось сильнейшее удушье. А с ним тоска, страх смерти, обрывочные мысли о детях, о незаконченных работах… Воздуху все меньше, и грудные боли все нестерпимее. Стало отдавать в лопатку, тянуть ногу, нестерпимо заболела рука. Самое трудное — отсутствие дыхания, темнело в глазах, выступал пот. Казалось, приближается смерть.

Приступ Сергея Петровича напугал всех и привел в отчаяние Екатерину Алексеевну. Из Петербурга вызвали Сиротинина и Бородулина. Они предписали профессору полный покой, но Сергей Петрович возразил, что у него был просто очередной приступ колик печени, а протек так бурно вследствие нервного потрясения. Он говорил с не свойственным ему раньше раздражением, напомнив, что он все же клиницист старше их годами и опытом.

Сергей Петрович, конечно, понял, что у него был приступ грудной жабы, но он старался себя и других уверить, что его заболевание — просто печеночные колики. В откровенном

разговоре со своим другом Белоголовым он как-то сказал: «Ведь это моя единственная зацепка; если у меня самостоятельная болезнь сердца, то ведь я пропал…»

«Когда Боткины переселились в Петербург, — вспоминает Белоголовый, — знакомые, не видавшие его с весны, были поражены происшедшей с ним переменой: он сильно поседел и постарел, и душевное, глубоко затаенное горе, несмотря на самообладание и желание казаться покойным, беспрестанно выдавало себя то дрогнувшим в разговоре голосом, то временным выражением тяжелой тоски на лице; в семье стали замечать некоторую раздражительность, не свойственную его обыкновенно ровному, миролюбивому характеру».

Наступала пора начинать работу в академии. Первый раз Боткин со страхом думал о лекциях, он боялся приступов удушья во время занятий. Ему стало трудно громко говорить, появилась одышка, но Боткин продолжал ходить в аудиторию, в клинику и понемногу втянулся в работу.

В день 1 марта, годовщину смерти Александра II, ежегодно служили панихиду по «в бозе почившему помазаннику божьему». Император Александр III и его семья выезжали в Исаакиевский собор, где высшим духовенством совершалось траурное богослужение. Придворные, крупные государственные чиновники и военные по обязанности присутствовали на панихиде. Досадуя на потерю временя, в этот день у Исаакия бывал и лейб-медик С. П. Боткин.

1 марта 1887 года Сергей Петрович выехал в собор, в притворе и на паперти толпилась петербургская знать. Все были в недоумении: почему государь не прибыл? Разнесся слух: на Невском арестовали двух студентов с бомбами…

4 марта в «Правительственном вестнике» было напечатано о неудавшейся попытке покушения на императора.

Вскоре стали известны имена заговорщиков. Следствие велось быстро. В этот раз не было обычной судебной волокиты. 19 апреля подсудимые были приговорены к смертной казни через повешение. 8 мая во дворе Шлиссельбургской тюрьмы состоялась казнь пяти участников заговора. Среди них был Александр Ульянов.

В день казни лейб-медику С. П. Боткину пришлось присутствовать в Зимнем дворце на благодарственном молебне по случаю чудесного спасения императора…

Сергей Петрович снова заболел. Его состояние ухудшилось, открылось кровохаркание. Он чувствовал непреодолимое желание хоть на время уехать. Друзья, видя его тяжелое состояние,

помогли ему выехать во Францию.

Белоголовый уже несколько лет как покинул Россию. Он писал Сергею Петровичу: «Никогда темные силы русского царства не развивались так, как теперь… мертвее и мертвее делается русская земля; кругом царит ничтожество и пошлость… хочется убежать куда-нибудь и подальше, видя, в какие дебри забирается русское царство… лучше чахнуть здесь, в условиях чужой вольной жизни, чем в подлейшей петербургской обстановке…»

В Париже Сергей Петрович немного оправился. Снова, как на службу, ежедневно отправлялся он в одну из больниц, посещал лекции, заседания различных медицинских обществ. Он перезнакомился со всеми специалистами по внутренним болезням и знаменитостями в области медицины. Особенно заинтересовала Боткина клиника Шарко. Он писал Белоголовому: «Лекции его оригинальны, в высшей степени поучительны, подбор случаев в клинике богатейший для изучения истерии и гипнотизма; это последнее дало мне возможность познакомиться с совершенно новым для меня миром явлений нервной системы». Боткин снова искал новые пути, новые методы. Встретился он с Пастером и много времени отдал ознакомлению с его институтом. В клиниках, лабораториях, на лекциях Боткин, как всегда, был пытливым, неутомимым учеником.

Он ни с кем не советовался о своей болезни, и никто не подозревал, что русский доктор нуждается во врачебной помощи. Нельзя было предположить тяжело больного в разговорчивом, любезном собеседнике. В суете между изучением клиник и утомительными обедами с вовсе не полезными изысканными блюдами и тонкими винами прошли три недели.

В Петербурге доктор Соколов, выслушивая сердце Сергея Петровича, нашел, что болезнь его сделала шаг вперед, и посоветовал своему учителю и пациенту сократить объем работы и отдохнуть. Но Боткин отклонил этот совет. Он хотел поскорее поделиться впечатлениями, которые вынес, познакомившись с клиниками и кафедрами Парижа. Начались его доклады в различных медицинских обществах. Сравнивая постановку преподавания во Франции и России, Боткин говорил: «… лаборатории в клиниках там далеко не так обширны, как можете встретить у нас, н поэтому почти недоступны студентам».

Боткин все же воспользовался плохим состоянием своего здоровья. Ссылаясь на него, он прекратил врачебную деятельность во дворце.

Летом 1888 года серьезно заболела одна из дочерей Боткиных. Страх за жизнь еще одного ребенка, лечение и уход за

дочерью еще раз заставили Сергея Петровича пренебречь своим здоровьем и тяжело отозвались на его сердце.

Когда девочка окончательно поправилась, Сергей Петрович решил ехать лечиться за границу. Врач, знающий о влиянии климатических условий как лечебного фактора, стал искать место, где он смог бы избавиться от угнетающего его удушья. Он поехал в Константинополь, чтобы на Принцевых островах еще раз попробовать действие морских купаний. И в этот раз морские купания дали результаты. Приступы удушья стали реже и переносились легче. В бодром состоянии Сергей Петрович задержался в Константинополе. Его интересовали военно-медицинская школа, военные госпитали и больницы Константинополя.

Семестр 1888/89 года во возвращении Сергея Петровича в Петербург начался вполне благополучно. Боткин ничего не изменил в своей жизни; клиника, частная практика, работа е Барачной больнице, посещение других городских больниц и школ… Боткин был удовлетворен: «Мой учебный сезон я провел хорошо и, окончив его, даже не почувствовал усталости», — писал он 6 апреля 1889 года.

А между тем «зоркий и заботливый глаз его старшего сына — доктора… неоднократно подмечал, как в пылу увлечения преподаванием у отца делался припадок грудной жабы, как он бледнел, голос становился глуше и прерывистее от спазматического дыхания, рука беспрестанно вытирала выступавший на лбу крупными каплями пот, но мощная сила воли быстро покоряла эту слабость сердца, и голос лектора снова как ни в чем не бывало продолжал громко и уверенно развивать свою мысль перед слушателями», — вспоминал Белоголовый.

Несмотря на учащающиеся приступы грудной жабы, Сергей Петрович взялся еще за одну обширную научную работу.

В ведении комиссии общественного здравия были богадельни, дома призрения старости — эти забытые всеми богоугодные заведения. Одинокие старики и старухи, попадая, как тогда говорили, в казну, были отданы на милость таким же казнокрадам, какие встречались Боткину в военное время.

С переходом в ведение городской думы положение в богадельнях изменилось. Благодаря распорядительности Боткина в них были произведены реформы, похожие на те, которые произвел доктор Нечаев в Обуховской больнице: была отмыта вековечная грязь и улучшилось питание. По предложению Сергея Петровича десять врачей взяли на себя надзор за здоровьем призреваемых. 2600 стариков было подробным образом обследовано.

Помимо чисто терапевтических, возникла совершенно новая, неизученная проблема патологии и физиологии старости.

Эта проблема заинтересовала Боткина. И вот уже контора богадельни обратилась в аудитории, где профессор Боткин прочитывал интереснейшие лекции. Он по целым часам перед собравшимися врачами развивал свои взгляды на изменения, совершающиеся в старческом организме. Сергей Петрович говорил, что явления старости далеко не изучены, что имеющиеся об этим данные мало разработаны и ждут своего исследователя.

Обязательные ли спутники старости атеросклероз, эмфизема, дряхлость, плохой слух, зрение и др.? Нет. Сергей Петрович придерживался мнения, что это, по существу, признаки преждевременного, патологического старения, что это болезненные явления, с которыми можно и должно бороться. Сколько же должна продолжаться нормальная жизнь человеческого организма? Бюффон, французский естествоиспытатель XVIII века, считал, что возможная продолжительность жизни животного и человека в пять-семь раз превышает период его роста. У лошади, например, период росга заканчивается к пяти годам, продолжительность жизни 20–30 лет. Рост человека заканчивается к 21–25 годам, следовательно, нормальной продолжительностью его жизни должно быть 150 лет. Да, человек, несомненно, может прожить значительно дольше, необходимо детально, шаг за шагом исследовать механизмы старения, говорил Боткин; лишь поняв их смысл, можно попытаться как-то на них воздействовать, научиться управлять процессами изменения организма при старении. Так Сергей Петрович поднял вопрос о необходимости изучения процессов старения и сделал первые шаги на пути науки, которая только сейчас, почти через столетие, начинает серьезное свое развитие — геронтологии.

В этой работе проявилась еще раз с особенной наглядностью широта научного мировоззрения С. П. Боткина. Он стремился изучить процессы патологических и физиологических изменений в их динамике. Одновременно он изучал их в историческом развитии, в их общении с внешней средой.

Здоровье Боткина все ухудшалось. Боткины поселились в Бернском кантоне в Швейцарии, но сырая сентябрьская погода заставила их ехать дальше В Аркашоне Сергей Петрович не нашел тоже ожидаемого облегчения. Поехали в Ниццу, ко в Ницце ему стало еще хуже. Возобновились мучительные приступы удушья. Ночи он проводил в кресле, не решаясь лечь в постель. В то время, когда Боткин страдал от приступов грудной жабы, отель,

где он остановился, осаждали больные, прося принять их. Пришлось объяснить всем, что доктор сам болен. Но в Ментоне, когда наступило временное облегчение. Сергей Петрович, не умея никому отказать, стал принимать пациентов и принимал их до 18 ноября.

28 ноября 1889 года за семейным обедом у Сергея Петровича во время кашля снова открылось кровохарканье. Это было следствием свежей закупорки легочных сосудов, вызванной ослаблением сердечной деятельности. С этого дня Боткин слег окончательно.

Спешно вызвали из Петербурга брата, Михаила Петровича. Приехали все сыновья Сергея Петровича и его дочь Анастасия с мужем, доктором Бородулиным. Привезли и старших девочек от второго брака. Около больного неотлучно находился и Николай Андреевич Белоголовый, живший в то время в Ментоне. Он пишет в своих «Воспоминаниях»: «Ухудшение шло так быстро, что даже задержать смертельный исход не представлялось никакой возможности, и он наступил 24 декабря [12. XII старого стиля] 1889 года в 12 с половиной часов дня… Смерть унесла с земли своего непримиримого врага».

Хоронили Боткина в Петербурге.

18(30) декабря 1889 года у Варшавского вокзала собралась толпа, встречавшая гроб с телом С. П. Боткина, хотя население столицы не было оповещено о прибытии праха в Петербург. «Многотысячная толпа терпеливо стояла, несмотря на отвратительную туманную погоду с мокрым тающим снегом, залеплявшим глаза, — вспоминает А, Погожев. — Гроб вынесли из вагона и так и понесли на руках. Процессия тянулась по пути следования к Новодевичьему монастырю, по Обводному каналу и Забалканскому проспекту на протяжении 4 верст».

Похороны состоялись на другой день. В это время в Петербурге проходил 8-й съезд русских натуралистов и врачей. Участников съезда не оповестили о похоронах Боткина. Известие пришло неожиданно, но большинство секций сразу прекратило работу и поспешило к Новодевичьему кладбищу.

Много было сказано прочувствованных речей на похоронах С. П. Боткина, но лучше всех, пожалуй, сказал художник И. И. Шишкин:

«Вот пришел поклониться праху богатыря и какого же чудес… [лакуна]»

Через три года после смерти С. П, Боткина Н, А. Белоголовый задает вопрос: «…Могла ли бы жизнь Боткина быть спасена, если бы он подверг себя своевременно целесообразному лечению?» —

и сам отвечает на него: «Возможно, что если бы при первых проявлениях сердечного расстройства Боткин подчинился бы тому режиму, какой он непременно предписал бы всякому больному, обратившемуся к нему за помощью при подобных болезненных припадках, его жизнь могла быть продлена, но такой режим… Боткин решительно не в состоянии был бы вынести; для этого прежде всего потребовалась бы… полная перемена образа жизни, уклонение от всяких волнующих занятий, обречение себя на бездействие, — и Боткин был бы не Боткин, если бы он согласился на такие требования».

«…вспоминается мне, как в конце 1887 г., за два года до его смерти, я, исследовав его впервые в Париже, посоветовал оставить на год занятия и провести зиму в Ницце; он даже побледнел, замахал решительно руками и, задыхаясь от волнения, вскричал: „Ну как ты можешь подать мне такой совет? Да разве ты не понимаешь, что клиника все для меня и что без нее я жить не могу? Я тогда совсем пропащий человек“ и т, д., — и в его горячих, взволнованных словах слышалась такая искренность и непоколебимая убежденность фанатика, что оспаривать его не было никакой возможности»!

Основные даты жизни и деятельности С. П. Боткина

1832, 5 сентября — Родился в Москве.

1850 — Поступил в Московский университет на медицинский факультет.

1855 — Окончил Московский университет. Получил диплом лекаря с отличием и звание доктора медицины.

Принимал участие в Крымской кампании в отряде Н. И. Пирогова.

1856—1860 — Совершенствование в медицине за границей.

1860 — Начал работу в Медико-хирургической академии в качестве исполняющего обязанности адъюнкта.

1861 — Утвержден в звании ординарного профессора Медико-хирургической академии.

Организовал первую в России клиническую лабораторию.

1863 — Начало исследований в области «теории нервизма».

1865 — Начало борьбы за создание эпидемиологического общества.

1869—1889 — Издание «Архива клиники внутренних болезней».

1872 — Получил звание академика Медико-хирургической академии и лейб-медика императорского двора.

Создание Женских высших врачебных курсов.

1877 — Участие в русско-турецкой войне в качестве главного врача и консультанта верховного главнокомандующего.

1879 — Эпидемия ветлянской чумы, обвинение Боткина в «медицинской ошибке». Чествование в Русском врачебном обществе.

1881—1885 — Деятельность по организации Барачной больницы и перестройке больничного дела в Петербурге.

1881—1889 — Работа в качестве гласного петербургской городской думы. Организация квартирной медицинской помощи в Петербурге.

1882 — Работа по созданию врачебно-профилактических мероприятий в школе, по улучшению санитарных условий и уменьшению смертности в качестве председателя соответствующих комиссий.

27 апреля — Чествование по поводу 25-летнего юбилея врачебной деятельности.

1889 — Работа по обследованию изменений организма в старческом возрасте.

1889, 12 декабря — Смерть в г. Ментоне.
1889, 18 декабря — Похороны в Петербурге.

Краткая библиография

Боткин С. П., Курс клиники внутренних болезней. Медгиз, 1950.

Боткин С. П., Клинические лекции. Медгиз, 1950.

Боткин С. П., Письма из Болгарии. Спб, 1893.

Белоголовый Н. А., С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. Спб., 1892.

Белоголовый Н. А., Воспоминания. М., 1897.

Сеченов И. М., Автобиографические записки. Изд-во АН СССР, 1945.

Фарбер В. В., С. П. Боткин. Медгиз, 1948.

Бород улин Ф. Р., С. П. Боткин и неврогенная теория медицины. Медгиз, 1949.

Розова К. А., С. П. Боткин. Медгиз, 1951.

Садовская Н., Переписка С. П. Боткина с Н. А. Белоголовым. Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина в. 2. М., 1939.

notes

Примечания

1

Архиятер — главный начальник всей медицинской службы России, подчиняющийся непосредственно императору.

как он сам любил говорить).

Что же увидел Боткин для себя привлекательного в той схоластической науке, которую преподавали в университете?

Он увидел факты. За сухими словами он сумел разглядеть ценность наблюдений, сделанных предыдущими поколениями медиков, сумел понять, что непреложные факты, опыт остаются реальностью, в какие бы надуманные теории их нн облекали. И он решил хорошо усвоить все, что слышал от преподавателей, а главное — изучить то, что дается опытом. Пришло это не сразу. Для того чтобы уяснить себе, как трудно было молодому студенту разбираться в преподаваемой ему науке, познакомимся с его учителями.

«Профессор Полунин, — писал С. П. Боткин, — имел наибольшее влияние на наше развитие, которое шло тогда исключительно путем гуморального направления, причем теория о кразах Рокитанского занимала преобладающее место. Эта теория принималась нами как окончательное слово науки, сомнение в котором было невозможно».

Алексей Иванович Полунин читал патологическую анатомию. Наука эта, возникшая в конце XVIII века, имела большое значение для развития медицины, она обогатила ее множеством новых фактических данных, дающих возможность понять сущность различных заболеваний. Посмертные анатомические вскрытии показывали изменения органов, и это связывало каждую болезнь с определенной реальной основой. Врачи стали сопоставлять знакомые им внешние проявления болезни с точно констатируемыми внутренними изменениями организма. При давно знакомой им чахотке находили они теперь творожистые перерожденные бугорки, каверны в легких, при сердечных заболеваниях — изменения сердечной мышцы, клапанов сердца и т. д.

Патологическая анатомия по существу своему была наукой точных фактов, но, несмотря на это. ока не избегла участи «впасть в соблазн идеализма». Крупнейшим патологоанатомом первой половины XIX века был руководитель «венской школы» Карл Рокитанский. Он проповедовал идею особой жизненной силы, образующей материю и управляющей ее движением. Жизненная сила — это начало невесомое, неуловимое, это проявление вечно деятельного духа, для которого организм — лишь земная оболочка. Эта жизненная сила, по представлениям Рокитанского,

управляет организмом через соки. Рокитанский считал, что в основе всех заболеваний лежит изменение химического состава соков, неправильное их смешение. Под соками подразумевали главным образом кровь. Основным методом лечения последователи гуморального направления считали кровопускание. Об одном знаменитом французском враче того времени, Франсуа Бруссе, говорили, что он пролил крови больше, чем Наполеон за время всех своих войн.

Полунин был учеником Рокитанского. Он настолько верил в непреложность гуморальной теории, что, когда сам Рокитанский отказался от нее, заявил: «Да, это верно, что Рокитанский отрекся от учения о кразах, этого лучшего творения своей ученой деятельности; это только показывает, что гениальный ученый выжил из ума».

Последователем другой популярной в то время теории — солидаризма — был профессор Московского университета Иноземцев. В начале XIX века во Франции ученый Ксавье Биша в своей «Анатомии» изложил основы солидарной теории — учения о тканях. Он считал, что все человеческое тело, состоит из 21 первоначальной ткани. Каждая из этих тканей имеет своеобразное строение и наделена особенными физиологическими функциями. Разнообразные соединения этих тканей составляют органы. И жизнь, и здоровье, и болезни зависят от состояния этих тканей.

«Профессор Иноземцев, последователь солидарной патологии. — писал Боткин, — впал в ту исключительность, которая придала его учению догматический характер. Отсюда и происходило то, что у нас было два катехизиса: один — с гипотезами венской гуморальной школы, другой — с гипотезами солидарной патологии».

Федор Иванович Иноземцев вел в Московском университете с 1835 года кафедру практической хирургии. В 1846 году им была создана первая в России факультетская хирургическая клиника.

Широкое понимание задач своей кафедры, постоянное, настойчивое внедрение в лечебную практику новейших достижений медицинской науки обусловили то, что из его учеников вышли не только хирурги, но и физиологи, терапевты, патологи, гистологи, акушеры, дерматологи, венерологи, бальнеологи.

Иноземцев учил, что хирург должен быть хорошим терапевтом, н сам всегда старался вылечить больного неоперативным способом. Тщательная подготовка больного к операции и внимательное наблюдение за послеоперационным

периодом было его правилом.

Однако взгляды Иноземцева и методы лечения были крайне своеобразными. Он утверждал, что с сороковых годов XIX столетия характер болезней изменился. До того он-де был воспалительный и требовал для борьбы с ним постоянных кровопусканий и прохлаждающего метода, теперь же преобладают раздражения симпатического нерва. На этом основании он от всех заболеваний прописывал специальную микстуру из нашатыря, лакрицы и рвотного камня и капли из миндорфова спирта.

— Даже и в то время, — пишет Белоголовый, — такой взгляд на характер болезней представлялся чересчур странным и эксцентричным… и студенты над ним подтрунивали.

В своих лекциях Иноземцев касался и морально-этических вопросов: «Честность в науке неразлучна с честностью в жизни, и кто в науке видит одну дойную корову для себя, тот не честный слуга, а промышленник, обращающий светлое имя науки в торговый промысел».

О влиянии Иноземцева на Боткина писал врач Смирнов: «Нравственная сторона учения, которое преподавал нам незабвенный учитель Ф. И. Иноземцев, была глубоко усвоена его учеником С. П. Боткиным, который всю жизнь свою был носителем этих честных начал. Ими объясняется весь гуманный характер его деятельности, его человеколюбие в практике, его доступность всем и каждому, его общепризнанное бескорыстие».

Иван Тимофеевич Глебов читал сравнительную анатомию и физиологию. Врач, физиолог, педагог и общественный деятель, он был учеником Дядьковского и последовательно проводил его материалистические воззрения в науке.

Если вспомнить, что в то время еще нередки были мнения, высказанные доктором медицины Д. Веланским: «Есть ли что-либо безобразнее физиологии… найдем ее (физиологию) немою и мертвою как хладный мрамор, которую никакое баснословие гипотез оживотворить не может», — то станет ясно, что слова Глебова: «без физиологии медицина становится шарлатанством» — были очень смелыми.

Сеченов, учившийся в университете одновременно с Боткиным, писал о Глебове: «Человек очень умный и очень оригинальный лектор. Излюбленную им манеру излагать факты можно сравнить с манерой судебного следователя допрашивать обвиняемого: именно существенный вопрос, о котором заходила речь, он не высказывал прямо, а держал его в уме я к ответу на него подходил исподволь, иногда даже окольными путями. Как

человек умный, свои постепенные подходцы он вел с виду так ловко, что они получали иногда характер некоторого ехидства. Таков же он был и на экзамене, вследствие чего студенты боялись его как огня».

А вот слова Боткина: «Всякий, кому пришлось учиться в Московском университете, помнят то громадное впечатление, которое производили лекции проф. Глебова на учащихся. В высшей степени ясное, живое и критическое изложение предмета возбуждало в слушателях тот интерес к науке, ту искреннюю любовь к истине, которые одно из существенных условий развития истинного ученого».

«Физиология есть ключ, открывающий врачу двери в храмину тела человеческого. — говорил Глебов на своих лекциях. — Тот, кто изучит физиологию, тот будет знать и условия, от которых зависят болезнь и здоровье… А узнавши эти условия, стоит только подчинить их своей власти, чтоб уметь управлять ими по своему произволу; тогда с помощью их одних можно будет управлять развитием, ростом и полной жизнью человека, равно как охранением его здоровья и целением болезни. Но можно ли так подчинить эти условия своей власти? Можно, надобно только знать названные науки. Ибо. если механик управляет этими условиями по своему произволу в машине, им же самим сделанной… то может ли быть, чтоб врач не мог подчинить своей власти их, не пользоваться ими по своему расчету? Без всякого сомнения, может».

Эта мысль нравилась Сергею Боткину, она показывала путь, идя по которому медицина сближалась с математикой, физикой — науками ясными и точными, со школьных лет привлекавшими его.

Но прекрасные мысли в лекциях Глебова были очень мало подтверждены фактическими данными. Он не давал того, к чему более всего стремился Боткин, — познания опытом. «Очень хромала у него демонстрационная часть, — писал Белоголовый, — практических занятий у него почти вовсе не было, если не считать нескольких лекций с вивисекциями, носивших на себе характер случайных, отрывочных приемов без всякой методичности и последовательности…

…Об этих вивисекциях у меня остались в памяти только шумные н скорее комические сцены, когда профессор, разрушив десятку голубей часть мозга посредством прокола булавкой, передавал их для наблюдения последствий очередным студентам, а те, вооруженные длинными палками и солдатскими швабрами, с гиканьем стараются выгнать ошеломленных голубей, забившихся за высокие шкафы…»

Читая эти воспоминания, невольно сравниваешь их с записями Герцена, учившегося в университете двадцатью годами раньше Белоголового: «…Сегодня Глебов вскрыл живую собаку. В первые минуты зрелище страшное, отвратительное, — но потом интерес поглощает все другое. Вот она пульсация артерий, вот нервы, производящие судороги при прикосновении и, наконец, сердце, еще горячее, еще бьющееся. Я положил на него руку, — есть что-то торжественное в этом святотатственном прикосновении к тайнику жизни». То, что двадцать лет назад казалось опытами исключительной важности, во времена Белоголового и Боткина, когда студенты имели возможность работать над трупами и вести наблюдения над больными, уже не воспринималось ими серьезно.

Характерными для того времени были взгляды и профессоров Топорова и Овера. Сеченов в своих автобиографических записках писал: «Виной моей измены медицине было то, что я не нашел в ней того, чего искал: вместо теории — голый эмпиризм» — и приводил как пример лекции Топорова, который постоянно бравировал отрицанием теории и новых методов диагностики. Студенты уверяли, что Топоров говорил: «Зачем нам термометры да микроскопы, была бы сметка, мы и без них нажили Топоровку» (на Малой Молчановке было два дома, принадлежащих Топорову, медики эту улицу прозвали Топоровкой).

И все же Боткин ценил Топорова. Белоголовый вспоминает: «Боткин говорил мне, что не раз убеждался, сколько меткой, хотя и вовсе научно не обработанной наблюдательности было в лекциях Топорова. Он не был ученый профессор, а тот очень сметливый русский мужичок, который до многого доходил своим сильным здравым смыслом».

«…профессора Овер и Топоров, — писал Боткин, — оба искусные врачи того времени, придерживались по преимуществу тогдашней французской школы». Приверженцы этой школы считали основным для врача интуицию, талант, пренебрежительно относясь к научной диагностике. Многие из них действительно проявляли исключительную способность определять болезнь «с первого взгляда». Боткин рассказывал, как во времена его студенчества профессор Овер, даже не подходя к больному, делал заключение — и почти всегда диагноз оказывался правильным.

Искусство лечить! Сергей Боткин много думал об этом. Из чего складывается это искусство? Много лет спустя профессор Боткин писал: «Искусство в медицине — то, что не подходит под научные точные истины». «Искусство лечить — есть

несправедливое выражение. Нужно и искусство исследовать, и наблюдать, и анализировать добытые сведения — во всем нужно искусство».

Но студент Боткин еще не мог отдать себе отчета во всем этом и только страстно мечтал овладеть искусством лечить. Сначала он верил, что университет ему даст все нужные для этого знания. Белоголовый вспоминает: «Он аккуратно являлся на лекции, и так как печатных руководств и учебников тогда почти вовсе не было, а приходилось готовиться к экзаменам по лекциям, записанным за профессорами, то его всегда можно было видеть вблизи кафедры, где он, несмотря на свое плохое зрение, записывал всегда сам, и притом так внимательно и быстро, что его тетради считались образцовыми и другие прилежные студенты по ним восполняли впоследствии неизбежные пробелы и недосмотры в своих записях. Боткин относился к категории студентов, которые носили в кармане кости черепа и в часы рекреаций повторяли все пройденное. Отличная память и логическое мышление позволяли ему блистательно сдавать экзамены».

Но скоро сомнения стали закрадываться в его голову. Каждый преподаватель по-своему толкует одни и те же фанты, по-своему учит подходить к болезни. Мнения эти явно входят в противоречия. Что же остается несомненным? Факты, наблюдения — то, в чем он убедится на опыте. И Боткин начал ценить более всего опыт.

В «Письмах об изучении природы» Герцена Боткин когда-то прочитал: «Естествоиспытатель, вооруженный микроскопом, преследует жизнь до последнего предела, следит за ее закулисной работой. Физиолог на этом пороге жизни встретился с химиком, вопрос о жизни стал определеннее, лучше поставлен, химия заставила смотреть не на одни формы и их видоизменения — она в лаборатории научила допрашивать органические тела о их тайнах». Теперь студент Боткин понял истинное значение этих слов.

То же говорил ему Павел Лукич Пикулин: «Учитесь наблюдать, опыт — вот главное, что нужно врачу». Пикулин был адъюнктом профессора Варвинского и вел практические занятия со студентами в госпитальной терапевтической клинике Екатерининской больницы. В теоретических вопросах он, как и Варвинский, был последователем Рокитанского, но, недавно вернувшись из заграничной поездки для усовершенствования своего образования, он умело передавал студентам новые для того времени методы обследования больного. «В клинику…

студенты приходили как в обетованную землю, где утолялся их голод в клинических познаниях, — вспоминает Белоголовый. — Занятия в этой клинике значительно подвинули медицинское образование студентов». Этим они были обязаны главным образом Пикулину.

На Сергея Боткина Пикулин имел большое влияние, он часто бывал в доме на Маросейке и впоследствии женился на сестре Боткина. Сергей с юношеских лет привык считать его близким человеком и постоянно советовался с ним во всех важных для него случаях жизни. Доктор Змиев в своих воспоминаниях писал, что когда он впоследствии слушал лекцию профессора Боткина, то был поражен, «до того живо напоминал он Пикулина, то была не простая подражательность, а органически усвоенная преемственность идей двух людей с виду совсем разных, но одинаково больших». Однажды Пикулин дал Сергею сочинения знаменитого терапевта начала XIX века Матвея Мудрова. На странице, обведенной карандашом, было написано: «Врачевание состоит не токмо в лечении болезни. Лекарю нужно прежде всего узнать самого больного, уразуметь причины, приведшие его тело к хвори, постигнуть весь круг болезни… Я скажу вам кратко и ясно: врачевание состоит в лечении самого больного. Вот вам вся тайна моего искусства, каково оно ни есть!» Сергей задумался — почему Пикулин подчеркнул эти слова. Потом понял: действительно эта мысль Матвея Мудрова очень глубока, именно она должна стать основной для настоящего врача.

В беседе Мудрова в прозекторской он прочел: «Мы ранее наблюдали с вами течение болезни у этого человека. Случилось большое горе. Нам не удалось спасти его. Пусть же эта смерть послужит на пользу человечества. Мы, лекари, обязаны доискаться точной причины его смерти. Мы вскроем это тело, тщательно исследуем его органы: сердце, легкие, желудок, кишечник, печень н узнаем, что привело его к гибели…»

Нак раз началась практика по анатомии.

Идя первый раз в прозекторскую, Сергей Боткин волновался. Уж очень много слышал он о том, что некоторые студенты не выносят вида и запаха трупов. Но все обошлось благополучно. Первое неприятное впечатление было побеждено интересом к работе. Вот он, человек… или, вернее, то, что было человеком. Для врача это целый мир, который надо исследовать, изучить во всех деталях. И он изучал… Студенты смеялись, говоря, что Боткин переменил место жительства — переселился в прозекторскую.

Практическими занятиями в анатомическом театре заведовал добрейший прозектор Иван Матвеевич Соколов — он предложил

желающим приходить для работы не только в утренние часы, но и вечерами, когда он был занят приготовлением препаратов к лекциям. В эти часы между немолодым прозектором к студентом Боткиным завязалась дружба. Через много лет они встретились еще раз. Иван Матвеевич Соколов обратился к профессору Военно-медицинской академии С. П. Боткину с просьбой о работе. Прослужив двадцать лет в Московском университете, он остался не у дел, потому что не был избран в следующее пятилетие. «Привыкнув всю мою жизнь анатомировать, я полез на стену, когда остался без дела: от скуки даже начал анатомировать жуков и тараканов», — писал он Боткину, прося приискать ему место. Сергей Петрович горячо принял к сердцу положение своего бывшего руководителя и устроил его.

Усвоив в неразберихе преподаваемых ему истин, что главным учителем его должен стать опыт, Сергей Боткин начал последовательно осуществлять «собственную программу обучения». Если мы проследим за годами занятий Боткина в университете, то увидим, с какой настойчивостью знакомится он со всем, что может дать ему опыт. Он проводит много часов в прозекторской за приготовлением препаратов, пока не добивается, что его работу нельзя отличить от образцов, изготовленных Соколовым. Он, почти единственный из студентов, обучается у профессора Варнека обращению с микроскопом, который в то время считали «кабалистическим оружием», у него же знакомится с гистологией. Этот предмет не был выделен в специальный курс и изучался поверхностно. С увлечением ставит Боткин опыты по химии, пользуясь тем, что профессор фармации и фармакогнозии Лясковский предложил желающим работать с ним приватно.

С особенным старанием занимается Сергей в клинике. Он посещает клинику не только в положенные часы, но и остается дежурить за других студентов, которые частенько с удовольствием уступали ему свою очередь (одним из таких студентов был, кстати сказать, Сеченов

3

Диагностика, основанная только на практических наблюдениях, а не на экспериментальных исследованиях.